

Департамент образования города Москвы

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Самарский филиал

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ ФЕНОМЕНОВ
В СИСТЕМЕ ДИСКУРСА**

Коллективная монография

Самара
2017

УДК 81-22
ББК 81.2
Ф94

Печатается по решению
Ученого совета СФ ГАОУ ВО МГПУ

Рецензенты:

Гашимов Э. А., д. филол. н., проф., заместитель директора
МБОУ ОДПО «Центр развития образования»
городского округа Самара,

Абрамов В. Е., д. филол. н., проф., заведующий кафедрой
иностранных языков Поволжского государственного университета
телекоммуникаций и информатики

Функционирование языковых феноменов в системе
Ф94 дискурса: колл. монография / под общ. ред. Е. В. Вохрышевой. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2017. – 180 с.

ISBN 978-5-9908011-6-5

Монография посвящена проблеме функционирования различных языковых явлений в дискурсах разных видов и жанров. Рассматриваются вопросы предпосылок формирования понятия «дискурс», типологии дискурсов, структурной и семантической разнородности видов и жанров дискурсов, когнитивных, стилистических и прагмалингвистических аспектов функционирования языковых феноменов в дискурсно-ориентированной парадигме.

Предназначена для специалистов в области лингвистики, литературоведения, лингвокультурологии, а также для всех интересующихся проблемами дискурсологии.

УДК 81-22
ББК 81.2

ISBN 978-5-9908011-6-5

© СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Язык и дискурс. Предисловие	4
Раздел 1. Теоретические основы исследования дискурса	
1.1. Источники и предпосылки возникновения понятия «дискурс» и дискурсивного направления исследований в лингвистике	11
1.2. Типология жанров фантастического художественного дискурса	25
1.3. Граница, порог и рамка как признаки проблемы идентичности в художественном дискурсе (на примере романа Б. Маламуда “The Fixer”)	40
1.4. Философский дискурс о проблеме гармонизации отношений человека с обществом и природой в конфуцианстве ..	51
Раздел 2. Стилистические и прагмалингвистические особенности дискурса	
2.1. Стилистическое своеобразие художественного фантастического дискурса (на примере романа В. Рот «Дивергент»)	69
2.2. Специфика перевода дискурса официально-делового стиля (на материале текстов англоязычных международных соглашений)	79
Раздел 3. Языковые феномены в дискурсах разных видов и жанров	
3.1. Номинативные характеристики знака в словообразовательном моделировании когнитивного дискурса	90
3.2. Мифологизмы в политическом дискурсе	104
3.3. Политическая корректность и эвфемизмы в системе политического дискурса	113
3.4. Структурно-семантическая характеристика заглавий художественных произведений английских писателей XVI–XX веков	127
3.5. Функции эллиптических конструкций в художественном дискурсе (на примере романа Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls”)	139
3.6. Речевые характеристики поведения женщины в англоязычном художественном дискурсе	157
Библиографический список	164
Список авторов	178

Язык и дискурс. Предисловие

В современном языкознании большое внимание уделяется функционированию языка в системе дискурса, который представляет собой либо конкретную микросистему речи, наделенную социокультурными измерениями, либо язык, преобразованный говорящим субъектом и включенный в конкретный социокультурный контекст, либо речь, погруженную в жизнь.

Дискурс связывается с такой активностью в языке, которая соответствует специфической языковой сфере и обладает специфической лексикой, т. е. он создается в «определенном смысловом поле и призван передавать определенные смыслы, нацелен на коммуникативное действие в особой языковой среде»¹. В связи с этим сам термин «дискурс» часто дополняется определениями, например, «политический дискурс», «философский дискурс» и т. д. В соответствии с таким пониманием дискурс обладает свойством целостности, имеет внутреннюю организацию и форму, к нему применимы понятия вида, жанра и стиля².

«Язык» и «дискурс» дополняют друг друга, но не являются тождественными понятиями. Язык, понятый как система знаков, может производить бесконечное число высказываний, реально же их производится ограниченное количество. Дискурс – это то, что произведено реально и имеет, таким образом, статус существования, отличный от идеального статуса языковой системы. Дискурсивное высказывание не определяется логически, т. е., исходя из пропозиции, предложения могут содержать одну и ту же пропозицию, но относиться к совершенно разным высказываниям, например к констатации факта и предположению, в одном высказывании может также содержаться несколько пропозиций³. Высказывание несводимо к речевому акту, хотя это наиболее эффективная из его идентификаций. Для выполнения таких речевых актов, как клятва, молитва или обещание, требуется подчас несколько высказываний, т. е. ре-

¹ Горбунов А. Г. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма. – Ижевск, 2013. – С. 6.

² Кибрик А. А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

³ Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 25–33.

чевой акт выполняется на совокупности высказываний. Дискурс отражает определенные комбинации, с помощью которых говорящий использует язык. Язык является универсальной абстрактной системой, тогда как дискурс – конкретной системой.

О. Ф. Русакова, говоря о дискурсе отмечает, что это сложно структурированная коммуникативно-знаковая система, обладающая шестью основными планами: *интенциональным* (властные интенции, стратегии, замыслы), *актуальным* (воплощение властных интенций в реальной деятельности, имеющей знаково-символический характер), *виртуальным* (распознавание и понимание смыслов, ценностей, идентичностей), *контекстуальным* (расширение смыслового поля на основе социокультурных, исторических и иных контекстов), *психологическим* (эмоциональный, энергетический заряд, содержащийся в дискурсе и придающий ему суггестивную силу) и «*осадочным*» (запечатление всех перечисленных выше планов в общественном сознании и опыте, в той конструируемой и материализуемой обществом среде, формы которой являются отражением культуры)⁴. Именно эти планы влияют на функционирование и реализацию языковых единиц разных уровней в системе дискурса.

Актуальность данной монографии заключается в раскрытии некоторых сущностных, структурных, семантических, стилистических, жанровых и лингвопрагматических характеристик функционирования языковых феноменов в таком сложном и многозначном объекте исследования, как дискурс, который, будучи особой лингвистической категорией, характеризуется как явление промежуточное между речью и общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, с другой стороны.

Цель исследования определяется как выявление особенностей функционирования языковых феноменов в дискурсах разных типов, стилей и жанров.

Задачи монографии представлены следующим образом:

1) описание предпосылок и научных достижений в формировании термина «дискурс» и его разнообразного понимания;

⁴ Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – 177 с.

2) выявление структурных и семантических особенностей разных видов дискурса: фантастического, философского, художественного, официально-делового;

3) развертывание стилистических и лингвопрагматического своеобразия дискурсов разных видов и жанров;

4) определение специфики функционирования некоторых языковых феноменов в разных типах и жанрах дискурсов.

Монография состоит из трех разделов. В первом разделе *«Теоретические основы исследования дискурса»* затрагиваются проблемы теоретического осмысления и предпосылок, которые способствовали формированию в конце 1960-х – начале 1970-х годов дискурсивного направления исследований в рамках коммуникативной и прагматической лингвистик. Обосновывается, что источниками и предпосылками появления дискурса и дискурсивного направления в лингвистике стали следующие события: 1) первое упоминание Ф. де Соссюром термина «дискурс» в лингвистическом ракурсе (1916) и первое определение З. Харрисом лингвистического явления «дискурс» (1952); 2) появление в конце 1940-х – середине 1960-х годов работ по разговорному языку англо-саксонских ученых и результаты их исследования вербальной «интеракции» / «коммуникации» (а также «разговора», «беседы» и т. п.) между представителями различных социальных групп в различных институциональных условиях; 3) создание К. Шенноном модели «системы коммуникации», состоящей из пяти основных элементов (1948); создание Дж. Остином «теории речевых актов» (1955–1956); 4) формирование в 1920-х годах функциональной лингвистики, идеи К. Бюлера о существовании «триединой системы» функций языка (1934), создание Р. О. Якобсоном функциональной модели «акта речевой коммуникации» (1958); 5) появление в 1950–60-е годы в англо-саксонских лингвистических кругах неудовлетворения единицами анализа, используемыми при изучении языка, а именно предложением и высказыванием; 6) возникновение в 1950–60-е годы в англо-саксонских лингвистических кругах большого интереса к изучению речевого акта как основной единицы коммуникации, усилившегося в связи с одновременным критическим пересмотром ими своего отношения к популярным в то время структурному и трансформационно-генеративному направлениям в лингвистике,

которые не принесли ожидаемые результаты в повышении уровня практического овладения иностранным языком.

В разделе представлена специфика фантастического художественного дискурса на основе классификации жанров, опирающейся на содержательный компонент текста художественного произведения с учетом модернистского и постмодернистского периодов в культуре. На основе сюжетно-тематического пространства и семантического развертывания раскрывается своеобразие нового жанра фантастического дискурса – научное фэнтези, которое отличает от других жанров характерный дуализм, в произведениях жанра сосуществуют как научные методы познания мира, так и магические; магия получает рационалистическое объяснение, а реальные, фантастические и мифологические пространства сливаются в единое гармоничное целое.

В разделе рассматриваются специфические категории художественного дискурса «граница», «порог» и «рамка» в контексте формирования и становления личностной идентичности, раскрывающихся на примере произведения Б. Маламуда “The Fixer”. В рамках данных категорий как переходных пространств, указывается на то, что какова ни была бы личностная, национальная, профессиональная идентификация личности у персонажей романа, все они решают *общечеловеческие проблемы поиска себя и определения своего места в мире; проблемы отношения к людям, которые попросту – иные или другие; проблемы права на уважение и самоопределение в обществе и государственной системе.*

В разделе также описывается своеобразие конфуцианского философского дискурса, связанного с экологическими проблемами, которые реализуются в системе взаимоотношений «природа – человек – общество». Показывается, что в китайской философской традиции важнейшим является ориентация личности на крайне почтительное и гуманное отношение как к социуму, так и к природному миру. Вместе с тем она ориентирована на совершенствование внутреннего мира человека. Улучшение общественной жизни, порядков, нравов, управления связывается, прежде всего, с изменением индивида и приспособлением его к обществу, а не с изменением внешнего мира.

Второй раздел «*Стилистические и прагмалингвистические особенности дискурса*» посвящен исследованию жанрово-

стилистических и прагмалингвистических характеристик художественного дискурса на примере изучения идиостиля В. Рот в ее романе «Дивергент». В результате исследования делается вывод о доминировании синтаксических стилистических средств: риторических вопросов, вопросно-ответных структур, парцелляций, ретардаций и т. д. Кроме того, отмечается стремление автора к минимализму выражения на эксплицитном уровне для интенсификации смысла на глубинном уровне.

В разделе также уделяется внимание жанрово-стилистической специфике официально-делового дискурса, находящегося на стыке с политическим и юридическим дискурсом, так как объектом исследования становятся международные политические соглашения. Прагмалингвистический аспект раскрывается через тонкости перевода специфических лексических, терминологических и синтаксических структур, а также подбора эквивалентных соответствий исходя из норм языковой вариативности и прагматической адаптации.

В третьем разделе «*Языковые феномены в дискурсах разных видов и жанров*» изучению подвергаются различные феномены языка в их функционировании в различных видах и жанрах дискурса. Во-первых, изучаются номинативные характеристики знака в словообразовательном моделировании когнитивного дискурса и утверждается, что слово-название предмета реальной действительности является инструментом познания этой реалии. Процесс означивания и происходит под влиянием стереотипов, готовых образцов, представляющих собой ментальные репрезентации когнитивного дискурса. Любое имя содержит конкретные пресуппозиции знака номинации, а номинатор при этом учитывает фреймовые ситуации. Взаимосвязь между содержанием и формой знака в процессе словообразования связано с тем, что передаваемая ими информация упаковывается в мотивированный и передающий своё значение знак, а также знак, оптимально согласующий свои когнитивные и коммуникативные задачи.

Во-вторых, исследуются процессы функционирования мифологизмов в политическом дискурсе. Рассматривая политический дискурс как мифологическое пространство, можно сделать следующие выводы: мифологизмы англоязычного политического дискурса более разнообразны по источникам; в англоязычном политическом дискурсе встречается больше вариантов мифологических названий

и синонимов к ним; русскоязычный политический дискурс характеризуется ярко выраженным персонифицирующим использованием мифологизмов, в нем обнаруживается больше мифологических сравнений и метафор в отношении российских политиков, чем в англоязычном дискурсе. В обоих политических дискурсах присутствуют этнокультурноспецифичные мифологизмы, т. е. связанные только с культурой данного этноса.

В разделе также затрагиваются вопросы функционирования в системе дискурса таких языковых феноменов, как политическая корректность и эвфемизмы. Политическая корректность в системе политического дискурса предстает скорее стратегия, эвфемизмы же – как тактика, тактические уловки, с помощью которых либо соблюдается, либо нарушается баланс взаимодействия между отдельными лицами, группами, сообществами. Кроме того, политическая корректность – не только или не столько языковое, сколько культурное явление, так как все изменения в собственно культурной сфере отражаются в языке, а языковые изменения, в свою очередь, активно участвуют в культурных процессах и влияют на них. Политическая корректность является особым сдерживающим фактором, предотвращающим открытое выражение мыслей в обществе, способом избежать вербальной агрессии, которая может послужить толчком к различного рода конфликтам.

Раздел освещает вопросы функционирования заглавий в системе художественного дискурса. Язык заглавий художественных произведений представляет собой экономную форму хранения информации в истории литературы, являясь средством выражения концепта определенного художественного произведения. Заглавие отражает определенный горизонт ожиданий. Историческая эволюция заглавий с XVI по XX века демонстрирует тенденцию постепенного отхода от названий антропонимического содержания к номинациям абстрактного характера, а также от простых атрибутивных словосочетаний к предложениям по мере диахронического развития художественного дискурса и задач передачи смысла художественного произведения.

Далее акцентируются вопросы функционирования эллиптических конструкций в художественном дискурсе (на примере романа Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls”). Эллиптические конструкции выполняют одну общую функцию – функцию экономии речи в

системе художественного текста. Помимо этого на материале романа были выявлены еще несколько функций эллиптических конструкций: информативная, интеррогативная и экспрессивно-оценочная. Функции эллиптических конструкций в системе художественного текста достаточно разнообразны, и последние используются в целях информирования, характеристики героев и ситуации, а также для повышения градуса эмоционально-оценочного компонента коммуникации.

В разделе также выявляются особенности речевой характеристики женского поведения на материале художественного дискурса британских авторов XX–XXI веков. Отмечаются следующие типичные тенденции в речевом поведении. При построении текста женщинам свойственно включение в ход разговора тематики, которую порождает обстановка речи, действия, которые производят говорящие. При описании различных жизненных ситуаций женщинам свойственно обращать внимание на чувства участников происходящего, а не факты. Также женщины чаще ссылаются на личный жизненный опыт и приводят примеры конкретных случаев из опыта ближайшего окружения. Женщинам свойственно избегать таких тем, как политика, смерть, война. Для женщин характерна тактика сотрудничества в процессе коммуникации, что выражается в стремлении проявить участие к собеседнику и большему количеству вопросов. Также женщинам свойственно выслушивать собеседника до конца, а не перебивать, и заканчивать разговор позже мужчин. Женщины, имеющие социальный статус жены, отличаются большим количеством использования императивных конструкций, нежели женщины, не обладающие данным статусом.

Очевидно, что разнообразие изучаемых феноменов языка в системе дискурса, свидетельствует о том, что через призму значимых классификационных признаков, различающих типы дискурса, можно объяснить богатство лексических и грамматических выборов, производимых говорящим или пишущим человеком. Как было показано выше, такие выборы очень часто зависят от модуса, жанра и типа изложения, функционального стиля и степени формальности. Исследователи полагают, что только перемножение всех этих переменных может объяснить фактическое разнообразие «локальных» языковых явлений, наблюдаемых в естественном дискурсе.

Вохрышева Е. В.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

1.1. Источники и предпосылки возникновения понятия «дискурс» и дискурсивного направления исследований в лингвистике

По словам румынского лингвиста М. Парпалеа, исследование дискурса⁵ было инициировано из трех источников. По этому поводу она написала в своей работе «Исследование дискурса в Германии» (*Diskursforschung in Deutschland*, 2009) следующее: «Можно выделить несколько источников, из которых получило начало исследование дискурса: работы по разговорному языку, результаты анализа разговора, полученные англо-саксонскими исследователями, теория речевых актов»⁶. Однако, по мнению автора настоящей работы, основывающегося на результатах своего собственного исследования, источников и предпосылок возникновения дискурса и дискурсивного направления исследований в лингвистике в конце 1960-х – начале 1970-х годов было несколько больше. В целом к ним можно отнести изложенные ниже события, произошедшие в период с 1916 года по конец 1960-х годов.

1. Первое упоминание Ф. де Соссюром термина «дискурс» в лингвистическом ракурсе (1916) и первое определение З. Харрисом лингвистического явления «дискурс» (1952).

Первое употребление термина «дискурс» в лингвистическом ракурсе автором данной статьи было выявлено в работе основателя теории структурализма и инициатора превращения лингвистики

⁵ Исследование дискурса в лингвистических кругах «традиционно называют дискурс-анализом ('discourse analysis'), однако», по мнению известного голландского лингвиста Т. ван Дейка, «более подходящим является название «исследование дискурса» ('discourse studies'), поскольку оно не ограничивается лишь методом анализа..., а имеет также важные теоретические цели». Dijk T. A. van Editor's Introduction: The Study of Discourse. – L.: Sage, 2007. – Vol. 1 of 5 vols. – P. 3.

Автор данной работы, также как Т. ван Дейк, М. Парпалеа и многие другие исследователи названного явления, отдает предпочтение термину «исследование дискурса».

⁶ Parpalea M. *Diskursforschung in Deutschland* // Synergy. – 2009. – No 2. Vol. 5. – P. 256.

в самостоятельную науку швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра (1857–1913) «Курс общей лингвистики» (1916). В его работе говорится следующее: “...*Rede* correspond à peu près à ‘parole’, mais y ajoute le sens spécial de ‘discours’”⁷. Ф. де Соссюр сравнивает значения французских слов ‘parole’ и ‘discours’ в рамках значений немецкого слова ‘Rede’, говоря о том, что немецкое слово содержит в себе не только значение слова ‘parole’, но и «специальный смысл» слова ‘discours’. Ответив на вопрос, какой «специальный смысл» вкладывал Ф. де Соссюр в слово ‘discours’, можно лучше понять изначальную направленность значения и содержания этого термина в устах западных ученых.

Согласно «Французско-русскому словарю» составителя К. А. Ганшиной (1979), оба слова имеют значение «речь»; однако слово ‘discours’ имеет также дополнительное (видимо, то самое со «специальным смыслом») значение «выступление»⁸, которое, согласно «Большому немецко-русскому словарю» составителя Е. И. Лепинга и др. (1997), имеет и слово ‘Rede’ наряду со значением «речь»⁹. Похоже, что этот факт послужил основанием для А. Сухотина, переводчика «Курса...» на русский язык, перевести слово ‘discours’ словосочетанием «ораторская речь»¹⁰.

Однако, согласно названному словарю, немецкое слово ‘Rede’ имеет также значение «разговор», которое по своему смыслу очень близко к слову «выступление». В связи с этим не исключено, что швейцарский исследователь, для которого немецкий язык наряду с французским языком был родным, говоря о «специальном смысле» слова ‘discours’, имел в виду его значение «разговор» / «беседа», которое активно используется современными лингвистами – исследователями дискурса. Контекст приведенного выше отрывка из работы Ф. де Соссюра этого не исключает.

⁷ Saussure F. de. Cours de linguistique generale / Publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. – P.: Payot, 1997. – P. 31.

⁸ Ганшина К. А. Французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1979. – С. 268, 609.

⁹ Большой немецко-русский словарь. В 3 т. / Е. И. Лепинг [и др.]. – М.: Русский язык, 1997. – Т. 2. – С. 241.

¹⁰ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 22.

Необходимо также отметить, что в своих лингвистических исследованиях Ф. де Соссюр не нашел дальнейшего применения термину 'discours' и употребил его только один раз. Похоже, что в дальнейшем в своей работе Ф. де Соссюру при обозначении понятия «речь» не понадобилось подчеркивать «специальный смысл» слова 'discours' в значении «разговор»/«беседа» и он полностью ограничился более инвариантным словом 'parole'.

Между тем термин 'discours', однажды употребленный великим ученым, не мог остаться незамеченным. Следующий раз использование термина «дискурс» привлекло всеобщее внимание в опубликованной в 1952 году статье американского лингвиста З. Харриса «Дискурс-анализ» (*Discourse analysis*). Данный факт рассматривается многими лингвистическими кругами как факт ввода термина «дискурс» в лингвистику. В его работе основное внимание уделялось анализу структурных особенностей текста, который автор статьи также называл дискурсом. З. Харрис впервые попытался дать определение дискурсу, заявив, что он представляет собой «последовательность предложений, произнесенную (или написанную) одним (или более) человеком в определенной ситуации». По его словам, «язык не реализуется в сбивчивых словах и предложениях, но в связном дискурсе – от одного слова к десятичному роману, от монолога до спора на Площади Юнион»¹¹.

Вышеприведенные широко цитируемые утверждения З. Харриса соответствуют мнению многих экспертов, которое высказали авторы «Вступления к Справочнику по процессам дискурса» американские лингвисты А. Грэссер, М. Гернбахер и С. Голдман (2003) и которое сводится к тому, что «исследователи заинтересовались дискурсом, когда они почувствовали неудовлетворение предложением и высказыванием как единицей анализа, используемой ими в изучении языка»¹².

2. Появление в конце 1940-х – середине 1960-х годов работ по разговорному языку англо-саксонских ученых и результаты их исследования вербальной «интеракции» / «коммуникации» (а также «разговора», «беседы» и т. п.) между представителями различных

¹¹ Harris Z. Discourse analysis // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 3.

¹² Graesser A., Gernsbacher M., Goldman S. Introduction to the Handbook of discourse processes // Handbook of discourse processes. – Mahwah, New Jersey; L.: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers. – P. 2.

социальных групп в различных институциональных условиях. (Поскольку в то время термин «дискурс» в научных кругах еще не получил популярность, то в работах западных исследователей это понятие передавалось терминами «интеракция», «коммуникация», «разговор», «беседа» и другими словами.)

В 1949 году американский психолог Р. Бейлз (1916–2004) опубликовал свою работу «Анализ процесса интеракции: метод для изучения малых групп»¹³, которая стала основой для контентного анализа «рисунков» интеракции, или коммуникации, – в том числе и вербальной – людей, действующих в составе малых групп, с учетом выполняемых ими функций и, соответственно, преследуемых ими целей. Автор предложил некий комплекс методов «систематического многоуровневого наблюдения за группами»¹⁴, который лег в основу изучения деятельности – в том числе и вербальной – «самых разнообразных групп, различающихся по своему составу, характеру и цели. К таким группам относятся таковые, сформированные для группового обсуждения и групповой терапии, для реализации программ по консультированию, планированию, тренингу, а также для выполнения учебных процедур. Сюда же подпадают формирующие политику комитеты, правления и коллегиальные органы, диагностические советы в клиниках, группы, решающие проблемы в экспериментальной социальной психологии и социологии, команды и рабочие группы, семья и домашние коллективы, игровые группы детей, молодежные коллективы, коллективы взрослых, социологические клубы и клубы для отдыха, очень большое количество разных малых ассоциаций, а также группы, состоящие из двух человек, такие как интервьюер и интервьюируемый, врач и пациент, преподаватель и ученик, профессиональный специалист и клиент – и это лишь немногие примеры. Группы такого типа – насчитывающие в своем составе от двух до приблизительно двадцати человек – затем можно классифицировать как «малые группы»...»¹⁵. Данная работа стала в дальнейшем опорной для прагматически-институционального изучения дея-

¹³ Bales R. Interaction process analysis: A Method for the Study of Small Groups. – Cambridge: Addison-Wesley Press, 1949. – 203 p.

¹⁴ Bales R. F. Faculty of Arts and Sciences – Memorial Minute // Harvard University Gazette. – 2005. – November 22.

¹⁵ Bales R. Interaction process analysis ... P. 3.

тельности – в том числе и вербальной – людей в составе малых групп, а в лингвистике инициировала изучение западными исследователями интеракции / коммуникации (дискурса) в перечисленных в ней – и не только – направлениях.

Первыми последователями Р. Бейлза стали: в области исследования вербальной интеракции / коммуникации (дискурса) во взаимоотношениях между врачом и пациентом – немец Е. Миттенекер (в направлении изучения использования количественного метода языкового анализа в борьбе с шизофренией) (1951)¹⁶, американцы А. Шефлен (в направлении изучения коммуникации в психотерапии) (1963)¹⁷, Л. Эгберт, Дж. Баттит, С. Уэлч, М. Бартлетт (в направлении применения подбадривания для уменьшения у пациентов послеоперационной боли) (1964)¹⁸. В 1965 г. британские ученые Ф. Лей и М. Спелмэн опубликовали статью под названием «Коммуникация в амбулаторных условиях»¹⁹, а американский ученый Дж. Скиппер представил близкую к ней по предмету исследования работу «Коммуникация и госпитализированный пациент»²⁰; в области исследования вербальной интеракции (дискурса) при преподавании на занятиях в учебных заведениях – американцы Н. Фландерз (в направлении совершенствования анализа вербальной интеракции между преподавателем и обучающимся) (1960)²¹, А. Беллак, Х. Клайбард, Р. Хаймен и Ф. Смит (в направлении изу-

¹⁶ Mitteneker E. Eine quantitative Methode in der Sprachanalyse und ihre Anwendung bei Schizophrenen // *Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie*. – Basel: Verlag Karger, 1951. – Bd. 121, Nr 6. – S. 364–375.

¹⁷ Scheflen A. Communication and regulation in psychotherapy // *Psychiatry*. – New York, 1963. – Vol. 26. – P. 126–136.

¹⁸ Egbert L., Battit G., Welch C., Bartlett M. Reduction of postoperative pain by encouragement and instruction of patients // *New England Journal of Medicine*. – Boston, 1964. – Vol. 270. – P. 825–827.

¹⁹ Ley Ph., Spelman M. Communication in an outpatient setting // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. – 1965. – Vol. 4. – P. 115–116.

²⁰ Skipper J. Communication and the hospitalized patient // Skipper, J. K. & Leonard, R. C.: *Social Interaction and Patient Care*. – Philadelphia/Toronto: J. B. Lippincott Company, 1965. – P. 61–82.

²¹ Flanders N. *Teacher Influence, Pupil Attitudes and Achievement: Studies in Interaction Analysis*. – Minneapolis: University of Minnesota, 1960.

чения языка, используемого в классе) (1966)²²; возможно, что в рассматриваемый период были его последователи и в других областях и направлениях исследования дискурса.

3. Создание К. Шенноном модели «системы коммуникации», состоящей из пяти основных элементов (1948). Создание Дж. Осстином «теории речевых актов» (1955–1956).

В данном направлении исследований, ставшем источником появления дискурса, прежде всего следует отметить работу американского математика К. Шеннона (1916–2001) *A Mathematical Theory of Communication* («Математическая теория коммуникации»; на русском языке она чаще называется как «Математическая теория связи»), которая была опубликована в 1948 году²³. Эта работа легла в основу теории информации и криптографии, а содержащиеся в ней идеи и математические выкладки явились теоретическим обоснованием для современных коммуникационных технологий. В связи с ее большой значимостью для науки в 1949 году данная статья вновь была переиздана К. Шенноном совместно с У. Уивером под названием *The Mathematical Theory of Communication*²⁴, где определенный артикль подчеркнул важность предлагаемой теории. С лингвистической точки зрения статья К. Шеннона имеет большое значение, поскольку она впервые содержала в себе пять основных элементов любой – в том числе и вербальной – «системы коммуникации»:

1) «источник информации, который создает какое-либо сообщение или последовательность сообщений для получателя»;

2) «передатчик, который обрабатывает каким-либо образом сообщение для производства сигнала, подходящего для передачи его по каналу»;

3) канал, который представляет собой «всего лишь медиум, используемый для передачи сигнала от передатчика до приемника»;

²² The Language of the Classroom / A. Bellack [et al.]. – New York: Columbia University Press, 1966.

²³ Shannon C. A Mathematical Theory of Communication // The Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27 (4). – P. 379–423, 623–656.

²⁴ Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. – Urbana: University of Illinois Press, 1949.

4) приёмник, который, «как правило, осуществляет операцию, обратную той, которую выполнил передатчик, реконструируя сообщение из сигнала»;

5) место назначения, которое представляет собой «какое-либо лицо (или какой-либо предмет), для которого предназначается сообщение»²⁵.

Хотя названия этих основных элементов коммуникации и сами элементы не везде совпадают с таковыми вербального акта коммуникативной деятельности («речевого акта», по Дж. Остину, и «акта речевой деятельности», по Р. Якобсону) и дискурса соответственно, однако они явно стали их прототипами.

Далее, в 1950–60-е годы, в прагматически ориентированных лингвистических кругах появился большой интерес к изучению речевого акта как основной единицы коммуникации, который, как стало известно позже, является неотделимым, базовым компонентом дискурса. Этот интерес усилился еще и в связи с одновременным критическим пересмотром отношения вышеназванных лингвистических кругов к популярным в то время структурному и трансформационно-генеративному направлениям в лингвистике, которые не принесли ожидаемые результаты в повышении уровня практического овладения иностранным языком.

Очень важным событием в лингвистике в рассматриваемый период, способствовавшим решающим образом возникновению в конце 1960-х – начале 1970-х годов дискурсивного направления исследований в рамках как коммуникативной, так и прагматической лингвистики, было создание британским философом языка Дж. Остином (1911–1960) теории речевых актов (1955–1956)²⁶. В цикле лекций Дж. Остина в Гарвардском университете (1955), опубликованных в 1956 году в книге «Слово как действие» (*How to Do Things With Words*), британский исследователь впервые ввел в научный обиход термин «речевой акт» ('speech act') и признал, что речевой акт становится более важной единицей коммуникации, чем предложение. В частности, он отметил следующее: «чем больше мы рассматриваем какое-либо заявление не в качестве

²⁵ Shannon C. A Mathematical Theory of Communication. – P. 380–381.

²⁶ Fiorito L. Speech Acts and Languages for Special Purposes. A Speech Act approach to ESP // *Metalogicon*. – Rome, 2005. – Vol. XVIII, 1. – P. 50.

предложения (или пропозиции), но как акт речи... , тем больше мы изучаем целую вещь как некий акт»²⁷.

Дж. Остин разделил речевой акт на три компонента – локутивный²⁸ (локуцию), иллокутивный²⁹ (иллокуцию) и перлокутивный³⁰ (перлокуцию) акты, которые, как стало понятно позже, участвуют в формировании устного дискурса. И хотя Дж. Остин не дает точных определений названным актам, из содержания его работы ясно, что локутивный акт имеет «значение» и производит понятное высказывание, иллокутивный акт имеет «силу» (он наполнен определенными отношением, чувством, мотивацией, намерением и целью) и под ним подразумевается то, что говорящий делает с помощью своего высказывания, а перлокутивный акт имеет «последствие» и под ним подразумевается то, что говорящий сделал и какого воздействия («эффекта») на адресата он достиг, произнеся высказывание. Говоря о перлокутивном и иллокутивном актах, Дж. Остин отмечает следующее: «Произнесение чего-либо часто – или даже как правило – производит определенные последующие эффекты на чувства, мысли или действия слушающих, или говорящего, или других лиц; и оно может быть выполнено с замыслом, намерением или целью их произведения»³¹.

Один из последователей и учеников Дж. Остина американский философ Дж. Сёрл в работе «Речевые акты» (1969) написал: «Речевые акты участвуют во всей лингвистической коммуникации. Единица лингвистической коммуникации представляет собой не символ, слово или предложение, и даже не знак символа, слова или предложения, как многие считают, а, скорее, производство или создание символа, или слова, или предложения при выполнении какого-либо речевого акта»³². В той же своей работе Дж. Сёрл оценил важность речевого акта следующим образом: «Многое можно сказать при изучении языка, не исследуя речевые акты, од-

²⁷ Austin J. How to do things with words. – London: Oxford University Press, 1962. – P. 20. Впервые работа была издана в Оксфорде в 1956 году.

²⁸ Ibid. P. 98, 124, et al.

²⁹ Ibid. P. 98, 101, et al.

³⁰ Ibid. P. 118, 126, et al.

³¹ Ibid. P. 101.

³² Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language – L.: Cambridge University Press, 1969. – P. 16.

нако любая такая чисто формальная теория в любом случае будет неполной. Это было бы так, как если бы бейсбол изучался бы как некая формальная система правил, а не как игра»³³.

4. Появление в 1920-х годах функциональной лингвистики, идеи К. Бюлера о существовании «триединой системы» функций языка (1934), создание Р. О. Якобсоном функциональной модели «акта речевой коммуникации» (1958).

Как известно из истории языкознания, функционализм в лингвистике, или функциональная лингвистика, стал возможен и успешен в первую очередь благодаря идеям Аристотеля (384–322 до н. э.) о существовании принципа изучения всякого объекта с двух сторон: с точки зрения его структуры и в аспекте его функционирования³⁴, Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) о системно-целостном характере языка³⁵, приоритете динамического, процессуального подхода над структурно-статическим, «энергетической» (т. е. деятельностной) природе языка³⁶, Фердинанда де Соссюра (1857–1913) о различении понятий речевой деятельности, языка и речи³⁷, системности языка³⁸, о взаимосвязи между собой элементов³⁹, а также появившейся в 1934 году идее К. Бюлера (1879–1963) о существовании «триединой системы» в виде «эмотивной, конативной и референтивной» функций языка⁴⁰.

³³ Searle J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language* – L.: Cambridge University Press, 1969. – P. 17.

³⁴ Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. *Стилистика русского языка: учебник*. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 14.

³⁵ Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // *История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях* / сост. В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 79.

³⁶ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // *История языкознания XI–XX вв. в очерках и извлечениях* / сост. В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 89–91.

³⁷ Соссюр Ф. де. *Курс общей лингвистики*. – С. 14, 17, 20–21, 98.

³⁸ Там же. С. 16, 27.

³⁹ Там же. С. 126.

⁴⁰ Bühler K. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion des Sprache*. – Jena: G. Fischer, 1934. – S. 37.

Основополагающие положения теории функционализма в лингвистике впервые были выдвинуты Пражским лингвистическим кружком в его программном документе «Тезисы 1929 года», представленном в Праге на I Международном конгрессе славистов-филологов. Теория функционализма сразу заняла в лингвистике видное место как ответвление от ранее завоевавшей всеобщее признание теории структурализма, «отцом» которой был швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857–1913)⁴¹. Данная теория с самого начала предполагала всестороннее представление лингвистической деятельности с помощью понятия «функция».

Концепция функции является такой же основополагающей для функционализма в лингвистике, как концепция структуры для структурализма. Однако слово «функция» (от латинского *functio* – исполнение, осуществление), заимствованное языковедами – в первую очередь членами Пражского лингвистического кружка – из терминологического инструментария точных наук, в различных сферах человеческой деятельности имеет много различных значений. Притом, что в математике и связанных с ней науках (в физике, химии и других науках) понятие «функция» имеет значение *зависимая переменная*⁴², в других сферах человеческой деятельности ему придают такие значения, как *деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений* (например, функция органов чувств, функция денег)⁴³, *задача, предназначение*⁴⁴, *производимая работа, обязанность, круг деятельности, роль*⁴⁵, и некоторые другие).

Несмотря на то, что в «Тезисах 1929 года» нет определения понятия «функция», в тексте этой пражской декларации имеется до-

⁴¹ Vilela I. Hypothèses de résolution de quelques contradictions saussuriennes: Thèse de doctorat de Sciences du langage. – Lyon, 2014. – P. 46.

⁴² Выгодский М. Я. Справочник по элементарной математике. – М.: Наука, 1974. – С. 381.

⁴³ Советский энциклопедический словарь / научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (пред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 1449.

⁴⁴ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / пер. с англ. Н. Л. Поляковой // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 99, 114, 115; Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 6.

⁴⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1984. – С. 746.

вольно много полезного материала для того, чтобы дать этому понятию отдельную характеристику, полезную для выработки его определения.

В частности, следует обратить внимание на то, что пражцы неразрывно связывали функцию языка и функцию речи с целенаправленностью. В тезисе 1 вышеназванного документа говорится: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык имеет общим с этой деятельностью характер целенаправленности. При анализе языка как средства выражения или как средства коммуникации именно намерение говорящего является наиболее удобным и наиболее естественным объяснением. При лингвистическом анализе необходимо также обращать внимание на точку зрения с позиции функции. С этой точки зрения, язык представляет собой некую систему средств выражения, предназначенную для некоей цели»⁴⁶. То есть, согласно пражским лингвистам, целенаправленность (проявляющаяся в намеренности говорящего) является неотъемлемой особенностью и языка, и человеческой деятельности – а значит, и вербальной коммуникативной (у пражцев «речевой») деятельности. Поскольку, как сказано выше, «речевая деятельность» включает в себя язык и речь, то логичным представляется и утверждение, что целенаправленность присуща и языку (на что пражцы прямо указали в цитируемом отрывке), и речи. При этом в Тезисе рекомендуется рассматривать язык (а стало быть, и речь) с функциональной точки зрения, с тем чтобы увидеть их предназначение «для некоей цели». В связи с этим напрашивается вывод, что как для любой функции языка, так и для любой функции речи целенаправленность также является характерной особенностью.

Один из основоположников функциональной лингвистики Р. Якобсон прямо называл функцию задачей. Он писал следующее: «...хотя установка на *референт*, ориентация на *контекст* – короче, так называемая *референтивная* (денотативная, или когнитивная) функция – является центральной задачей многих сообщений, лингвист-исследователь должен учитывать и побочные проявления прочих функций»⁴⁷.

⁴⁶ Faye J. P., Robel L. Le Cercle de Prague. Thèses de 1929. – Paris: Ed. du Seuil, 1969. – P. 23.

⁴⁷ Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. – С. 6.

При выработке определения понятию «функция» следует учесть также более позднюю позицию (1993) лидера структурного функционализма Т. Парсонса (1902–1979), который рассматривал функцию как некую задачу и/или определенное предназначение элементов, подсистем и системы структуры в целом⁴⁸.

Применительно к лингвистике с вышеизложенным нельзя не согласиться. Как в текстах двух последних цитируемых здесь работ («Тезисов 1929 года» и работы Р. Якобсона «Лингвистика и поэтика»), так и в современных текстах в подавляющем большинстве случаев понятие «функция» можно интерпретировать как понятие, обозначающее «некую задачу и/или определенное предназначение». Соответственно, на основании вышесказанного и анализа его соответствия действительности в лингвистических текстах напрашивается следующая формулировка рассматриваемого понятия: функция в лингвистике (лингвистическая функция) – это предназначение какого-либо языкового элемента или языковой системы в целом для выполнения какой-либо задачи, выполняемой каким-либо субъектом (говорящим, пишущим) для достижения определенной цели, а также, иногда, обозначение самой этой задачи.

Между тем в лингвистике существует не одна, какая-либо общая, функция языка или вербальной коммуникативной деятельности (речевой деятельности + письменной деятельности); имеется целый ряд лингвистических функций, некоторые из которых порой имеют два и более названия. Так, если в Тезисе 3 разговор идет о проявлении (в поэтическом языке и в поэтической речи) всего лишь одной функции – поэтической функции – и о существовании других, не установленных на тот момент, функций⁴⁹, то в 1934 году немецкий исследователь К. Бюлер в своей работе «Теория языка. Репрезентативная функция языка» (*Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*, 1934) предложил «тройственную систему» (tripartite system), включавшую в себя «эмотивную, конативную и референтивную» функции⁵⁰.

Один из активных участников разработки упомянутых «Тезисов» российско-американский лингвист Р. О. Якобсон (1896–1982)

⁴⁸ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. – С. 99, 114, 115.

⁴⁹ Faye J. P., Robel L. *Le Cercle de Prague. Thèses de 1929.* – P. 33.

⁵⁰ Bühler K. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache.* – S. 37.

в 1958 году в своем докладе «Лингвистика и поэтика» на конференции в Индианском университете (США), посвященной вопросу о стиле, на основе результатов исследований К. Бюлера и, предположительно, К. Шеннона предложил свою функциональную модель «акта речевой коммуникации». Он добавил к «триединой системе» функций языка К. Бюлера еще новые функции «акта речевой коммуникации» и привязал к шести основным элементам «акта речевой коммуникации» соответствующие функции. Вследствие этого получились следующие пары (элемент – функция), которые легли в основу его функциональной модели «акта речевой коммуникации»:

- адресант – экспрессивная (по К. Бюлеру, эмотивная) функция;
- адресат – апеллятивная и побудительная (по К. Бюлеру, конативная) функции;
- контекст – коммуникативная; денотативная, или когнитивная (по К. Бюлеру, референтивная) функция;
- сообщение – поэтическая функция;
- контакт коммуникации – фатическая функция;
- код (коммуникации) – метаязыковая функция⁵¹.

Таким образом, источниками и предпосылками появления дискурса и дискурсивного направления в лингвистике стали следующие события:

1) первое упоминание Ф. де Соссюром термина «дискурс» в лингвистическом ракурсе (1916) и первое определение З. Харрисом лингвистического явления «дискурс» (1952);

2) появление в конце 1940-х – середине 1960-х годов работ по разговорному языку англо-саксонских ученых и результаты их исследования вербальной «интеракции» / «коммуникации» (а также «разговора», «беседы» и т. п.) между представителями различных социальных групп в различных институциональных условиях;

3) создание К. Шенноном модели «системы коммуникации», состоящей из пяти основных элементов (1948); создание Дж. Остином «теории речевых актов» (1955–1956);

4) появление в 1920-х годах функциональной лингвистики, идеи К. Бюлера о существовании «триединой системы» функций языка (1934), создание Р. О. Якобсоном функциональной модели «акта речевой коммуникации» (1958).

⁵¹ Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. – С. 5–11.

Кроме того, другими соответствующими предпосылками следует считать:

– появление в 1950–60-е годы в англо-саксонских лингвистических кругах неудовлетворения предложением в письменном тексте и устным высказыванием как единицами анализа, используемыми при изучении языка;

– появление в 1950–60-е годы в англо-саксонских лингвистических кругах большого интереса к изучению речевого акта как основной единицы коммуникации, усилившегося в связи с одновременным критическим пересмотром ими своего отношения к популярным в то время структурному и трансформационно-генеративному направлениям в лингвистике, которые не принесли ожидаемые результаты в повышении уровня практического овладения иностранным языком.

Заложных В. В.
Zalozhnykh V. V.

***Sources and prerequisites of appearance of notion ‘discourse’
and discursive research direction in linguistics***

Abstract: *up to now in linguistic circles, there exists an opinion, which is not grounded with any systematized data, that the discourse studies were initiated from three sources: works on spoken language, conversation analysis results obtained by Anglo-Saxon researchers, and the theory of speech acts. However, according to the standpoint of the author of this work based on the results of his own study, there also existed other, not less important, sources and prerequisites of the discourse appearance in linguistics, which facilitated to formation of the discursive research direction within the framework of communicative and pragmatic linguistics in the end of 1960s – beginning of 1970s. In this paper, the author presented the above-mentioned sources and prerequisites in an extended and systematized form.*

Key words: *discourse studies, spoken language, theory of speech acts, sources and prerequisites, notion ‘discourse’, discursive research direction, communicative linguistics, pragmatic linguistics, interaction, function, functional linguistics, speech activity, writing.*

1.2. Типология жанров фантастического художественного дискурса

В настоящее время вопрос классификации жанров художественного фантастического дискурса является одним из наиболее актуальных не только в среде литературоведов и литературных критиков, но и лингвистов, в силу того, что текст фантастического произведения является благодатной почвой для исследователей в области интертекстуальности, вертикального контекста, а также языковых средств выражения различных лингвистических феноменов.

Под фантастическим дискурсом мы понимаем особый вид художественного дискурса, характеризующийся стиранием границ реального и ирреального, использующего фантастические допущения и являющийся совокупностью микротекстов «в рамках которых по определенным правилам реализуются фантастические концепты»⁵². Фантастический художественный дискурс актуализируется в текстах произведений писателей-фантастов, исходя из их интенциональных целей и состоящий из совокупности текстов научно-фантастического, фэнтезийного, а также научно-фэнтезийного дискурсов. Таким образом, каждый из трех выделенных нами жанров фантастической литературы соотносится со своим видом дискурса, в рамках которого происходит его объективизация в текстах фантастических произведений. Наша классификация, основанная на содержательном компоненте произведений, несколько отличается от типологий, сложившихся в настоящее время в ряде исследований на эту тему. Более подробно об этом будет сказано далее, но сначала нам бы хотелось обратиться к рассмотрению известных в настоящее время классификаций.

В англоязычной традиции принято выделять три основных жанра фантастики: научная фантастика (НФ), фэнтези и хоррор⁵³. Этот подход разделяет и Р. Хайнлайн в своей статье “On the

⁵² Иняшкин С. Г. Роль дискурсивного анализа для определения жанра англоязычной фантастической // Преподаватель XXI век. Серия «Языкознание». – 2016. – № 1, ч. 2. – С. 399–405.

⁵³ Clute J. Pardon this intrusion: fantastika in the world storm. Harold Wood. – Essex: Beccon Publications, 2011. – 369 p.

Writing of Speculative Fiction”⁵⁴ (1948). Остальные направления, по их мнению, являются либо производными, либо субжанрами на стыке этих основных трех жанров внутри вида фантастической литературы.

Отечественные исследователи также обращаются к данному вопросу. Так, К. Мразеулов в работе «Фантастика. Общий курс» приводит следующую классификацию фантастики: НФ, условная фантастика и фэнтези⁵⁵. Н. В. Маркина считает устоявшейся следующую классификацию: НФ, социальная фантастика и фэнтези⁵⁶. Однако, условная и социальная фантастика вполне вписывается в рамки жанра НФ, так как, хотя и акцентирует основное внимание на социальных и политических проблемах, сохраняет при этом фантастический антураж.

Как мы уже отмечали в соответствии с традицией зарубежных классификаций, Джон Клут, разделяет фантастику на три жанра: НФ, фэнтези и хоррор⁵⁷. С. Г. Иняшкин приходит к схожему выводу и приводит следующее деление жанров: НФ, фэнтези и мистика⁵⁸. Однако хоррор и мистика, по нашему мнению, более схожи с фэнтези по содержательному компоненту, так как являются проявлением невозможного и потому относятся нами к субжанрам внутри жанра фэнтези.

Наиболее рациональной нам представляется следующая классификация жанров фантастики: НФ, фэнтези и научное фэнтези. Внутри жанра научного фэнтези мы выделяем такие субжанры, как: технофэнтези, городское фэнтези и клокпанк. Эти три жанра

⁵⁴ Heinlein R. A. On the Writing of Speculative Fiction in *Of Worlds Beyond: The Science of Science-Fiction Writing* / ed. by L. A. Eshbach. – Reading: Fantasy Press, 1947. – P. 9–17.

⁵⁵ Мразеулов К. Фантастика. Общий курс. – URL: http://modernlib.ru/books/mzareulov_konstantin/fantastika_obschiy_kurs/read/ (дата обращения: 14.07.2017).

⁵⁶ Маркина Н. В. *Художественный мир Рэя Бредбери: традиции и новаторство*: дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 222 с.

⁵⁷ Clute J. *Pardon this intrusion: fantastika in the world storm*. Harold Wood. – Essex: Veccon Publications, 2011. – 369 p.

⁵⁸ Иняшкин С. Г. К проблеме определения субжанров научно-фантастического дискурса // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. – 2012. – № 2 (10). – С. 95–100.

фантастической литературы логически соотносятся с тремя видами дискурсов: научно-фантастическим, фантазийным и дискурсом научного фантасти. Для обоснования своей точки зрения на вопрос классификации жанров фантастической литературы обратимся к истории возникновения таких ее разновидностей как: НФ, фантасти и их синтеза – научного фантасти.

Первые фантастические черты можно найти в ранних произведениях утопического характера, таких как «Утопия» Т. Мора, «Город солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона.

Так, в произведении Томаса Мора «Весьма полезная, а также и занимательная книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516) автором двигало желание заставить читателя задуматься о несовершенстве настоящего и подстегнуть этим произведением осуществление своих представлений о мире будущего.

Томаса Мора больше интересовали общественные вопросы, нежели наука и техника. Однако рационалистический подход к описанию будущего и сочетание социально-философского начала с приключенческим, делало произведение интересным широкому кругу читателей, что в целом плодотворно повлияло на развитие жанра. В дальнейшем к такому же приему обращались и другие авторы НФ, создавая утопии и антиутопии для выражения своих социально-философских взглядов.

Научно-популярная литература Томмазо Кампанеллы еще ближе к произведениям НФ. Т. Кампанелла серьезно интересовался медициной, в частности процессом деторождения, и «к вопросу о том, как создать идеального человека, он подошел не с позиции гуманиста-словесника, беспредельно верящего во всемогущество образцового воспитания, а как натурфилософ, естествоиспытатель, признававший, что наблюдение за какой-нибудь мышкой давало ему подчас больше, чем пространные схоластические рассуждения»⁵⁹. В произведении «Город Солнца» писатель рисует общество, которое ставит приоритетной целью контроль над рождаемостью для того, чтобы создать нового, более совершенного человека. Кроме того, благодаря науке в произведении появляются такие изобретения, как летающие машины, корабли без парусов и т. д. «Новая

⁵⁹ Штекли А.-Э. Кошмары Города Солнца: тирания общности или всевластие науки? Культура Возрождения и власть. – М.: Наука, 1999. – С. 84–94.

Атлантида» английского ученого и философа Френсиса Бэкона так, же описывает идеальное мироустройство, однако еще более наполнена плодами технического прогресса. «Есть у нас дома механики, где изготовляются машины и приборы для всех видов движения... Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные на вечном движении»⁶⁰. Перпеттум-мобиле, подводные лодки, спасательные, сверхбыстрые средства связи, прообразы кино, звукозаписи и голографии, криогеника и анабиоз, задачи консервации внутренних органов и продления жизни, создание искусственных веществ с заданными свойствами – все это автор, который помимо прочего был еще и ученым, поместил на страницы своего произведения. Много позже эти темы будут развивать Г. Уэллс, А. Азимов, Г. Гаррисон, А. Кларк, Р. Хайнлайн и многие другие.

Стоит отметить, что, несмотря на перечисления всевозможных машин и изобретений, собственно техника утопистов интересовала мало, они ограничивались лишь названиями несуществующих машин, уделяя минимум их техническому описанию, все эти инновации служили созданию идеального и справедливого общества. Однако, на наш взгляд, корни НФ лежат именно в утопических произведениях, ведь в них писатели НФ позаимствовали желание заглянуть в будущее, зачастую более совершенное, чем настоящее, а также веру в науку и безграничные возможности человеческого разума.

В контексте рассуждений об истории становления НФ нельзя не упомянуть многочисленные произведения посвященные полетам на Луну. В разное время эту тему, начиная с XVI века, затрагивали Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд» (1516), известный ученый Иоганн Кеплер, написавший работу «Сомниум» (1608), Фрэнсис Годвин «Человек на луне» (1638), Сирано де Бержерак «Иной свет» (1650), Дэвид Рассен «Лунный мир, или Путешествие на Луну...» (1703), Даниэль Дефо «Консолидатор» (1705).

⁶⁰ Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 240 с.

Зарождение научной фантастики связано с мощным скачком научно-технического прогресса в XIX веке и присущих этому успехам и проблемам; с осознанием человеком своего места в новом, бурно развивающемся мире; с потребностью ответов на встающие с новой силой вопросы социального характера и перспектив взаимодействия людей в условиях совершенствования науки и техники.

Одну из ведущих ролей в создании жанра НФ литературы сыграл Жюль Верн. Продолжатель его традиций и исследователь фантастики Айзек Азимов писал: «Первым НФ написал, конечно, не Жюль Верн. Ему предшествовал Эдгар Аллан По, перед которым была Мэри Шелли, до которой большое количество писателей, посвятили свое творчество описанию необыкновенных земель и ужасающих монстров. Однако Верн был первым писателем, специализирующимся на НФ и зарабатывающим этим направлением на жизнь»⁶¹.

Его произведения содержат большое количество деталей: даты, долгота и широта, математические и физические вычисления, астрономические сведения. В романе «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верн предсказал широкое использование в будущем подводных лодок, а также что на смену паровым двигателям придут электрические. Писатель точно угадывал пути развития той или иной области науки, отличаясь повышенным вниманием к техническим деталям, он собственноручно рисовал сложные чертежи и эскизы изобретений. Свой вклад в развитие НФ внес и величайший американский романтик своей эпохи Эдгар Аллан По (1809–1849). В своих фантастических рассказах он описывает людей, которые при помощи знаний одолевают необъяснимые явления природы («Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля», «Низвержение в Мальстрем»). И хотя широкое признание автор получил за свои работы в жанрах детектива и психологической прозы, такие корифеи НФ, как Жюль Верн и Говард Лавкрафт признавали за ним роль первопроходца жанра, в котором они прославились. Фантастические произведения этого периода имеют ярко выраженную научно-достоверную направленность.

В дальнейшем развитие НФ тесно связано с именем изобретателя, редактора и писателя-фантаста Хьюго Гернсбека, именем которого была названа премия за достижения в области НФ. Он не

⁶¹ Azimov I. Azimov on Science Fiction. – N. Y.: Doubleday, 1981. – 354 p.

только дал новый толчок развитию НФ, но и повлиял на отношение к ней. Выпустив в 1926 году *Amazing Stories* (специализированное издание НФ), он надолго связал фантастику с журнальными изданиями. Х. Гернсбек выдвинул ряд требований к писателям, публикуемым в его журнале (произведение НФ должно было базироваться на научном изобретении, и состоять на 70 процентов из литературы и 30 – из науки). Кроме того он вел рубрику, в которой общался с читателями и стремился приобщить их к науке и НФ как проводнику научных знаний. Х. Гернсбек был «абсолютным приверженцем Церкви Науки»⁶². НФ представлялась ему хорошим средством знакомства широкого круга читателей с современной наукой. Фантастические произведения данного периода характерны своей развлекательно-инвентивной направленностью и отсутствием социально-философских мотивов эпохи романтизма.

Еще одним писателем, оказавшим большое влияние на становление жанра НФ, по праву считается Герберт Уэллс (1866–1946). Он жил во времена бурного развития науки, когда были открыты электромагнитные колебания, гамма-лучи и новые миры. Все это волновало не только ученых, но и простых обывателей, это было время бурного интереса к научно-популярным журналам. Конечно, все эти события нашли отражение в творчестве писателя. Его знаменитые произведения «Машина времени», «Война миров», «Люди как боги», «Война в воздухе» содержат не только массу интересных с точки зрения НФ решений, но и социально-философские мотивы. В предисловии к изданию «Войны в воздухе» 1941 года Уэллс написал, что его эпитафией должна стать фраза «Я вас предупреждал. Проклятые вы дураки (I told you so. You damned fools)»⁶³. Сложная политическая обстановка и череда войн в первой половине XX века способствовали разочарованию многих писателей в могуществе науки и ее благе для человечества. В результате все больше писателей обращались к антиутопии как средству выражения своей гражданской позиции и взглядов на окружающую действительность. К таким авторам относятся Олдос

⁶² Бережной С. Электрический экспериментатор Хьюго Гернсбек на пути к *Amazing Stories*. – URL: <http://barros.rusf.ru/article029.html> (дата обращения: 22.01.2017).

⁶³ Wells H. G. Appendix: Wells's prefaces to the 1941 Penguin edition. *The War in the Air*. – L.: Penguin Books Limited, 2006. – P. 297.

Хаксли «О, дивный новый мир», Джорж Оруэлл «1984» и «Скотный двор», несколько позже Рэй Бредбери «451 градус по Фаренгейту». Впоследствии произведениям «Скотный двор» Оруэлла и «451 градус по Фаренгейту» Бредбери была присуждена премия «Хьюго».

С появлением в 30-годы нового журнала, посвященного НФ – Astounding Science Fiction, принято связывать начало «золотого века» НФ или «эпохи Кэмпбелла» по имени редактора, которым становится критик и писатель Джон Кэмпбелл. Он собрал вокруг себя ярчайших писателей своего времени и открыл миру таких фантастов, как А. Азимов, А.-Е. ван Вогт, Р. Хайнлайн и др. В этот период были созданы произведения ставшие классикой жанра, в это же время окончательно закрепились и каноны НФ, основанные на преобладании инвентивно-социальной направленности. Научно-фантастические сюжеты и темы приобрели законченное звучание. Среди писателей «золотого века» НФ особое место занимали три видных автора: Роберт Хайнлайн, Артур Кларк и Айзек Азимов. Уже первые рассказы Роберта Хайнлайна «Линия жизни» (1939), «Взрыв всегда возможен» (1940), «Реквием» (1949) сделали его признанным лидером жанра.

Активный сподвижник Кэмпбелла и приверженец «твердой» фантастики, Хайнлайн немало способствовал изменению шаблонной поэтики НФ «эпохи Гернсбека». Его книги «звучали» по-новому благодаря «живому языку», умелому балансу сленга и афоризмов, продуманности деталей. Его будущее было четко прописано в деталях, а потому выглядело очень достоверным. Тему робототехники, актуальную и по сей день, впервые детально начал разрабатывать в своих произведениях писатель-фантаст Айзек Азимов. В рассказе «Хоровод» (“Runaround”, 1942), он впервые сформулировал три закона робототехники, которые стали ведущей темой всех произведений Азимова. Через много лет, в 1986 году, он вернулся к этой теме снова и в заключительном романе из серии «Основание» (“Foundation”, 1986), Азимов сформулировал нулевой закон робототехники: робот не может причинить вреда человеку, если только он не докажет, что в конечном итоге это будет полезно для всего человечества. Он сам объяснял это позже тем, что воспитание молодежи и закладывание моральных принципов в подрастающее поколение в его произведениях были не

менее важными задачами, чем построение захватывающих сюжетов и ярких образов.

Другой представитель «эпохи Кэмпбелла» Артур Кларк, будучи талантливым ученым, стал провозвестником идеи создания системы связи на геостационарных орбитах с использованием спутников (что впоследствии и произошло и послужило в том числе прототипом Интернета), а также космической метеорологии. В произведении Кларка «Город и звезды» (“The City and the Stars”, 1956) автор предстает в образе писателя, верящего в победу человеческого разума и гуманности, стремящегося познать вселенную; выходит за рамки отведенного ему пространства, затрагивает философские проблемы, тем самым выходя за рамки проблематики НФ литературы «золотого века».

Как мы видим, идеи романов Жюль Верна и Герберта Уэллса были развиты и получили логическое продолжение в творчестве Хайнлайна, Азимова и Кларка, кроме того в них зазвучали новые социально-философские мотивы.

На смену «золотому веку» НФ пришел кризис. 1960-е годы ознаменовали собой появление новых писателей, которые пытались сломать старые косные традиции «эпохи Кэмпбелла», они выступили против штампованности сюжетов и вторичности образов героев «твердой» фантастики. Их больше интересовала личность человека, нежели научные изобретения. Гуманистический подход писателей «новой волны» противопоставляется технократизму их предшественников. Большое внимание в их произведениях уделяется «внутреннему космосу» героя, человеческому сознанию и отличается психологизмом, эта литература становится «гуманитарной». Движение писателей «новой волны» охватывает 1960–1970 годы. Возглавившие его английские писатели объединились вокруг журнала «Новые миры», это совпало с отставкой главного редактора Д. Карнелла и приходом на его место фантаста Майкла Муркока, который превратил безнадежно устаревший журнал в трибуну для радикально настроенных литераторов-фантастов, отличавшихся совершенно иными взглядами на современное искусство.

Постоянными авторами журнала стали англичане Дж. Г. Баллард и Б. Олдис, американские писатели были представлены Г. Гаррисоном, Н. Спинрудом, Т. М. Дичем, С. Дилэни, Ф. Ж. Фармером, Ф. Диком и Р. Желязны. Тем временем в Европе и

Америке становятся популярными идеи постмодернизма. Усиливаются антивоенные и феминистские настроения, развивается движение за гражданские права и свободу слова. Получает большое распространение бунтарская субкультура хиппи. Все это стало отличной питательной средой для новых идей не только для молодых, но и для маститых писателей. Так, мастер «эпохи Кэмпбелла» Роберт Хайнлайн отошел от классических канонов НФ и написал роман «Чужак в чужой стране». Его герой человек с Марса, ставший мессией на Земле благодаря исповедованию странного вероучения, которое состояло из смеси мистики, философии, религии и свободного секса. В результате, роман стал культовым в кругах хиппи, а автор пережил ряд неудобств, в связи с массовым паломничеством представителей данного движения к своему дому.

Молодые писатели от вопросов социальных обращают свой взор к проблемам, касающимся внутреннего мира человека; уходит вторичность образа героя, писателей интересует не столько ситуация, в которую попадает герой, сколько личностное восприятие ее особенностей. Писатели «новой волны» протестовали против засилья массовой, однотипной фантастики, использующей шаблонные сюжетные ходы и стереотипные образы. Роджер Желязны (1937–1995 гг.) заметил по этому поводу: «...До 60-х годов НФ стояла на очень низком литературном уровне. Человек в них рассматривался как предмет»⁶⁴. В отличие от представителей «твердой» фантастики, авторы «мягкой» фантастики разрабатывали новые, нетрадиционные сюжеты, в которых происходило переплетение фантастики и истории, новейших изобретений и мистики, религии и колдовства, мифологии и роботов, космических просторов и постапокалиптических миров. В произведениях авторов «новой волны» прослеживается тесная связь с литературой постмодернизма. Их характерными чертами были пренебрежение к табу на тему секса в фантастике, пристальное внимание к восточным религиям и учениям, к «внутреннему космосу» индивидуума, постоянный поиск новой стилистики, интерес к экспериментам в области эстетики. К тому же в середине XX века происходит усиление интереса к учениям З. Фрейда и К. Г. Юнга о бессознательном, что не обходит стороной творчество писателей

⁶⁴ Roger Zelazny Interview. – URL: <http://lib.ru/ZELQZNY/zelinter.txt> (date of access: 15.05.2017).

фантастов. Все эти современные веяния нашли отражение в творчестве таких английских писателей, как Майкл Муркок, Джеймс Грэм Баллард, Брайан Олдис, Джон Браннер, Кристофер Прист, Кит Роберте, Майкл Джон Харрисон, а так же американских: Филипп Хосе Фармер, Роджер Желязны, Филипп Дик, Сэмюэл Дилэни, Роберт Сильверберг, Харлан Эллисон, Норман Спинрад, Томас Диш, Джон Слейдек, Майкл Суэнвик и др.

Появление «новой волны» необратимо повлияло на дальнейшее развитие НФ, собственно, она перестала существовать в прежнем виде, зародились новые субжанры: альтернативная история, киберпанк, стимпанк, дизельпанк и т. д. Большое распространение получил жанр фэнтези, а в результате смешения НФ и фэнтези образовался новый жанр – научное фэнтези.

Развиваясь параллельно с научно-фантастической литературой, жанр фэнтези переживает новую волну читательского интереса, а также внимания авторов-фантастов именно с наступлением эпохи постмодерна. Связано это с тем, что, как уже говорилось, в этот период литература становится более «гуманитарной», обращенной к внутреннему миру героя. В этот период усиливается интерес к мифу как способу осмысления мира и места человека в нем, как способу понять цель существования человечества и историю его возникновения. «Мифологические тексты... повествовали о коренном порядке мира, законах его возникновения и существования»⁶⁵. Представляет интерес тот факт, что фэнтези, уходя корнями в глубины истории, как жанр появилось относительно недавно.

Фэнтези вобрало в себя черты различных литературных направлений: его корни лежат в мифах, легендах, средневековых романах о нечистой силе, сказках и эпосе, а также в романтической литературе. Фэнтези имеет родство с мифологией в том, что «постоянно передает менее понятное через более понятное, неумопостижимое через умопостижимое и особенно более трудноразрешимое через менее трудноразрешимое»⁶⁶. Описываемое фэнтези время, преимущественно прошлое, зачастую мифическое. Это видно на примере «Властелина колец» Р. Р. Толкина, в котором

⁶⁵ Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и миф. Мифы народов мира. Т. 2 / под ред. С. А. Токарева. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 58–65.

⁶⁶ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 2006. – 407 с.

действие происходит во времена дочеловеческие, когда жили существа иного порядка, эльфы, маги и т. д. Для фэнтези характерна «гуманитарность, герои фэнтези – всегда психологически тонко разработанные характеры, чем отличаются от сказочных и мифологических персонажей. Можно выделить два типа героев фэнтези: первый это эпический доблестный герой («Конан-варвар» Роберта Говарда); второй – герой, сначала не обладающий какими-либо сверхвозможностями, однако он оказывается способен на подвиги благодаря содействию магических сил и трансформации собственного характера и обретению новых способностей в течение хода повествования («Властелин колец» Р. Р. Толкина, «Гарри Поттер» Джоан Роулинг).

На формирование фэнтези также повлияли рыцарский роман и готическая литература XIV–XVI веков. Рыцарские романы основывались на легендах кельтов, англосаксов, скандинавов. Особенно сильное влияние оказали легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Приключенческая сторона, а также обилие батальных сцен развивались под влиянием рыцарского романа, тогда как готический роман привнес в литературу мистику, темную загадочную сторону человеческой жизни, понимание того, что не все известно и подвластно человеку.

Из романтической литературы фэнтези заимствовало идеализацию прошлого, тоску по ушедшей первозданности и чистоте древних времен, таинственности былого. Отличительной особенностью фэнтези является поляризация мира – вечное противоборство между добром и злом. Между тем границы зачастую стираются: «злые» герои могут осознав свои ошибки перейти на сторону добра, а зло может сыграть на руку добру, послужив таким образом главной идее борьбы со злом.

В практике западных исследователей фантастики принято ссылаться на ирландского барона Эдварда Джона Мортон Драке Планкетта, как на первого значимого автора фэнтези. В цикле рассказов «Боги Пеганы» (“The Gods of Pegana”, 1905) он, отличаясь живым воображением и богатой фантазией, создал вымышленный мир с собственной историей, географией и мифологией, основанной в основном на ирландском эпосе. В дальнейшем многие авторы фэнтези развивали его достижения, а вторичные вымышленные

миры стали одним из основных атрибутов произведений данного жанра.

Одним из родоначальников «героического» или фэнтези «магии и меча» по праву считается американский писатель Роберт Говард (1906–1936), создавший цикл повестей «Конан-варвар». «В повестях о Конане Р. Говард, по существу, провозгласил «правила игры», которым в последующем следовали другие авторы произведений в стиле фэнтези»⁶⁷. Автор создал яркий вымышленный мир, основанный на легендах и всевозможных мифах разных народов.

Начало XX века характеризуется новым этапом развития жанра фэнтези. Большую популярность приобрел журнал *Weird Tales*. На его страницах печатались такие известные авторы фэнтези, как Теодор Стерджен, Кларк Смит, Говард Филипс Лавкрафт и др.

Совершенно иной вид фэнтези, насыщенный глубокими философскими рассуждениями, предложил читателям Джон Р. Р. Толкиен, автор ставшего культовым романа «Властелин Колец» изданного в виде трех книг, в данной трилогии («Хранители», «Две башни», «Возвращение короля») затрагиваются извечные темы присущие «большой» литературе: борьба сил Добра и Зла, героизм в борьбе за высшие идеалы и т. п. В произведении описывается сказочная страна Средиземье, помимо людей населенная существами кельтских мифов, а также придуманным автором народом хоббитов, которые так полюбились читателям разных стран мира. Р. Р. Толкиен был участником литературного кружка «Инклинги» (*The Inklings*), созданного в Оксфордском университете и популярного в 1930–50-х годах. Вместе с ним членами кружка были известный писатель и богослов Клайв Льюис и ряд малоизвестных авторов. Перу К. Льюиса принадлежит ставший впоследствии популярным во всем мире и не раз экранизированный цикл «Хроники Нарнии».

Однако своего расцвета жанр достигает лишь во второй половине столетия. Это связано с наступлением в литературе эпохи постмодерна, с повышением интереса к мифологии и истории. Разочарование писателей в техническом прогрессе заставляет писателей искать ответы на волнующие их вопросы во «внутрен-

⁶⁷ Мразеулов К. Фантастика. Общий курс. – URL: http://modernlib.ru/books/mzareulov_konstantin/fantastika_obschiy_kurs/read/ (дата обращения: 27.06.2017).

нем космосе» человека. Признанные мэтры НФ, такие как Р. Хайнлайн, Р. Желязны, Р. Бредбери, обращаются к новому жанру – фэнтези.

Романы Рэя Бредбери «Из праха восставшие» (“From the dust returned”), «И духов зла явилась мать...» (“Something wicked this way comes”), а также множество его рассказов написаны в жанре фэнтези. В 1963 году выходит роман Хайнлайна «Дорога славы» (“Glory Road”), который в 1964 году номинировался на премию «Хьюго». В нем он экспериментирует с жанром фэнтези, тем не менее оставаясь верным себе, что выражалось в наличии большого количества технических деталей и попыток объяснения чудесных вещей с точки зрения науки. В 1967 году фантаст Роджер Желязны создает роман «Князь света» (“Lord of Light”), который получил в 1968 году премию «Хьюго» как лучший роман. В нем автор показал глубокое знание индуистского пантеона, роман принято также причислять к так называемому мифологическому фэнтези, кроме того, в нем глубоко раскрывается внутренний мир героев, что в полной мере соответствует духу эпохи постмодерна в литературе. Самым известным произведением Роджера Желязны, в котором автор обратился к жанру фэнтези, безусловно, можно считать цикл романов «Хроники Амбера» (1970–1991). Цикл романов делится на две серии по пять романов, первая посвящена принцу Амбера Корвину, вторая – его сыну Мерлину. Романы содержат множество отсылок как к классическим, так и к современным для Р. Желязны авторам и произведениям. Текст насыщен прямыми отсылками к героям и артефактам кельтской и скандинавской мифологии, французского эпоса, легенд о короле Артуре и поисках Святого Грааля, а так же к произведениям Льюиса Кэрролла. Кроме того в романе содержится большое количество аллюзий к У. Шекспиру, что в полной мере соответствует традициям англоязычной литературы.

На рубеже XX–XXI веков интерес к фэнтези не угасает, доказательством этому служит успех во всем мире серии романов о Гарри Поттере английской писательницы Джоан Роулинг. В ее произведениях волшебники, единороги, тайные миры, совиная почта прекрасно уживаются с условиями современного мегаполиса, а путь ее главного героя – это процесс взросления, развития и в конечном итоге индивидуализации личности.

Совместное развитие и расцвет двух главных жанров фантастической литературы XX века – НФ и фэнтези не могло пройти совершенно обособленно друг от друга, некоторые авторы в своих творческих изысканиях «заходили» на чужую территорию. Стали появляться произведения, в которых совмещались научная и фэнтезийная посылки. В итоге произошло зарождение нового жанра – научного фэнтези.

Впервые термин был употреблен Форрестом Аккерманом как синоним НФ в 1935 году, а в 50-х годах XX века журналист Уолтер Джиллингс использовал термин «научное фэнтези» для определения отдельной части НФ⁶⁸. К данному жанру он относил «Дюну» Фрэнка Герберта, марсианские приключения Ли Бреккет и мир «Звездных войн» А. Д. Фостера. А немногим ранее, в 1948 году, Мэрион Зиммер (Бредли) в журнале *Startling Stories* рассматривала научное фэнтези как синтез НФ и фэнтези⁶⁹. Американский исследователь фантастики Джон Клют использовал термин «технофэнтези» как синоним научного фэнтези для определения историй о мирах, где научные и технологические достижения мирно уживаются с проявлениями волшебства. В 1986 году литературовед Гэри К. Вулф предложил относить термин к жанру, в котором приемы, характерные для стилистики фэнтези, используются в научно-фантастическом контексте.

В 1923 году был основан журнал *Weird Tales*, на страницах которого происходило становление жанра научного фэнтези. На его страницах печатались произведения Отиса Эдельберга Кляйн, Сибири Куин, позднее к ним присоединились Говард Филлипс Лавкрафт, Эдвард Гамильтон, Клайв Льюис и другие.

Говард Филипс Лавкрафт, основываясь на древних изотерических представлениях и оккультных науках, создал собственную мифологию, повествующую о древних темных силах, которые правят вселенной и имеют инопланетное происхождение.

В «Космической трилогии» Клайв Льюис соединяет научную и мифологическую картины мира в целостную авторскую концеп-

⁶⁸ Анисимова О. А. Поэтика «Хроник Эмбера» Роджера Желязны: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 179 с.

⁶⁹ Zimmer M. Science fantasy. – URL: http://sf-encyclopedia.com/entry/science_fantasy (date of access: 12.07.2017).

цию и демонстрирует эффективный синтез НФ и фэнтези, соединяя их с мифологической условностью.

В 1950 выходит роман Рэя Бредбери «Марсианские хроники», который также сыграл существенную роль в становлении жанра научной фэнтези. В романе присутствуют элементы фэнтези – древнегреческая мифология с ощущением присутствия магии, а так же научно-фантастический антураж – межпланетные полеты и сражения. Также автор затрагивает типичную для фэнтези проблематику борьбы добра со злом и поиска смысла бытия.

Концепция научной фэнтези как нельзя лучше соответствовала постмодернистской парадигме всеобщего «стирания границ». Это выразилось в том, что фантасты уже не ставили границ между рациональным и иррациональным. С наступлением эпохи постмодерна в литературе, произведения, написанные в жанре научного фэнтези, полностью соответствовали духу разочарования во всемогущей науке и обращению к «внутреннему космосу» человека. Можно сказать, что в это время жанр становится таким, каким мы знаем его теперь, окончательно формируются его каноны и круг затрагиваемых проблем. Авторы НФ и фэнтези обращаются к новому жанру, принимая вызов нового времени.

Пол Андерсон, в основном работавший в жанре «твердой» НФ, в 1960–70-е годы создал ряд произведений на мифологической основе. Так, в рассказе «Песнь козла» (“Goat Song”, 1972) писатель дал авторскую интерпретацию мифа об Орфее в НФ ключе. Также в новом для себя жанре выходят произведения Роберта Хайнлайна «Магия Инкорпорейтед», Клиффорда Саймака «Заповедник гоблинов» (1968), Роджера Желязны «Этот бессмертный». Более того, все дальнейшее творчество Роджера Желязны связано именно с этим жанром: «Я часто пытался понять, кем я являюсь – писателем, пишущим научную фантастику, которому снится, что он пишет фэнтези, или наоборот. Большинство моих научно-фантастических вещей содержат некоторые элементы фэнтези и наоборот», – писал автор в статье «Фэнтези и научная фантастика: взгляд писателя»⁷⁰.

Научное фэнтези демонстрирует характерный дуализм, в произведениях жанра соседствуют как научные методы познания ми-

⁷⁰ Желязны Р. Фэнтези и научная фантастика. Взгляд писателя. – URL: <https://fantlab.ru/work51934> (дата обращения: 25.06.2017).

ра, так и магические; магия получает рационалистическое объяснение, а реальные, фантастические и мифологические пространства сливаются в единое гармоничное целое. Можно сделать вывод, что с течением времени два основных фантастических жанра – НФ и фэнтези, развиваясь, совершенствуясь и неизбежно пересекаясь на страницах своих творцов, в итоге дают рождение новому, неповторимому и отвечающему духу своего времени жанру научного фэнтези.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем возможным выделить новую классификацию жанров внутри вида фантастической литературы, а именно: научная фантастика, фэнтези и научное фэнтези. Эти жанры, в свою очередь, являются платформой для функционирования тождественных им видов фантастических художественных дискурсов: НФ дискурса, фэнтезийного дискурса, а также научно-фэнтезийного дискурса.

*Пачколин В. А.
Pachkolin V. A.*

Typology of fantastic discourse genres

***Abstract:** In this article the author gives the definition of fantastic art discourse. The history of fantastic literature development is pointed out, which is followed by the classification of fantastic art discourse genres, based on the substantive component taking into consideration modern and postmodern periods of culture.*

***Key words:** text, fantastic discourse, science-fiction discourse, fantasy discourse, science fantasy discourse, science fiction, fantasy, substantive component, genre modern, postmodern.*

1.3. Граница, порог и рамка как признаки проблемы идентичности в художественном дискурсе (на примере романа Б. Маламуда “The Fixer”)

Исторической основой романа Б. Маламуда “The Fixer” послужило дело Менделя Бейлиса: в марте 1911 года рабочий кирпичного завода Мендель Бейлис был арестован по обвинению в ритуальном убийстве. Б. Маламуд был знаком с процессом по рассказам отца, история глубоко потрясла его:

“Then I remembered – I had never forgotten – the name of Mendel Beiliss, whom my father had told me about when I was a boy; and I remember being moved and frightened by the story...”⁷¹.

Документальное описание событий, произошедших в марте 1911 года, важно для понимания романа. История Якова Бок представляет собой не только трагедию несправедливо обвиненного еврея, но и человеческую трагедию в целом. Несправедливые обвинения и гонения, которые пережил Яков Бок, могут возникнуть в жизни любого человека. По мнению Б. Маламуда, опыт еврейской истории показателен:

“I use some of his [Mendel Beiliss] experiences, though not, basically, the man, partly because his life came to less than he had paid for by his suffering and endurance, and because I had to have room to invent. To his trials in prison I added something of Dreyfus’s and Vanzetti’s, shaping the whole to suggest the afflictions of the Jews under Hitler. These I dumped on the head of poor Yakov Bok... So a novel that began as an idea concerned with injustice in America today has become one set in Russia fifty years ago, dealing with anti-Semitism there. Injustice is injustice”⁷².

В романе показана жизнь в маленьком украинском местечке за пределами Киева. Евреи почти не бывают в больших городах, потому что для этого необходимо специальное разрешение.

Его решение уехать в город обусловлено не просто желанием найти работу, а скорее потребностью понять, как устроен мир вне местечка, за пределами границ, которые для евреев на протяжении очень долгого времени определяла Тора и ее законы. Яков Бок добровольно покидает местечко, его привлекает жизнь за пределами маленького мирка, он прекрасно понимает, что он делает и чем рискует, однако потенциальная опасность не заставляет его отступить, он хочет стать внутренне свободным:

“The truth of it is I’m a man full of wants I’ll never satisfy, at least not here (в местечке). It’s time to get out and take a chance. Change your place, change your luck, people say...”

⁷¹ Malamud B. *The Talking Horse*. – New York Farrar, Strauss and Geraux, 1996. – P. 88.

⁷² *Ibid.*

What I want to know is what's going on in the world. What choice has a man who doesn't know what his choices are? If you want to be free, first be free in your mind"⁷³.

Яков – не изгой в обычном понимании этого слова, он, скорее, отщепенец, другой. Его уважают за мастерство плотника в местечке, но не любят. Яков Бок стремится уйти из четко очерченного мира, в котором он родился. Его тесть Шмуэль уговаривает Якова остаться, предостерегая от опасностей Киева. Для Якова Бока Киев не является целью, Киев лишь только начало пути, один из вариантов. Поиски самого себя для Якова Бока начинаются с поисков нового места жительства:

“All I've had in this miserable town is a beggarly existence. Now I'll try Kiev. If I can live there decently that's what I'll do. If not, I'll make sacrifices, save up, and head for Amsterdam for a boat to America. To sum it up, I have little but I have plans”⁷⁴.

Жизненная позиция Якова агрессивна по отношению к миру, в котором он живет, и к людям, которые находятся рядом с ним. Его упрекают в недостатке снисходительности и милосердия. Яков Бок был воспитан в приюте. Яков также остро ощущает отрыв от семьи, но он не свободен, хотя бы потому, что свобода Якова физически ограничена чертой оседлости. Таким образом, в романе “The Fixer” проявляется одно из противоречий общественной жизни: для того чтобы Якову Боку стало возможным «найти себя», прежде всего ему необходимо отказаться от себя, своего прошлого. В Киеве можно жить, только отказавшись от своей национальности или скрывая ее.

Яков выезжает в Киев поздней осенью, он оказывается в Киеве в ноябре. Для человека, который связан с землей, переезд осенью был бы невозможен. В романе предстают важными отъезд из местечка и попытка отказаться от своего еврейского прошлого. Для этого Яков сбрасывает бороду и пейсы, а на переправе падают в реку молевальные принадлежности. Яков не собирался брать их с собой, Шмуэль нашел сумку с филактериями и принес ее Якову. Яков забыл принадлежности намеренно, он расстался со своим прошлым еще до того, как уехал из местечка:

“Shmuel drew out of his pocket an embroidered cloth bag.

⁷³ Malamud B. The Fixer. – P. 15.

⁷⁴ Ibid.

“Don’t forget these” he said embarrassed. “I found them in your drawer before we left.”

In the bag was another containing filacteries. There was also a prayer shawl and a prayer book, Raisl, before they were married had made the bag out of a piece of her dress and embroidered it with the tablets of the Ten Commandments.

“Thanks.” Yakov tossed the bag among the other things in the wagon”⁷⁵.

Вода имеет символическое значение в мировой культуре, важна она и для еврейской традиции. В Судный день (Иом Кипур) каждого года евреи должны вытряхивать содержимое своих карманов в водоем как символ избавления от грехов прошлого и начала новой жизни, то, что у Якова тонут моленные принадлежности, можно воспринимать как пародию на обряд очищения от грехов. В тот момент, когда моленные принадлежности падают в реку, лодка практически пристает к берегу, это означает, что Якову Боку отрезан путь назад.

Река в данном случае символизирует порог. Пока Яков Бок плывет в лодке, он находится как бы между мирами, он уже не в местечке, но еще не попал в «большой мир». Порог в данном случае – «место дистанции и пустоты, место внаходимости, место для размышлений и решающего выбора»⁷⁶. Пока Яков Бок не ступил на другой берег, он еще может изменить свое решение уехать из местечка, после это уже будет невозможно. Не случайно два раза по пути в Киев Яков Бок отрицает, что он еврей:

“I don’t recognize the accent you speak”, said the boatmen, pulling the oars.” It’s Russian but from what province?

“I’ve lived in Latvia as well as other places”, the fixer muttered.

“At first I thought you were a goddam Pole. Pan whosis, Pani whatsis. ”The boatmen laughed, than snickered.”Or maybe a mother-fucking Jew. But though you’re dressed like a Russian, you look more

⁷⁵ Malamud B. The Fixer. – P. 19.

⁷⁶ Рымарь Н. Т. Порог и язык порога // Граница и опыт границы в художественном языке / Рурский университет, Самарская гуманитарная академия, Самарский государственный университет. – Вып. 4: Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2006. – С. 111.

like a German, may the devil destroy them all, excepting yourself and yours of course.”

“Latvian”, said Yakov⁷⁷.

Ответ на вопрос, кто он, для Якова Бока предстает еще одной возможностью осознать свой выбор, понять, что теперь он несет за него полную ответственность. Пребывание в лодке на реке представляется порогом, а не границей, поскольку это «пространство бодрствующего сознания субъекта».

Днепр в эпизоде с переправой можно сравнить со Стиксом, даже перевозчик присутствует. Стикс – это река, через которую можно переправиться только один раз, в данном случае возврат на тот берег Днепра также невозможен: Якову нечем заплатить перевозчику, но, самое главное, он не может вернуться в местечко ни с чем, он не видит смысла в жизни там. Переправа через Днепр символизирует безвыходное положение, замкнутый круг из событий, в который в самое ближайшее время после переправы попадет Яков Бок.

Однако, как Бок ни старается, он пусть косвенно, но остается связан со своим еврейским прошлым и еврейской традицией. В романе Б. Маламуд подчеркивает это тем, что все важные события в жизни Якова Бока совпадают хронологически с еврейскими праздниками.

В произведении четко прослеживается противопоставление национальной принадлежности человека по рождению и желания принять или не принять идентификацию, а также как этих людей воспринимают окружающие. Яков Бок – носитель клейма, для него клеймом является его еврейство, не по его воле, а по вине окружающего общества.

В Киеве все неприятности для Якова начинаются с доброго дела, он спасает человека, несмотря на то, что на лацкане его пиджака был значок черной сотни. Яков легко меняет свое имя, когда знакомится с человеком, спасенным им на улице. Он представляется Яковом Ивановичем Дологушевым. Таким образом, он завершает начатое на переправе «перерождение», он отказывается от своего имени и национальности, что фактически означает отказ от существования. Для того чтобы перестать быть евреем, недостаточно на словах отказаться от своей национальности, и Яков пре-

⁷⁷ Malamud B. The Fixer. – P. 28.

красно понимает это: он знаком с законом Торы, согласно которому даже человек, сменивший вероисповедание, получает в иудаизме свой статус. Ирония заключается в том, что помимо своего желания быть евреем, Яков все же им является не только по рождению, но и просто в глазах окружающих.

Полная или частичная смена имени очень важна в творчестве Б. Маламуда. Часто именно со смены имени в жизни протагонистов начинаются метаморфозы, смена имени символизирует смену социального статуса.

Наградой за спасение черносотенца Лебедева стало предложение работать и, как следствие, дополнительная необходимость скрывать свое происхождение. Яков становится не только человеком без дома, но и человеком без имени и прошлого, теперь он просто *fixer* (наладчик).

Яков Бок оказывается обвиняемым по делу о ритуальном убийстве деревенского мальчика Жени Головы, он попадает в тюрьму и находится в заключении на протяжении всего действия романа. Еще до того момента, как Яков Бок оказывается физически заключенным в тюрьму (сначала в общую камеру, а затем в одиночную), он уже несвободен, он не может жить своей жизнью, вынужден лгать, и в итоге, пытаясь спасти себя, только ухудшает свое положение. Яков Бок является жертвой обстоятельств, у него не было возможности вырваться из еврейского местечка, не солгав.

Жизнь Якова Бока состоит из однотипных и повторяющихся событий. Он сбегает из местечка, в котором ему невозможно жить и попадает в ад другого рода. Прошлое занимает очень важное место в жизни Якова Бока, прошлое мучает его, когда-то прошлое Якова Бока было его настоящей жизнью, и эта жизнь ему абсолютно не нравилась: в ней было голодно, темно и одиноко. Правда, после того, как Яков попал в тюрьму, он понял, что не всегда убежать от себя и своей истории означает найти светлое будущее.

Его маскарад и обман одновременно являются началом череды сложностей и отягчающих обстоятельств после ареста (обман – единственное преступление, в котором Яков сразу сознается):

“He had stupidly pretended to be somebody he wasn’t, hoping it would create opportunities, had learned otherwise – the wrong opportunities – and was paying for learning”⁷⁸.

⁷⁸ Malamud B. The Fixer. – P. 128.

История Якова Бока напоминает историю библейского Ионы, историю человека, который задумал избежать исполнения воли Творца, однако «обстоятельства» заставили его задуматься. Сюжет библейской книги Ионы пронизан идеей справедливости и размышлениями о свободе выбора, необходимости выполнения воли Творца и отказа от этого исполнения. Иона делает свой выбор только тогда, когда понимает, что от его решения зависят жизни людей. Он прыгает в океан, чтобы уберечь подобравший его корабль от потопления. Яков Бок находится в аналогичном положении, однако его выбор еще сложнее, он не обязан ни в чем признавать себя виновным, и не обязан ни с кем бороться, его ложно обвинили в убийстве. Яков же пройдя через ряд испытаний, понимает, что у него есть возможность сделать важный шаг не только для возвращения себе свободы, но и для свободы будущих поколений евреев и неевреев.

Одновременно со сравнением с Ионой прочитывается сравнение с жертвенным поступком Иисуса Христа. Яков начинает делать движения в сторону православия, но, в конечном итоге, предпочитает нерелигиозность и веру принадлежности к какой-либо конфессии.

Яков приходит к восприятию себя евреем только после абсолютного отрицания самого факта и ряда испытаний, но к иудаизму Яков не возвращается. В художественном мире романов Б. Маламуда происходит то, что в реальном мире пока не произошло – отделение религии от национальности, а именно еврея от иудаизма.

Его заключение в тюрьме по ложному обвинению и все, через что Яков там проходит, позволяет ему наконец-то почувствовать себя свободным. У Якова больше нет никакой необходимости стесняться того, что он еврей, заключение освобождает Якова от необходимости прятаться, а не жить. После того как Яков приобретает статус обвиняемого, наладчик выкрикивает лозунги, из которых становится понятно, что Яков Бок будет бороться за свои мизерные права, потому что важен не результат борьбы, а сама борьба. Формирование Маламуда как писателя происходило параллельно развитию экзистенциализма в литературе, поэтому можно говорить о преобладающем влиянии именно С. Кьеркегора, а не А. Камю.

Образ Якова Бока – это образ человека в понимании С. Кьеркегора. Яков волею обстоятельств обращает свой взор на самого себя, на свой внутренний выбор. Он проходит и эстетическую, и этическую, и религиозную ступень развития, в конце концов, он обретает себя, он принимает свое прошлое и пытается изменить настоящее в заданных ему условиях существования. Безусловно, решение Якова Бока перекликается с решением о деянии в философии экзистенциализма:

“Death to the anti-Semites! Long live revolution! Long live liberty!”⁷⁹; “...where’s no fight for it, there’s no freedom”⁸⁰.

Жертва и страдания Якова Бока позволят ему приблизить возможную свободу для своего народа, он предвидит крах замыслов черной сотни и прочих хотя бы потому, что он, обыкновенный человек, не отказался от своего национального прошлого в самый трудный момент.

Сам Яков находится на перепутье, его камеру в тюрьме можно считать переходным пространством. Когда Бок попадает туда, он не знает, кто он есть, а лишь помнит, кем он был, но это не порог, потому что решение о выходе из пространства порога принимает сам человек, а Яков Бок не может сам выйти из камеры, его физическая свобода ограничена.

Тюремная камера, в которой содержится Яков Бок, представляет собой модель мира Якова. Бок заключает себя в тюрьму собственных страхов и опасений, поэтому он несвободен изначально, камера Якова Бока представляет собой одновременно укрытие и ловушку.

В образе Бока прослеживаются и черты библейского Якова, который получает второе имя Израэль (победивший Бога), он мужественно переносит все страдания, которые ему посылают, и в итоге становится праотцем еврейского народа, от него происходят двенадцать колен Израилевых.

Э. Абрамсон отмечал, что Маламуд через образ Якова Бока обращался к будущей истории еврейского народа и всего человечества: “He was interested in the afflictions of the Jews under Hitler that constitute one of the burdens he placed upon Yakov’s head. Malamud reaches into the future to add to the impact of his tale of the innocent

⁷⁹ Malamud B. The Fixer. – P. 299.

⁸⁰ Ibid.

suffering, and awareness of the slaughter that will occur thirty years from Yakov's time...»⁸¹.

В романе присутствует инвариант образа Шлемиеля – образ тестя Якова Бока – Шмуэля, который является одним из ключевых образов романа. Если Яков Бок первоначально пытается убедить от своего еврейского прошлого и настоящего, то Шмуэль проживает всю свою жизнь в местечке, он олицетворение местечкового еврейского мира.

Шмуэль не считает нужным уходить из еврейского местечка, для него свобода внутренняя представляется более важной, чем свобода физическая.

Страдание Шмуэля – это страдание Иова. Как и библейский пророк, Шмуэль никогда не высказывает «ни тени сомнения в божественной справедливости, по-прежнему сохраняя душевную цельность и ясность»⁸². Позиция Шмуэля – это позиция Иова после осознания необходимости своего страдания «как прояснения внутреннего зрения», для Шмуэля проблема теодицеи не стоит так остро, как для Якова Бока. Яков Бок подобен Иову в своем стремлении к цельности, в попытках избавиться от того, что Мартин Бубер называл внутренней раздвоенностью. И решение бороться вне зависимости от обстоятельств, которое принимает Яков, и есть освобождение от раздвоенности и обретение себя.

Для Шмуэля «штетл» – это модель мира, он предостерегает Якова, уговаривает не уезжать, Шмуэль понимает, что свобода передвижения, выход за границы очерченного еврейским законом мира могут иметь для Якова Бока ужасные последствия:

“...What's in the world,” Shmuel said, “is in the shtetl – people, their trials, worries, circumstances, but here at least God with us”⁸³.

“Be careful”, Schmucl said, agitated, “we live in the middle of our enemies. The best way to take care is to stay under God's protection. Remember, if He's not perfect, neither are we”⁸⁴.

Шмуэль по-прежнему уговаривает Якова попросить милости у Всевышнего, обратиться к Торе, но Яков Бок все еще уверен, что

⁸¹ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – С. 74.

⁸² Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа (Ветхого Завета). – Мн.: Экономпресс, 1998. – С. 322.

⁸³ Malamud V. The Fixer. – P. 14.

⁸⁴ Ibid. P. 19.

на историю Бог не имеет никакого влияния. Шмуэль же уверен: сочувствия (*rachmones*) искать нужно именно у Всевышнего, а не в законодательной системе. Бибиков, следователь по делу Якова Бока, говорил Якову: “*Mercy is for God. I depend on the Law*”. Но увидев Бибикова повешенным в камере, Бок понимает, что прав был Шмуэль, и надеяться на закон бесперспективно. Для Шмуэля вера – это нечто большее, чем просто соблюдение религиозного закона.

Единственной связью с местечковым бытием для Якова был Шмуэль. Шмуэль не зря уговаривает Якова соблюдать именно шаббат, четвертая заповедь для евреев всегда являлась одной из самых важных («Храни и помни день Субботний»).

В романе “*The Fixer*” границы образа Шлемиеля – «еврейского маленького человека» – расширяются, и в конечном итоге мы сталкиваемся с другим образом – Эвримен (*Everyman*). В терминологии Е. М. Мелетинского «эвримен» – «средний человек», носитель универсальной глубинной психологии и поля разрешения метафизических антиномий⁸⁵.

Еврейский образ Шлемиеля и его инварианты, сливаясь воедино, эволюционируют и становятся частью единого образа. Для Б. Маламуда и его герой, и его читатель – просто люди *homo cogitans*, вне зависимости от своей этнической, религиозной или другого рода принадлежности.

Образ следователя Бибикова соответствует образу «эвримен». Размышления Бибикова связаны главным образом с возможностями и правами человека в государстве, он не сталкивается с проблемами, которые вынужден решать для себя Яков, – оставаться и признавать себя евреем или нет. Один из моментов, вынуждающих Якова Бока скрывать свое происхождение, – это отношение к евреям и, как результат, ограничение в правах. В результате всего происходящего становится очевидным, что не важно, как себя определяет человек, не важно, какова его национальная или профессиональная идентификация, на деле защищенным не является никто:

“How oppressed, ignorant, and miserable most of us are in this country, Gentiles as well as Jews, under your government and under ministers”⁸⁶.

⁸⁵ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – С. 304.

⁸⁶ Malamud B. *The Fixer*. – P. 298.

Следователь Бибиков, человек порядочный, мыслящий и абсолютно не защищенный системой, в которой живет и работает, сам ставит себя на одну ступень с Яковом, он приравнивает ценность своей жизни к ценности его жизни:

“Partly it is our situation in this unfortunate country that causes me doubt. Russia is such a complex, long-suffering, ignorant, torn and helpless nation. In one sense we are all prisoners here.” He paused, combed his beard with his fingers, then said, “There is so much to be done that demands the full capacities of our hearts and souls, but, truly, where shall we begin? Perhaps I will begin with you? Keep in mind, Yakov Shepsovich, that if your life is without value, so is mine. If the law does not protect you, it will not, in the end protect me”⁸⁷.

Бибиков прекрасно понимает, что, если человек лишен права быть самим собой в своей стране, боится признать, кто он и всю жизнь обязан проводить в местах, которые ему выбирают для жизни, то в опасности находятся все.

Образ Шлемиеля является составной частью образа «эвримен», Яков Бок является носителем противоречий в той же степени что и Бибиков. Персонажи Маламуда – одновременно типичные евреи и просто страдающие людьми, без связи со своей национальностью.

Проблема их личностной и еврейской самоидентификации в конечном итоге сводится к общечеловеческой проблеме поиска себя и определения человеком своего места в мире и отношения к людям, которые отличаются от всех или попросту – другие, хотя на деле разговор идет об отношении личности к другой личности и правах на уважение и самоопределение не только в обществе, но и в государственной системе.

*Бельцер И. А., Бельцер И. С.
Beltser I. A., Beltser I. S.*

Frontiers, threshold and frame as a sign of the problem of identity

Abstract: One of the most interesting means of stating the problem of identity may be the appeal to the frontier notion and threshold and frame as the type of frontier. In “The Fixer” the freedom motif and imprisonment motif are in the limelight, and frontier with its types is closely connected with the motifs.

⁸⁷ Malamud B. The Fixer. – P. 258.

In the novel personal and Jewish identification problems come to the identity problem in general, it's a matter of human search of the place in the world, matter of respect and right observation of one person towards another not only in society but also within the state system.

Key words: *identity, "The Fixer" by B. Malamud, freedom, imprisonment.*

1.4. Философский дискурс о проблеме гармонизации отношений человека с обществом и природой в конфуцианстве

Анализ конфуцианства, с позиций гармонизации природного и социального ритмов жизнедеятельности человека, представляет большой интерес в осмыслении проблемы «природа – человек – общество», как в Древнем Китае, так и в современном.

Конфуцианство – одно из самых древних учений в мире. Его история насчитывает две с половиной тысячи лет. За это время конфуцианство создало огромное философское наследие, которое определило фундаментальную основу мировоззрения китайцев и оставило наиболее заметный след в истории страны. Начиная с глубокой древности, а именно с эпохи Хань, правящие классы Китая почитали Конфуция как святого, а его учение считалось официальной государственной идеологией.

«В течение двух с лишним тысяч лет конфуцианство формировало умы и чувства китайцев, влияло на их убеждения, психологию, поведение, мышление, речь, восприятие, на их быт и уклад жизни. Конфуцианство заметно окрасило в свои тона всю национальную культуру Китая, национальный характер его населения. Оно сумело стать, во всяком случае, для старого Китая, незаменимым»⁸⁸.

Вне зависимости от научных подходов к изучению конфуцианства и его оценки, на протяжении многих веков это учение отражало генезис политической культуры китайского общества, ее экологическую основу. Поэтому оно может быть охарактеризовано в целом с точки зрения функциональной значимости как социаль-

⁸⁸ Васильев Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). – М.: Высш. шк., 1983. – 368 с.

но-политический регулятор разнообразных, в том числе и экологических, процессов духовной и материальной жизни Китая⁸⁹.

Хорошо известно, что деятельность Конфуция относится к периоду крупных изменений в китайском обществе, которые привели к возникновению в социально-политической жизни определенных тенденций, связанных с необходимостью свободного выражения идей, создания обстановки «соперничества всех школ», представлявших множество мыслителей⁹⁰.

Для обозначения понятия культуры ко времени Конфуция сложился термин «вэнь», который связывался им с письменной традицией народа, его духовной культурой. Указывая на выдающуюся роль Конфуция в разработке понятия «вэнь», Н. И. Конрад отмечал: «Вэнь – духовная культура, это несомненно; но именно та, которая запечатлена в слове. Именно в слове, но не в письме... Вэнь – не письмо, не письменность, а то, что написано знаками письма»⁹¹.

Конфуций понимал «вэнь» не только как носителя учености и ритуала. Через «вэнь» он «передавал» древность – традицию, подлежащую сохранению и поддержанию. Этим определяется социально-политическая значимость творчества Конфуция и его последователей. Представления о древности как идеале социальной гуманности и справедливости они связали с деятельностью по составлению и комментированию древнейших памятников духовной культуры Китая.

Книги, вошедшие в конфуцианский канон: «Ши цзин», «Шу цзин», «Чжоу и» («И цзин»), «И ли», «Чжоу ли» также относятся к «вэнь». Позднее к ним добавлены и другие сочинения, а «вэнь» стала обозначать всю сумму социально-политических представлений, связанных и с экологическим знанием.

В «Лунь Юе» проводится четкая мысль о том, что «вэнь» – это то, что человек приобретает в процессе обучения, и каждый должен стремиться овладеть духовной культурой предков.

⁸⁹ Абрамова Н. А. Политическая культура Китая. Традиции и современность. – М.: Муравей, 2001. – 320 с.

⁹⁰ Степанянц М. Т. Восточная философия. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1997. – 503 с.

⁹¹ Конрад Н. И. Избранные труды. – М., 1997. – 511 с.

Само понятие «вэнь» как экологической культуры, процесс приобщения к ней представляют собой сложный комплекс социально-политических идей, принципов и методов, реализуемых в человеческой жизни через «дао».

Основу конфуцианства составили вопросы разработки философских проблем: этики, морали, управления обществом и государством. Фокусом своего учения Конфуций сделал анализ взаимодействия «внутренних» импульсов человеческой природы (понятие «жэнь») и «внешних» социализирующих факторов (этико-ритуальная «благопристойность» «ли»). Нормативный тип человека, по Конфуцию, – «цзюнь цзы» («благородный муж»), познавший небесное «предопределение» («мин») и сочетающий в себе идеальные духовно-моральные качества с правом на высокий социально-политический статус.

Конфуцианство сосредоточено на поиске путей создания идеального общественного и государственного устройства, которое возможно через максимальную регуляцию и формализацию именно социально-политических отношений, устанавливающих прямую связь с природой.

Особо значимая для конфуцианской мысли идея о личной ответственности за экологическое развитие общества обусловила проблему функционального разграничения высших природных сил и человека.

Конфуций развил представления предшествующей эпохи о «Небе» и «небесном велении» как сознательно действующей высшей силе. Понятия «Небо» и «небесное веление» («судьба») выступают у него в неразрывной связи. Именно они определяют экологические действия и поступки людей, их социально-экологическое положение.

Моральные и этико-политические нормы человека также идут от «Неба». Сохранение и гибель определенных общественных установлений зависят от «Неба». Человек должен беспрекословно следовать «небесному велению», ибо «Небо» всеисильно и всемогуще. Нельзя высказывать недовольства предостережениями «неба». Поэтому Конфуций и заявлял: «не гневлюсь на Небо».

Для придания официального социально-политического статуса культурным понятиям и принципам, регламентирующим экологическую деятельность, философами-конфуцианцами выдвигались

положения о том, что культурно-политические ценности «вышли» из природы. Так, «ханьский Конфуций» Дун Чжуншу воспринял и переработал учения Конфуция и Мэн-цзы о «воле Неба», используя при этом мистифицированное в период Чжаньго оригинальное учение о взаимном воздействии Неба и человека.

Все, что происходит в мире, находит отклик в человеке. Все, что происходит от человека, эхом отдается в космических пространствах. Такова в китайской политической культуре традиционная парадигма социально-экологического существования. Онтолого-космологическая интерпретация общественно-государственного устройства Дун Чжуншу способствовала усилению экологического воздействия методов социально-политического управления.

Конфуцианство выработало социально-экологическую концепцию государства и общества как непосредственного продолжения упорядоченного космоса, как сферы господства основных экологических законов природы. Монарху принадлежала роль распространителя благих взаимосоответствующих влияний космических и человеческих сил. «Гуманность Высшего Неба опекает народ, четыре времени года следуют в гармоничном порядке. Народ с наслаждением предается делу. Наш государь распространяет благое управление и достигает гармонии»⁹².

Вопрос о природе – один из важнейших в истории китайской философии, трансформирующийся в экологических представлениях политической культуры. Эта важнейшая проблема находит отражение в учении Чжу Си (1130–1200), который придал неоконфуцианству универсальную и систематизированную форму. Анализируя учения о взаимоотношениях природы и человека, возникшие в различные эпохи, он развил содержащиеся в них социально-экологические положения и создал оригинальное собственное учение о природе человека, в котором соединил «природу по воле Неба» и «природу от первоначальных частиц».

Чжу Си считал, что человек представляет собой соединение «высшего принципа Неба» и частиц. Поскольку в нем присутствует «высший принцип», то каждому человеку присущи культурные проявления – человеколюбие, справедливость, правила поведения,

⁹² Мартынов А. С. Чжу Си и официальная идеология императорского Китая // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. – М., 1982. – С. 11–25.

разум, почтительность к старшим, преданность и доверие. Поскольку в человеке есть частицы, он может разговаривать, действовать, думать, творить. Идя дальше, Чжу Си противопоставляет «высший принцип Неба» желаниям человека, выдвигая теорию «сохранять высший принцип, уничтожать человеческие желания».

Упорядочивающее воздействие высших принципов природных сил на общество в дальнейшем выразилось в социально-экологических по своему существу формулах: «совпадающее единство Неба и человека» («Тянь жэнь хэ и»), «взаимный отклик Неба и человека» («Тянь жэнь гань ин»), «разграничение Неба и человека» («Тянь жэнь чжи фэнь»).

Для формирования экологического сознания человека и общения его к «вэнь» Конфуций в свое время выдвинул концепцию «дао» («путь») в предельно широком значении – «этический путь человека и государства». Первоначальное «дао» – комплекс культурных идей, принципов, методов, не выходящих за рамки морального учения Конфуция, но в то же время формирующих мировоззрение древних об их гармоничных взаимоотношениях с миром природы.

Вначале Конфуций конкретизирует «дао» в различных его культурно-этических понятиях: «сыновняя почтительность» и «братская любовь» («сяо ди»), «верность и великодушие» («чжун шу»), «гуманность» («жэнь»), «знание» («чжи»), «мужество» («юнь») и т. д. В «Лунь Юе» он определяет «дао» уже как благоприятный ход общественных процессов, а затем как события и явления в человеческой жизни, зависящие не только от «предопределения», но и от самой отдельной личности. Его носителем является индивид, и государство (Поднебесная). В силу различия носителей различны и их «дао»: большое и малое, прямое и кривое, присущее «благородному мужу» («цзюнь цзы») или «ничтожному человеку» («сяо жэнь») и т. д.

Соответственно подобной классификации «дао» различается и «дэ» («добродетель», «благодать»). В самом общем смысле эта категория обозначает основное этико-политическое качество, обуславливающее наилучший способ и экологического существования каждого отдельного существа или вещи, то есть индивидуальной «благодати», что позволяет нам интерпретировать «дэ» как культурно-экологическое «достижение» древности.

Таким образом, моральные качества человека объявляются Конфуцием исходящими от «Неба» через «путь» («дао»). Конечная же цель нравственного самоусовершенствования заключается в овладении этико-политическими принципами «жэнь», «ли», «и» и т. д. Их осуществление и формирует экологическую личность «цзюнь цзы» («благородного мужа») – репрезентативного типа личности всей конфуцианской культуры.

Этика Конфуция подчинена и принципам «срединности» («чжун юн»), и «золотому правилу морали» («шу»). Они отражают основные идеи Конфуция, привнесенные затем в содержание политической культуры: источник гармонии («срединности») в Поднебесной есть человеческая личность; выявление в себе «неизменной» «небесной природы» позволяет совершенствовать экологические методы этико-политического управления; потенциальное внутреннее экокультурное совершенство человека как эманация мира природы реализуется в процессе длительного и требующего значительных внутренних усилий экологически правильного («срединного и неизменного») пути – «дао».

Центральным понятием конфуцианства является «жэнь» («гуманность», «человечность», «милосердие», «доброта») – одна из основополагающих категорий китайской философии и культуры.

Широко интерпретируя идею «жэнь», Конфуций тем самым подчеркивал ее всеобъемлющий характер, определяющий не только этико-политическую роль для человеческой природы, жизни государства и семьи. «Жэнь» выступает как закон, совокупность эколого-этических и регулятивных социально-политических принципов взаимоотношения человека и природы.

А. М. Карапетянц, анализируя определения «жэнь» в тексте «Лунь Юя», представляет это понятие в нескольких смыслах. «Человечность», «любовь к людям» не являются, по его мнению, единственно проявляющимися значениями «жэнь». «Жэнь» – это и соответствие правилам, регулирующим поведение, «преодоление себя и возвращение к ритуальной благопристойности» («ке цзи фу ли»), понятие, реализующее «золотое правило» морали: «не навязывать другим того, чего не желаешь себе». «Жэнь» подразумевает и обязательный переход в иное состояние за счет усилий в преодо-

лении своей природы и подчинения ее общественным и природным установлениям⁹³.

Поэтому в философии Конфуция «жэнь» – не только источник, предписывающий этико-политические нормы, но и конечная цель экологического самоусовершенствования на этой основе. Это понятие, с точки зрения современности, можно интерпретировать и как основной экологический закон, следование которому приводит к естественному развитию материального и духовного мира. В дальнейшем он получает более объемное социально-политическое толкование.

Дун Чжуншу (II в. до н. э.) сделал шаг к социально-политической онтологизации и экологизации «жэнь», объявив его воплощением «воли Неба» в человеческом (социальном) организме.

Неоконфуцианцы под влиянием Хань Юя (VIII–IX вв.) расширили экологическое и социально-политическое понимание этой категории. Так, Чэн Хао, Чжан Цзай (XI в.), Ван Янмин (XV–XVI вв.) и др. трактовали его как атрибут «Неба», органическую единую сущность индивида со всем мирозданием, интерпретируемую сегодня как экологическую. У мыслителей XIX – начала XX вв. в трактовках «жэнь» уже отразились особенности восприятия ими западных социально-философских разработок.

В XX в. философы, интерпретирующие классические китайские учения, определяют «жэнь» в изначальной конфуцианской форме как сознательное следование этико-политико-экологическим нормам (Ху Ши) или спонтанную нравственную интуицию (Лян Шумин), а в постконфуцианстве – как принцип «моральной метафизики», выражающий самосозидающее личностное начало (Фэн Юлань, Моу Цзунсань, Ду Вэймин)⁹⁴. Конкретным воплощением высшего социально-политического закона «жэнь», методом его осуществления стало и другое понятие учения Конфуция – «ли» («благопристойность» – «этико-политические нормы», «этикет», «ритуал», нормы «культурного поведения» и т. д.) – одна из центральных категорий традиционной политической культуры, выра-

⁹³ Карапетьянц А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. – М., 1982. – С. 11–37.

⁹⁴ Чжунго жусюэ цыдянь (словарь по китайскому конфуцианству) / Чжао Цзи Хуэй. – Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1989. – 919 с.

жавшей фактор не только экокультуры поведения, но и процессов гармоничного космоупорядочения.

Я. Б. Радуль-Затуловский отмечает, что понятие «ли» отражает в себе в качестве единого целого весь колорит социально-политических общественных отношений, придерживаться которых проповедовали Конфуций и его ближайшие ученики, а также связанную с этими общественными отношениями идеологию⁹⁵.

При этом конфуцианцы не стремились к подавлению в человеке естественного природного начала и созданию непримиримого антагонизма культуры и природы, «культурного» (т. е. этикетированного) и «естественного» (т. е. недетерминированного правилами «ли») поведения. Они старались найти оптимальный (т. е. экологический) баланс: уравновесить два начала – культурное и природное – и гармонизировать их взаимоотношения. Они призывали научиться «управлять Поднебесной» в соответствии с естественным законом развития «дао». А для этого необходимо было научиться управлять собой, соблюдая принципы «срединности».

Конфуций, теоретически осмыслив предшествующее ему толкование понятия «ли», превратил его, по сути, в самую общую социально-политическую характеристику экологически необходимого общественного устройства. Именно поэтому «ли», также как и «жэнь», имеет многозначное этико-политическое и экологическое содержание. Но «жэнь» всегда выступает в роли главного, определяющего по отношению к «ли» – этико-политическим нормам, ритуалам, этикету.

Распространение тотального этико-политического контроля на чувственную сферу человека стало у Конфуция основой для придания «ли» статуса общеполитического, а значит, и экологического норматива.

Тенденция к жесткой структуризации и формализации любого поведения человека и взаимоотношений его с природой, отчетливо проявившаяся в раннем конфуцианстве, получила дальнейшее развитие во времена, когда учение стало господствующей идеологией в политической культуре. Позднее конфуцианцы стали трактовать правила «ли» таким образом, что они оказались почти идентичными легистскому закону «фа», в котором главный упор делался на

⁹⁵ Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. – М.-Л., 1947. – 456 с.

авторитарные методы управления человеческим поведением и его разнообразные деятельностные отношения.

Многозначность «ли» (например, как «этики» или «этико-эколого-политического ритуала») и позволила основателям противоположных течений в конфуцианстве Мэн Кэ (IV – нач. III в. до н. э.) и Сюнь Куану (IV–III вв. до н. э.) расширить герменевтическое толкование этой категории: с одной стороны, как внутреннего морального качества человека; с другой – как налагаемой на него извне и выработанной обществом определенной социально-политической формы, детерминирующей экологическое поведение человека.

Исходя из признания врожденных экокультурных свойств («доброты») человеческой «природы» («син») и полагая детерминирующим фактором специфики человека «отказывающее [себе] и уступающее [другому] сердце («синь»)), Мэн Кэ называл этот фактор только «началом ли», а само по себе «ли» определял как «благовеющее и почтительно-осторожное сердце», «исконно присущее» человеку.

В противоположность этому, Сюнь Куан ссылаясь на то, что любому человеку от рождения присущи любовь к наживе, выгоде и стремление к плотским утехам. Все это губит «ли», содержание которого было установлено в обществе древними «совершенно-мудрыми» («шэн») для контроля «злой человеческой природы». Эти правила и являлись источником необходимой для человека и общества «культуры» («вэнь»).

Универсальность и содержательная многозначность этико-политической категории «ли» давала возможность толковать ее в самой широкой амплитуде. Так, Ли Гоу (1009–1059) определял «ли» как «фокус человеческого дао», «основу научения [молодого] поколения», а уже названные другие четыре категории («гуманность», «должная справедливость», «разумность», «благонадежность») – лишь как «другие имена» «ли».

Чжу Си назвал «ли» «ограничительным узором» («цзе вэнь») «небесного принципа» («тянь ли»). Здесь иероглиф («вэнь»), выражающий в первоначальном значении понятие «культура», обладает исходной семантикой «узор». Этот многосложный культурный узор этико-политических (экологических) норм («ли вэнь») рисует «небесный принцип» для того, чтобы его могли осознать,

«видеть люди» и использовать в качестве надежного критерия при «научении».

Ван Янмин (1472–1529) еще более определенно заявлял о существующем множестве «ли» и «принципа». Но «принцип» недоступен чувственному наблюдению и находит проявление в «культуре», являясь с ней «единой вещью» («у»).

В целом социально-политический анализ и экологическая интерпретации фрагментов о природе «жэнь» и «ли» позволяет выявить два аспекта одного и того же явления, обозначаемых этими понятиями. Каждый из них указывает на определенную сторону поведения человека в его экологической роли. «Ли» обращает внимание на традиционные политико-экологические образцы поведения и социально-экологические политические отношения, «жэнь» – на человека как того, кто следует этим образцам и устанавливает тем самым соответствующие им отношения.

Наряду с многозначными «жэнь», «ли», наделенными социально-политической регулятивной функцией, более конкретным в этико-эколого-политическом смысле представлено понятие «и» («долг / справедливость»). «Долг» в «Лунь Юе» может выступать как конкретизированный аналог «гуманности», выгодно отличающийся от нее тем, что не допускает слишком широких трактовок⁹⁶.

«И» определяет и нормы ролевых социально-политических отношений в обществе, в более широком плане включает в себе идею соответствия содержания форме, субъективных потребностей и чувства общественной справедливости – объективным природным требованиям и общественному долгу. Поэтому в «Лунь Юе» подчеркивается мысль, что «и» – это эталон, в соответствии с которым следует приводить себя и окружающих.

Противопоставление морального долга и эгоистического начала представлено в конфуцианстве и в его модификациях терминологической оппозицией «и – ли» («ли» – «польза/выгода»), в которой неоконфуцианская ортодоксия отстаивала примат «и». В числе наиболее важных конфуцианских категорий относящихся к сфере социально-политической и эколого-этической регуляции находят-

⁹⁶ Карапетьянц А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. – М., 1982. – С. 11–37.

ся и понятия «синь» («верность», «искренность»), «сяо» («сыновья почтительность») и некоторые другие.

В качестве центрального экологического фрагмента в политической культуре конфуцианство рассматривало «цзюнь цзы» («благородного мужа»). В «Лунь Юе» он выглядит носителем совокупности конфуцианских добродетелей с противопоставлением «ничтожному человеку» («сяо жэнь») – воплощению эгоистического прагматизма, не способному преодолеть духовно-нравственную ограниченность. У Конфуция понятие «цзюнь цзы» соотносится с личностью правителя или представителя социальных верхов. «Цзюнь цзы» должен был не только соответствовать своему социально-политическому статусу, но и представлять собою этически и экологически совершенную личность, достойную «мандата Неба».

Социально-политическая доктрина конфуцианства в целом зиждется на приоритете моральных ценностей и норм этико-политического ритуала и является традиционным основанием любых иных видов регуляции общественной жизни: административно-правовых, утилитарно-экономических, социально-экологических, естественно-природных, которые разрабатывались уже представителями других учений.

Утвердившись как экологическая основа и форма социально-политических традиций политической культуры Китая, конфуцианство в дальнейшем приобретает способность к органическому синтезу своих идей с концепциями других учений. Оно восприняло тезисы легизма, призывавшего оправдывать авторитарную политическую власть и создавать жесткие государственные структуры управления. Это способствовало формированию сильного централизованного государства, его политической культуры, укрепило национальное единство и стабильность, стремление к которым всегда было главной общественной тенденцией.

Развитие культуры Китая и ее субкультур осуществлялось через соперничество школ-носителей разных авторитарных устоев. Но конфуцианство всегда находилось в центре процесса взаимодействия, взаимовлияния, взаимодополнения социально-политических идей различных философских школ и направлений, превращаясь в обобщенную специфическую форму социально-политических тра-

диций, ставших в свою очередь основой и экологического ее содержания.

Глубокая укорененность традиционных конфуцианских этико-политических идей и их эффективность в экологизации сознания позволила им сохранить за счет этого свои позиции на протяжении многих столетий. Часть из них нашла свое воплощение в жизни китайского общества в XIX в.

Так, призыв к низвержению власти маньчжурской династии Цин обосновывался конфуцианским положением об утрате прогневившими Небо недостойными правителями «небесного мандата» на управление страной и необходимости передачи Небом этого мандата более достойному. Конфуцианский идеал экологического социально-политического строя «великой гармонии» («да тун») лежал в основе тайпинского плана переустройства общества.

Современные философы-постконфуцианцы отстаивают традиционные концепции о единстве духовного и материального, определяя человека не как «творение», противостоящее творцу, а как самостоятельный моральный субъект, способный экологически правильно трансформировать законы «Неба» и «Земли».

Обращение к конфуцианству в современных условиях экологизации и глобализации диктуется необходимостью создания модели «этико-политического» поведения личности в природе по конфуцианской формуле: «внутреннее совершенство – внешняя царственность» («нэй шэн вай ван»). Смысл ее заключается в сочетании духовного развития личности с ее высокой, политически регулируемой, социально-экологической активностью.

Таким образом, история развития философской, социально-политической мысли Китая свидетельствует о функциональной экологической значимости основных идей конфуцианства, необходимых и для решения проблем в современной социальной реальности, сохранившихся и в форме социально-политических традиций политической культуры.

Конфуцианское учение на протяжении всей истории развития общества в той или иной мере выступало главным компонентом политической культуры Китая, являясь основой его экологического содержания. В центре внимания конфуцианства и его модификаций стояли морально-этические и социально-политические правовые построения. Но в рамках этого учения впервые был

поставлен вопрос о соотношении материального и идеального начал в природе человека, явившихся одновременно источником формирования представлений об экологической культуре вообще. Конфуций и его последователи выдвинули и развили целый ряд философских категорий и философских тем, наполнивших экологическим содержанием многие фундаментальные понятия политической культуры: «вэнь» («культура»), «тянь» («Небо»), «дао» («путь»), «ли» («закон природы») и т. д.

Этика Конфуция поставила в центр внимания проблему общих моральных качеств – «вечных», «неизменных» принципов гуманности, справедливости, ритуальной «благопристойности», связанных с формированием и экологического сознания человека. Конфуцианские идеи аккумулировали подлинный смысл бытия личности в ее нравственном самоусовершенствовании и в отношениях ее с природой.

Потенциальное внутреннее совершенство человека при соблюдении им принципа «срединности», на котором настаивал Конфуций, может быть этико-политическим источником гармоничного равновесия между человеком и природой, а экстраполированное на общество, позволяет совершенствовать политические методы управления процессами взаимодействия с природой на этой основе консолидировать нацию, цивилизацию, устойчивость ее развития.

Конфуцианские идеи «гуманности», «долга», «стремления к знанию», «почитание коллективного сознания», примат общественных политических интересов над личными и др., возникнув еще в древности, оказались достаточно устойчивыми, чтобы иметь возможность сохранить свою значимость в современных условиях, адаптируясь к экологическим потребностям стабильного развития китайского или любого другого общества.

Новая политика нынешнего руководства КНР в немалой степени опирается на модернизированные традиции прошлого – административно-политические принципы, экологически во многом восходящие к конфуцианству. «Сильная централизованная власть, – отмечает Л. С. Васильев, ставящая своей целью создание гармоничного общества, в котором было бы некоторое место строго контролируемым для процветания экономики частной собственности и рыночному саморегулированию, – это в какой-то мере все же конфуцианская традиция. Речь вовсе не о том, что между

политикой КПК и конфуцианством нет принципиальной разницы. Имеется в виду иное: в своей политике КПК опирается на определенные традиции, само существование которых заметно облегчило как проведение новой экономической политики после Мао, так и обоснование этой политики, практику ее реализации»⁹⁷.

К. И. Шилин, делая выводы из суждений исследователя конфуцианской традиции Чжан Циюня, пишет, что, только опираясь на Конфуция и конфуцианство, можно понять «эко-гармоничное будущее Китая и мира». В этом он отводит большую роль новой интерпретации конфуцианства, понимаемой как экософия. Введение термина и понятия экософии, считает К. И. Шилин, позволит построить вариант нормативного прогноза культуры Китая и мира в целом, включая и Запад, что дает реальную перспективу на выход из происходящей эко-катастрофы.

«В своем полном объеме экософия как стратегия гармонизации мира, а для Китая – повышения уровня гармоничного совершенства его культуры, а значит, и личности китайца, – может быть построена при помощи живой логики, ее китайского варианта. Именно в ней выражен новый, эко-гармонизирующий подход к культуре Китая – России – Запада. Живая логика позволяет осмыслить мудрость Китая, в данном случае – конфуцианство – постконфуцианство как экософию. И тогда XXI век может стать эко-гармоничным веком, гармонизируемым в том числе и конфуцианством»⁹⁸.

В целом китайская традиция философского осмысления взаимодействия природы – человека – общества имеет по меньшей мере дуальную структуру с идеологемами даосизма и конфуцианства.

Как известно, обе философские системы с различных позиций подходили к пониманию природы, к проблеме соотношения человека с окружающим миром. Если конфуцианство сосредоточивало внимание, главным образом, на проблемах человеческих взаимоотношений и, прежде всего, в плане морально-этическом, то для даосизма самыми важными были вопросы сущности мира, первоначала бытия, субстанции естественной природы.

⁹⁷ Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. – М., 1970. – 488 с.

⁹⁸ Шилин К. И. Экософия постконфуцианства // Информационные материалы. Серия Г: Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: развитие традиций и поиск путей модернизации. – М., 1997. – С. 99–105.

Этот двоякий подход к первоосновам бытия особенно существен тем, что традиционное мировоззрение китайских мыслителей достаточно часто совмещало в себе элементы обеих философских систем: и конфуцианства, и даосизма. Такой своеобразный синкретизм характерен для идейно-этических взглядов выдающихся мыслителей конфуцианской школы, таких как Цзя И (II в. до н. э.), Лю Сян (I в. до н. э.), Ян Сюн (I в. до н. э. – I в. н. э.), Чжоу Дунь-И (XI–XII вв.), Чжу Си (XII в.), Чжан Цзай (XI в.), Чэн И (XI–XII вв.), Чен Хао (XI в.), Шао Юн (XI в.), которые испытали весьма значительное влияние даосизма.

Среди произведений синкретического характера большой интерес представляют сочинения Ян Сюна «Тай сюань цзин» – «Книга о величайшем сокровенном», Ван Би «Чжоу люели» («Основы книги перемен»), труд «Синли дацюань» («Полное собрание сочинений натурфилософов»).

В «Тай сюань цзин» развивается мысль о своеобразной субстанции сюань – величайшем сокровенном, по своей сущности приближающемся к субстанции дао в учении Лао-цзы. В тай сюань, благодаря которой возникают полярные силы инь и ян, а от их взаимодействия рождается все сущее, Ян Сюн видит источник всех вещей и явлений.

В своем труде «Чжоу люели» Ван Би, исходя из «Книги перемен» и комментария к нему «Сицзычжуань», стремится объединить метафизику Лао-цзы – его субстанцию мира в виде «дао», и конфуцианскую доктрину. Творчество Ван Би явилось как бы мостом между древнекитайской философской мыслью и неоконфуцианством позднейших эпох.

«Синли дацюань» – «Полное собрание сочинений натурфилософов» – объединяет работы более ста различных авторов, затрагивающие многообразные проблемы метафизики и космогонии; в них рассматриваются, в частности, категории дао в учении Лао-Цзы и сверхчеловека конфуцианского толка, важнейшие теории натурфилософии. Так, например, в сочинениях «Тай цзи ту то» («Теория и схема великого передела») и «Туншу» («Книга о проникновениях») Чжоу Дунь-И выдвигается идея единства естественной природы и мира морально-этических отношений, обусловленных всепроницающей сущностью тай цзи – великим пределом.

В этом же ряду следует отметить сочинения Шао Юна «Хуан цзи цзин ши шу» («Доктрина о великом пределе в мире»), знаменитое изречение – «Все изменения, все события рождаются в сердце человека», и трактат Чжу Си «Исюэ ци мэн» («Элементы учения о сменах форм»), в котором развивается монистический взгляд на мир естественной природы и человеческого общества. В интерпретации Чжу Си Тай цзи – «великий предел» таит в себе начало материальное и моральное, каждая вещь, в его толковании, состоит из материального содержания и рациональной формы.

К ним, например, относится идея самосовершенствования человека как процесса осознания целого и гармоничного совершенствования законов Вселенной и мироздания. Человек в китайских философских учениях никогда не терял связи с природой. Он частичка мира Вселенной, который представляет собой единое целое.

К. Г. Юнг, говоря о психологии восточных религий, считает, что «Восток опирается на психологическую реальность, то есть на психику как главное и единственное. В этом-то вся суть: китайский мудрец ищет истину в середине. И постижение им истины есть постижение собственного сердца. В контексте подобных представлений человек – это редуцированный космос. И, таким образом, познание самого себя, познание своей природы равновелико и познанию природы Вселенной. Познание своей природы – это метод постижения Неба, то есть мира природы как нераздельной целостности, единства. Интроверсия – стиль Востока, его постоянный коллективный склад»⁹⁹.

Помня о собственной природе, восточный человек не забывает и о том, что он сам есть часть природы и принадлежит ей. В мировоззрении Китая мир природы и человека настолько взаимосвязан, что любое неправильное действие людей влечет за собой пагубные изменения в природе. С древних времен китайцы считали, что дурной образ жизни правителя вызывает стихийные бедствия: засуху, наводнения, болезни и голод¹⁰⁰.

⁹⁹ Юнг К. Г. Комментарий к немецкому переводу даосских трактатов «Секрет золотого цветка» и «Книга Прозрения и Судьбы» // Восхождение к Дао / сост. В. В. Малявин. – М., 1997. – 297 с.

¹⁰⁰ Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М.: Наука, 1984. – 340 с.

Согласно концепции «взаимного отклика», разработанной Дун Чжуншу, на ошибки в управлении страной и, соответственно, на дезорганизацию социума (Поднебесной), Небо реагирует сначала предупреждением в виде стихийных бедствий. Если предупреждения безрезультатны, то Небо дает чудесные знамения. И лишь в том случае, если люди продолжают упорствовать в нарушении космических законов, социум приходит к гибели. Устроение же его жизни гармонизирует мир: все природные процессы (Небо) протекают нормально.

Мудрость разумного правления, обеспечивающего социально-природную гармонию, отработывалась веками и «закреплялась в социальном генотипе, на страже которого стояли конфуцианцы. Неудивительно, что единственно стоящей мудростью в Китае всегда считалась именно она, так как только она способна научить людей жить по правилам, как то и подобает цивилизованному человеку, т. е. китайцу»¹⁰¹.

Трудно сказать, какая из основных философских школ Китая – конфуцианство или даосизм – в большей степени повлияла на формирование экологической культуры. И, хотя китайская нация накопила богатый опыт изучения философской мысли, провозглашающей гармоничное существование человека и природы, человека и общества, не следует думать, что идеи из китайской философии – это готовые решения для современных экологических проблем, к тому же для западного человека, тем более что не все в них однозначно, да и сами идеи постоянно развивались и изменялись.

Китайские философы, также как и их западные коллеги, заняты осмыслением вопроса, где та система цивилизации, которая укажет путь в завтрашний день, и какая философская концепция станет ее духовной основой. Поскольку решение проблемы единства природы и общества, их взаимной связи и разграничения представляет собой, преимущественно, задачу философии, то китайская философия представляет в этом смысле столь же важные ресурсы, что и философия Запада – тем более что уже накоплен богатый опыт эффективного исследования учений китайских философов в аспекте решения экологических проблем.

¹⁰¹ Васильев Л. С. История Востока: учебник. – В 2 т. Т. 2. По спец. «История». – М.: Высш. шк., 1998. – 495 с.

Возможно, богатая экологическая культура Древнего Китая, играя серьезную роль в формировании новой экологической культуры современного китайского общества, будет способствовать оптимизации социоприродного взаимодействия.

Анализ философских традиций даосизма и конфуцианства, с точки зрения проблемы «природа – человек – общество», показывает, что в китайской философской традиции важнейшим является ориентация личности на крайне почтительное и гуманное отношение как к социуму, так и к природному миру. Вместе с тем она ориентирована на совершенствование внутреннего мира человека. Улучшение общественной жизни, порядков, нравов, управления связывается прежде всего с изменением индивида и приспособлением его к обществу, а не с изменением внешнего мира.

В своем целостном восприятии мира человек ощущает неразрывную связь с природой; такое ощущение мира индивиду в равной степени дают философские традиции конфуцианства и даосизма. В реальной жизни и конфуцианство, и даосизм сосуществовали и даже синкретизировали, способствуя выработке целостной системы экологического мировоззрения. Философские традиции закрепляли эту систему, и почитание природы передавалось из поколения в поколение.

Человек Востока, не исключая деятельное, активное начало, ставил перед собой цель научиться управлять законами природы, но шёл к этому путём, отличным от пути человека Запада. Не отделяя себя от природы, человек Востока никогда не противопоставлял себя последней и не был ей враждебен. Эти гуманистические основы, ставшие принципиальными составляющими новой экологической культуры Китая, являются общими в философии даосизма и конфуцианства.

Варакина М. И.
Varakina M. I.

Philosophical discourse on the problem of harmonization of human relations with society and nature in Confucianism

Abstract: The paragraph deals with the analysis of Confucianism, from the standpoint of harmonization of natural and social rhythms of human life con-

sidering the problem of “nature – man – society” both in Ancient and Modern China.

Key words: philosophical discourse, confucianism, nature – man – society, human relations with society and nature.

РАЗДЕЛ 2. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА

2.1. Стилистическое своеобразие художественного фантастического дискурса (на примере романа В. Рот «Дивергент»)

Вероника Рот – современная американская писательница, пишущая в стиле фантастики. Мировую популярность она обрела после выхода в свет романа «Дивергент». Этот роман является первой частью из трилогии «Дивергент», «Инсургент», «Эллигент»¹⁰². Данный роман стал литературным дебютом Вероники Рот. На момент публикации книги писательнице было 22 года. В интервью девушка рассказала, что произведение создавалось во время зимних каникул. Сразу после выхода роман занял шестую строчку списка бестселлеров одной из крупнейших газет США The New York Times. В 2011 году Вероника Рот получила награду «Выбор читателей» интернет-портала Goodreads¹⁰³.

«Дивергент» – постапокалиптическая антиутопия, рассказывающая о единственном городе, уцелевшем после ужасной мировой войны. Действие произведения разворачивается на руинах бывшего Чикаго. Для того чтобы не допустить новой мировой войны, способной уничтожить остатки человечества, общество разделено на 5 фракций. Каждому жителю, достигшему шестнадцати лет, необходимо сделать выбор, который определит всю его

¹⁰² Оригинальные названия: “Divergent”, “Insurgent”, “Allegiant”.

¹⁰³ Goodreads – интернет-портал, предоставляющий обширную базу книг и аннотаций в свободном доступе. Каждый из пользователей может выразить предпочтение опубликованной в этом году книге. С помощью этого определяется победитель ежегодной награды «Выбор читателей».

дальнейшую судьбу. В специально отведенный день, на церемонии выбора, каждый подросток должен выбрать фракцию, которой он будет принадлежать всю оставшуюся жизнь. Если человек перешел в другую фракцию, вернуться назад он не имеет права, а также он перестает общаться со своей семьей. Девиз данного общества: “Faction before blood”. Если подросток не смог пройти инициацию в своей новой фракции, то он становится бесфракционным¹⁰⁴. Предрасположенность к той или иной фракции определяется тестированием склонностей горожан. Однако люди вправе сделать выбор независимо от результатов теста.

В названиях фракций автор произведения использует такой стилистический прием, как антономазия, при котором имена нарицательные выступают в роли имен собственных.

1. Candor – люди, которые не приемлют ложь и двуличие. Они делят все на черное и белое, поэтому их одежда состоит только из этих двух цветов. Они обеспечивают надежность в сфере правосудия.

2. Erudite – те, кто считает невежество причиной, которая привела к бедствиям в прошлом. Они ценят интеллект и любознательность, носят одежду синего цвета, а также очки, несмотря на то, что у многих из них отличное зрение. В данную фракцию входят учителя и исследователи.

3. Abnegation – люди, которые выступают против эгоизма и тщеславия. Они практически не смотрятся в зеркала, их одежда очень свободная, серого цвета. Одна часть данной фракции представляют собой бескорыстных лидеров правительства, другая часть – социальные работники, они помогают всем нуждающимся.

4. Dauntless – те, кто ценят храбрость, стараются побороть свои страхи. Представители данной фракции имеют множество татуировок и пирсингов, носят черную одежду. Их основная задача – охрана города.

5. Amity – люди, которые на первое место ставят доброту и милосердие. Носят одежду в желто-красной гамме. Занимаются сельским хозяйством. К данной фракции с недоверием относятся представители фракции искренних, так как последние считают, что «дружелюбные» готовы пойти на любой обман для сохранения

¹⁰⁴ Рот В. Дивергент: роман / [пер. с англ. А. С. Килановой]. – М.: Э, 2016. – 416 с.

мира и спокойствия. Даже если этот мир является просто видимостью.

Повествование ведется от первого лица, от протагониста данного романа – Беатрис Прайор, шестнадцатилетней девушки, выросшей в социальной группе альтруистов. В романе «Дивергент» встречается большое количество риторических вопросов. Из выявленных нами 435 стилистических приемов, 177 являются риторическими вопросами, 156 из которых принадлежат главной героине произведения. Такое количество вопросов, вероятно, обусловлено молодым возрастом Беатрис, и как следствие, малым жизненным опытом, ярко выраженной любознательностью, а также тем, что в ее фракции детям не разрешается задавать много вопросов, они лишь могут слушать то, что им говорят родители. Примеры риторических вопросов, использованных в романе:

- “How can you fail a test you aren’t allowed to prepare for?”¹⁰⁵.
- “Can that possibly be right?” (p. 43).
- “Where do they begin? Where do they end? What is the world like beyond them?” (p. 347).

Кроме риторических вопросов, в данном произведении встречаются примеры вопросно-ответной формы изложения, с помощью которых автор передает рассуждения протагониста.

- “What else do I know about dogs? I shouldn’t look it in the eye. That’s a sign of aggression” (p. 15).
- “What did Tobias tell me? Selflessness and bravery aren’t that different” (p. 396).

Беатрис не верит в то, что когда-либо сможет стать по-настоящему самоотверженной, она считает себя слишком эгоистичной для фракции, в которой она выросла. Девушка считает данную социальную группу скучной: анализируя стилистические приемы, использованные в романе, мы выявили тенденцию использования автором параллельных конструкций, а также параллельных конструкций совместно с полисиндетоном при описании девушкой фракции альтруистов. Данные стилистические приемы подчеркивают однообразность, рутинность быта данной социальной группы. Например:

¹⁰⁵ Roth V. *Divergent*. – London: Harper Collins Publishers, 2013. – P. 20.

- “On these mornings when my brother makes breakfast, and my father’s hand skims my hair as he reads the newspaper, and my mother hums as she clears the table – it is on these mornings that I feel guiltiest for wanting to leave them” (p. 3).

Еще одним часто встречающимся в анализируемом нами романе стилистическим приемом является парцелляция. Данная фигура речи используется в романе:

- для акцентирования внимания на сдержанности высказываний представителей фракции альтруистов, в том числе главной героини: “– Thank you. For cutting my hair” (p. 2), “– Thank you. For protecting Caleb, – my father says” (p. 470);

- выражения общего впечатления героя после небольшого анализа, например, при описании внешности людей: “She is tall, with dark brown skin and short hair. Pretty” (p. 51), “He is tall, with brown skin and dark eyes. Handsome” (p. 136);

- описания нежелательной ситуации: “A growl gurgles from deep in its throat, and I see why the cheese would have come in handy. Or the knife” (p. 14), “But choosing a different faction means I forsake my family. Permanently” (p. 124).

Перед Беатрис стоит сложный выбор: остаться с родителями и прожить всю оставшуюся жизнь в чуждой ей фракции, или присоединиться к «бесстрашным» и тем самым предать свою семью.

Тест способностей главной героине не помог – результаты оказались неточными: она подходит не одной, а сразу трем фракциям: эрудитам, альтруистам и группе бесстрашных; так как она – дивергент. Она не понимает, что это значит, девушка осознает лишь две вещи: никому нельзя говорить о своей дивергенции; выбрать фракцию стало еще сложнее. После долгих размышлений Беатрис выбирает фракцию бесстрашных и меняет имя на Трис.

В выбранной ею социальной группе все намного динамичнее, чем в ее родной фракции, поэтому из ее речи практически пропадают предложения, содержащие параллельные конструкции. Они используются в дальнейшем повествовании в составе антитезы. Данный прием подчеркивает тот факт, что фракция альтруистов сильно отличается от фракции бесстрашных: в первой все одинаковые, все стараются не привлекать к себе внимания, в то время как в новой фракции главной героини все люди совершенно разные. Именно для того чтобы акцентировать внимание на данных

различиях, Вероника Рот и использует в своем произведении анти-тезу:

- “Will is on my left, Christina is on my right” (p. 294).
- “Uriah and Marlene, who were on my side even when I seemed strong, or Christina and Will, who have always protected me when I seemed weak” (p. 294).
- “*He looks years older; he looks years younger*” (p. 330).
- “*Four fears then; four fears now*” (p. 333).

После того, как протагонист романа попадает в новую фракцию, ее речь наполняется лексическими стилистическими средствами. Это связано с тем, что представители данной группы эмоциональные, шумные, энергичные люди. Наблюдая за ними, Трис начинает использовать в своей речи метафоры – данный прием является наиболее распространенным лексическим средством в анализируемом нами произведении:

- “Those who seek peace above all else, they say, will always deceive to keep the water calm” (p. 81).
- “I should not lie to my friends. It creates barriers between us, and we already have more than I want” (p. 196).
- “And then a wail that curdles my blood and makes my hair stand on end” (p. 201).
- “I wasn’t aware that when I chose Dauntless, I was signing up for weeks of torture!” (p. 237).

Доминирование метафоры среди остальных лексических стилистических средств обусловлено тем, что автор показывает читателю, насколько поменялась окружающая обстановка и жизнь главной героини в целом. Метафоры подчеркивают, что для девушки все стало ярче и увлекательнее.

Данный лексический стилистический прием используют и другие герои романа:

- “Just because we were in the same faction doesn’t mean we get along. Plus, Edward and Myra are dating, and I would rather not be the third wheel” (p. 81).
- “While you were off having fun, I was doing the dirty work of defending your old faction (...)” (p. 225).

На втором месте среди использованных в романе лексических стилистических средств стоит сравнение:

- “*He sounds like a strangled cat*” (p. 223).

- “The *glass* is as thin as newly frozen ice” (p. 386).
- “My father, who stares at me like I’ve grown a second head” (p. 447).

Также после того, как действие переносится в штаб бесстрашных, в повествовании появляются эпитеты:

- “The silence of this part of the *city* is eerie” (p. 137).
- “A few seconds later I hear a bloodcurdling scream” (p. 223).
- “Her sharp-but-attractive eyes stare back at me” (p. 317).
- “You’re deadly smart” (p. 338).

Выбрав новую фракцию, Трис стала одной из тех, кто должен пройти инициацию для того, чтобы стать полноценным членом данного сообщества. Она тренируется вместе с восемью подростками, перешедшими из других фракций. В их речи часто встречаются примеры апозиопезиса. Использование данного стилистического приема вызвано разными причинами:

- Человек понимает, что говорит лишнее: “But the simulation is all in your head, so even though you feel like someone is doing it to you, it’s just you, doing it to yourself and... – He trails off. – Sorry. I sound like an Erudite. Just a habit” (p. 154).

- Говорящий не находит нужных слов, чтобы продолжить высказывание: “– I mean... because of your parents. Not because... – I let my voice trail off. I don’t know what I would say if I didn’t” (p. 192).

- Герой внезапно что-то понимает и прерывает свою речь: “– I wonder how we’ll get to the roof from... – Uriah’s voice trails off. A strong wind hits me, pushing my hair across my face. There is a gaping hole in the ceiling of the hundredth floor” (p. 216).

Также в речи представителей фракции бесстрашных часто встречаются примеры иронии и сарказма. Это связано с тем, что люди, состоящие, в данной социальной группе, склонны к соперничеству – каждый из них хочет быть самым смелым, самым подготовленным как в физическом, так и в моральном плане. Таким образом, используя иронию и сарказм, «бесстрашные» бросают некий вызов друг другу.

- “You were performing the very important job of staying out of our way” (p. 154).

- “– Yes, that certainly changes my mind. Of course I want to live with an animal that eats all my food and destroys my kitchen. – Will shakes his head” (p. 194).

С помощью сарказма герои произведения выражают свое раздражение:

- “He offered to drive us, too, but as Caleb says, we prefer to leave later and would not want to inconvenience him.

Of course not” (p. 8).

В примере выше мы видим, что главная героиня недовольна тем, что ей приходится отказываться от удобств из-за правил фракции, к которой она принадлежит. Это еще одно доказательство того, что Беатрис не чувствует себя частью данной группы.

Приведем еще несколько примеров выражения негативных эмоций с помощью иронии:

- “Do you need glasses? Should I move the target closer to you?” (p. 159).

- “– Oh, right. Your help, – I say. – Stabbing my ear with a knife and taunting me and yelling at me more than you yell at anyone else, it sure is helpful” (p. 311).

Также данный стилистический прием используется в ситуациях, когда герои произведения пытаются скрыть волнение:

- “This one is from my fantastic childhood. Childhood punishments” (p. 326).

- “– Peter would probably throw a party if I stopped breathing. – Well, – he says, – I would only go if there was cake” (p. 290).

Из представленных примеров видно, что ироничные высказывания в данном романе зачастую употребляются вместе с другими стилистическими приемами, например с эпитетами, метафорами, риторическими вопросами, парцелляцией и другими.

В новой фракции Трис ждет много нового: новые люди, новая обстановка, новые виды занятий, новые эмоции. Все это вместе с врожденной любознательностью главной героини приводит к тому, что в ее речи появляется ретардация. Данный прием необходим для того, чтобы показать читателям размышления протагониста, неосознанные попытки заметить и понять причины происходящего. Приведем примеры ретардации в произведении:

- “Peter didn’t say anything when the rankings went up, which, given his tendency to complain about anything that doesn’t go his way, is surprising” (p. 199).

- “– No. Someone – I never saw who – found me right before... – I gulp. Saying it out loud makes it worse, makes it real. – ...I got tossed into the chasm” (p. 293).

- “– They receive commands from our computers in the transmitters we injected them with... – At this, he presses his fingers to the injection site to show the woman where it is. Stay still, I tell myself. Still, still, still. – ...and carry them out seamlessly” (p. 423).

В тексте также встречаются примеры использования ретардации вместе с метафорами:

- “Drew, who tried to run away while Peter held me by the throat over the chasm, and Molly, who fed the Erudite lies about my father, are factionless” (p. 414).

Во фракции бесстрашных Трис знакомится с работницей тату-салона Тори и инструктором по прозвищу Четыре. Со временем они помогают девушке понять, что значит дивергенция в обществе.

Дивергенты – это люди, которые имеют склонности к нескольким фракциям. Они нестандартно мыслят, поэтому практически неуправляемы. Это вызывает страх у тех, кто стремится к власти, например у Джанин Меттьюз, лидера фракции эрудитов.

В каждом утопическом обществе в определенный момент появляется диктатор, который считает, что именно ему необходимо возглавить правительство. В романе «Дивергент» таким человеком является Джанин. Она убеждена в том, что мир в обществе может быть достигнут только с помощью четкого разделения на фракции, а дивергенты не подходят такой системе. Также она настаивает, что в правительстве должны быть именно эрудиты, а не альтруисты. Джанин очень умна и расчетлива – она готова пойти на все для достижения поставленной цели. В книге ее сравнивают с компьютером: “Jeanine’s so smart you can see it even before she says anything. Like...a walking, talking compute”. Она разрабатывает многочисленные сыворотки для управления сознанием людей. Однако ее разработки не действуют на дивергентов. Это еще одна причина, по которой Джанин опасается их.

Итак, дивергенты неосознанно создают угрозу для людей, жаждущих власти, поэтому их пытаются найти и уничтожить, дивер-

гентам приходится скрывать от всех свою уникальность. Представители данной группы не говорят между собой открыто об опасности, связанной с дивергенцией. В беседах об этом используется мейозис. Например, когда главная героиня признается знакомой о своих успехах в прохождении второго этапа инициации, она говорит:

• “– What’s going on? – she says. – How are the simulations going?”

– Really well. – I nod a few times. – A little too well, I hear” (p. 257).

Главная героиня использует выражение “a little too well”, хотя на самом деле она показывает самые лучшие результаты, которые в несколько раз превышают результаты ее сверстников.

Еще один пример использования мейозиса при описании смертельной опасности:

“...because if the wrong people discover it...well, it won’t be good for you” (p. 312).

В данном случае фраза “it won’t be good for you” означает «тебя могут убить».

Благодаря друзьям, Трис преодолевает все опасности и трудности, которые попадают ей на пути. Книга заканчивается тем, что главной героине удастся остановить вооруженное нападение на фракцию альтруистов, организованное Джанин с помощью сыворотки для управления сознанием «бесстрашных». В результате, фракции альтруистов и бесстрашных распадаются, а Трис и всем, кто ей помогал, приходится бежать из города. На этом заканчивается первая часть данной трилогии.

Итак, при анализе романа «Дивергент» нами было выявлено 435 примеров использования автором разнообразных стилистических средств. Из них 267 являются синтаксическими стилистическими приемами, что составляет 61,3 % от общего количества, 113 – лексическими приемами (25,9 %), фонографические выразительные средства составляют 0,9 %. Также в произведении встречается совместное использование в одном высказывании разных стилистических приемов. Мы можем разделить их на три группы:

- синтаксические + синтаксические 4,6 %;
- синтаксические + лексические 4,8 %;
- лексические + лексические 2,5 %.

Общее количество синтаксических средств превышает общее число лексических, однако по разнообразию приемов они практически равны: в тексте встречаются 11 видов синтаксических средств (риторические вопросы, вопросно-ответная форма изложения, парцелляция, ретардация, апозиопезис, анафора, анадиплозис, параллелизм, градация, антитеза и хаизм), а также 12 видов лексических (метафоры, сравнения, эпитеты, ирония, антономазия, эвфемизмы, гипербола, мейозис, метонимия, морфемные повторы, оксюморон и зевгма). В своем произведении использовала только 2 типа фонетических средств: графон и аллитерацию.

Соотношение типов стилистических средств в романе представлено ниже:

синтаксические	61,3 %,
лексические	25,9 %,
фонетические	0,9 %,
синтаксические + синтаксические	4,6 %,
синтаксические + лексические	4,8 %,
лексические + лексические	2,5 %.

Видно, что автор оригинала редко прибегает к комбинированным приемам. Возможно, это связано с тем, что В. Рот здесь подчеркивает идею минимализма, вызванного разрушением окружающего мира, окружающими опасностями для свободы личности, когда лаконичность слова доминирует в сторону точности формулирования мысли или углубления косвенных смыслов, скрывающихся за простотой слов и недоговоренностью.

Частотность употребления стилистических средств в романе:

риторические вопросы	40,7 %,
вопросно-ответная форма изложения	8 %,
парцелляция	3 %,
метафоры	8,7 %,
сравнения	7,5 %,
эпитеты	2,7 %,
другие	29,4 %.

Доминирующим средством среди синтаксических стилистическим приемов является риторический вопрос (40,7 % от общего количества), на втором месте по частотности использования стоит вопросно-ответная форма изложения (8 %), на третьем – парцелляция (3 %).

Среди лексических средств выразительности автор оригинала отдает предпочтение метафорам (8,7 %), на втором месте – сравнения (7,5 %), на третьем – эпитеты (2,7 %).

Именно качественная характеристика, комбинирование и соотношение данных стилистических средств и создает неповторимый идиостиль В. Рот и своеобразие ее романа “Divergent”.

Вохрышева Е. В., Ефимова М. Н.
Vokhrysheva E. V., Efimova M. N.

*Stylistic peculiarities of literary fantastic discourse
(on the base of V. Roth's novel “Divergent”)*

Abstract: The paragraph deals with the revealing of the stylistic characteristics of V. Roth's individual discourse in the novel “Divergent”. The results of the analysis show that the main peculiarity of the stylistic organization is the dominance of syntactic stylistic means: rhetorical questions, parceling, retardation, anaphoric repetitions etc. They underline the striving of the author to explicit minimalism of form and laconism with the maximum of implicit expression.

Key words: stylistic means, “Divergent” by V. Roth, individual style.

**2.2. Специфика перевода дискурса официально-делового
стиля (на материале текстов англоязычных
международных соглашений)**

Текст международного соглашения представляет собой жанровую форму официально-делового дискурса. Перевод текстов международных соглашений отличается рядом формальных особенностей, отражающихся, в свою очередь, и на его лингвистической стороне. Это, в первую очередь, необходимость максимально точно перевести текст оригинала, сохранив мельчайшие детали. Важнейшим при этом является передача содержания, однако важна и форма и ее соответствие определенным требованиям. Поэтому

можно в некоторой степени не согласиться с позицией С. В. Тюленева, который отмечает, что «от потерь при передаче формы оригинала страдают в основном тексты, относящиеся к тем функциональным стилям, которые тяготеют к художественным, где форма не менее важна, чем выражаемое ею содержание»¹⁰⁶. Безусловно, при переводе официальных документов важен другой аспект передачи формы оригинала, чем при переводе художественных произведений, а именно формальная структура и следование определенным требованиям оформления и выражения содержания. Все это оказывает влияние и на сугубо лингвистические аспекты перевода международных соглашений.

Выражения из преамбулы документов (такие как *recognizing*, *recalling*, *noting*, *acknowledging* и др.) переводятся на русский язык с помощью деепричастных оборотов (*признавая*, *отмечая*, *считая*, *будучи убеждены в том* и т. д.). В таблице представлены русские эквиваленты английских выражений.

**Перевод некоторых выражений из преамбулы
на русский язык**

<i>recalling</i>	ссылаясь/учитывая
<i>recalling also</i>	ссылаясь также
<i>recalling further</i>	ссылаясь далее
<i>affirming</i>	подтверждая
<i>recognizing</i>	признавая
<i>recognizing also</i>	признавая также
<i>considering</i>	считая
<i>aiming</i>	стремясь
<i>desiring</i>	считая желательным
<i>noting</i>	отмечая
<i>acknowledging</i>	признавая
<i>concerned</i>	считая/испытывая беспокойство/будучи озабочены
<i>convinced</i>	будучи убеждены

¹⁰⁶ Тюленев С. В. Теория перевода: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – С. 21.

<i>conscious</i>	сознавая/отдавая себе отчет
<i>bearing in mind</i>	принимая во внимание
<i>reaffirming</i>	вновь подтверждая
<i>aware of</i>	сознавая
<i>taking into account</i>	принимая во внимание
<i>emphasizing</i>	подчеркивая
<i>understanding</i>	исходя из того понимания
<i>determined</i>	имея твердое намерение/будучи преисполнены решимости
<i>mindful</i>	принимая во внимание
<i>commending</i>	высоко оценивая

Можно отметить, что набор подобных выражений в английском языке гораздо шире – нескольким английским вариантам соответствует лишь один в русском переводе. Так, *recognizing*, *acknowledging* переводятся на русский язык как «признавая», а *taking into account*, *bearing in mind*, *mindful* как «принимая во внимание». Если одним выражениям (*affirming*, *aiming* и др.) соответствует лишь один вариант в русском языке, то перевод некоторых выражений (*concerned*, *conscious* и др.) варьируется от текста к тексту.

В качестве другой особенности можно отметить более широкое использование сугубо официальной лексики в русских текстах. Например, «исходя из того понимания» относится официально-деловому стилю, в то время как соответствующее этому выражению *understanding* в английском тексте является более нейтральным. В качестве другого примера можно привести перевод *determined* как «будучи преисполнены решимости».

Широко используемые в текстах международных соглашений термины переводятся однозначно. Поскольку главным свойством термина является «его однозначность в пределах определенной области знаний»¹⁰⁷, при их переводе можно использовать полные эквивалентные соответствия. В качестве примера можно привести следующие английские термины и их русские эквиваленты:

¹⁰⁷ Сапогова Л. И. Переводческое преобразование текста: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 51.

ratification – ратификация,
amendment – поправка,
depository – депозитарий,
convention – конвенция,
annex – приложение,
arbitration – арбитраж,
subparagraph – подпункт.

Как можно заметить, большинство терминов в русском переводе также являются заимствованными из латинского языка, однако встречаются также и русские слова.

Латинские выражения в русских текстах либо используются на латинском языке (например, *mutatis mutandis*), либо переводятся (например, *inter alia* – в частности, среди прочего).

Также нами была отмечена еще одна лексическая особенность английских текстов международных соглашений, а именно широкое употребление слов, характерных исключительно для официального стиля, вместо их нейтральных синонимов. Например, *to endeavour* вместо *to try*, или *to deem* вместо *to consider* и т. п. В русских текстах такая особенность не прослеживается. Так, например, *to endeavour* переводится как «стремиться», а *to deem* как «считать». Русские варианты относятся к нейтральной лексике.

Интересной с точки зрения перевода представляется такая особенность английского языка, как лексическая избыточность. Так, нами уже было отмечено, что характерные для английского языка «парные синонимы» встречаются и в текстах международных соглашений (например, *ways and means; policies and measures; terms and conditions*). Также нами было отмечено, что при переводе текстов официальных документов следует стремиться сохранить оба слова, поскольку даже столь незначительное формальное несоответствие официальных текстов на разных языках может иметь определенные последствия. Так, *ways and means* было переведено как «пути и средства», а *policies and measures* как «политика и меры». Однако иногда парные синонимы все же переводятся на русский язык одним словом: *terms and conditions* – «условия».

Говоря о лексической избыточности можно отметить также такую особенность текстов международных соглашений, как повторение слов в одном предложении, когда существительные не заменяются местоимениями во избежание неточностей. И. С.

Алексеева называет это «тавтологической когезией»¹⁰⁸. Приведем некоторые обнаруженные нами примеры: *Each Party shall publish the facts and analyses of facts*. В данном предложении два раза повторяется слово *facts*. Однако подобное явление в гораздо меньшей степени характерно для русских текстов. Так, при переводе вышеуказанного предложения второе существительное было заменено местоимением: «Каждая сторона публикует фактическую информацию и ее анализ». Приведем еще один пример: *A refusal shall state the reasons for the refusal*. – «В отказе указываются его причины». Дословный перевод рассмотренных предложений привел бы к абсурдной избыточности в русском тексте.

Отмеченные нами в предыдущей главе устойчивые сочетания определенных глаголов с существительными зачастую имеют однозначные эквивалентные соответствия в русском языке:

adopt measures – принимать меры,
exercise jurisdiction – отправлять правосудие,
assert one's right – отстаивать право,
raise objections – возражать против чего-либо,
prejudice the right – наносить ущерб праву,
challenge legality – оспаривать законность.

Как было отмечено выше, тексты международных соглашений характеризуются чрезвычайно сложной структурой предложений. Эта особенность сохраняется и при их переводе. Предложения осложнены деепричастными и причастными оборотами, большим количеством однородных членов предложения. Рассмотрим следующее предложение и его перевод:

These policies and measures will demonstrate that developed countries are taking the lead in modifying longer-term trends in anthropogenic emissions consistent with the objective of the Convention, recognizing that the return by the end of the present decade to earlier levels of anthropogenic emissions of carbon dioxide and other greenhouse gases not controlled by the Montreal Protocol would contribute to such modification, and taking into account the differences in these Parties' starting points and approaches, economic structures and resource bases, the need to maintain strong and sustainable economic growth,

¹⁰⁸ Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 283.

available technologies and other individual circumstances, as well as the need for equitable and appropriate contributions by each of these Parties to the global effort regarding that objective.

«Такие политика и меры продемонстрируют лидерство развитых стран в изменении долгосрочных тенденций в плане антропогенных выбросов в соответствии с целью Конвенции, признавая тот факт, что возвращение к концу нынешнего десятилетия к прежним уровням антропогенных выбросов двуокси углерода и других парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом, будет способствовать такому изменению, и принимая во внимание различия в отправных точках и подходах этих Сторон, в их экономических структурах и базах ресурсов, необходимость сохранения высоких и устойчивых темпов экономического роста, имеющиеся технологии и другие конкретные обстоятельства, а также необходимость справедливого и надлежащего вклада каждой из этих Сторон в глобальные усилия по реализации данной цели».

Из сложных синтаксических конструкций можно отметить герундий, которые переводится с помощью деепричастных оборотов (*taking into account the differences...* – «принимая во внимание различия в...»); конструкции с отыменными предлогами (*consistent with the objective of the Convention* – «в соответствии с целью Конвенции»); причастные обороты (*not controlled by the Montreal Protocol* – «не регулируемых Монреальским протоколом»).

Однако часто при переводе столь сложных предложений их синтаксическая структура модифицируется. Так, английское сложноподчиненное предложение в русском варианте является простым: *These policies and measures will demonstrate that developed countries are taking the lead in...* – «Такие политика и меры продемонстрируют лидерство развитых стран в...».

Выполнение полного эквивалентного перевода текста подразумевает соответствие «подлиннику по функции (полноценность передачи) и по выбору средств переводчиком (полноценность языка и стиля)»¹⁰⁹. Поэтому при переводе необходимо иметь «ясное представление о том, к какому типу текстов относится оригина-

¹⁰⁹ Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. – М., 1981. – С. 9.

нал»¹¹⁰ и какова его коммуникативная функция. Поскольку каждый текст создан для «реализации определенной коммуникативной интенции»¹¹¹, следовательно, «различные типы тексты требуют различные методы перевода»¹¹².

Изучаемый нами текст относится к официально-деловому стилю, поэтому основной задачей при его переводе является передача объективной информации, определенных предписаний и задач, которые должны быть однозначно поняты для обеспечения их выполнения. Подобные тексты «требуют при переводе обеспечения инвариантности на уровне плана содержания»¹¹³. Согласно классификации К. Райс, а также ее классификации в соавторстве с Г. Й. Вермеером¹¹⁴, рассматриваемые нами тексты относятся к оперативным текстам, поскольку основной их задачей является предписание определенных действий. Однако в них присутствуют и элементы информативных текстов. Тексты официальных правовых документов не только являются информативными, но и наделены особой перформативной и предписывающей силой, характеризуются моделированностью, дистантностью, экспликативностью¹¹⁵. Это необходимо учитывать при переводе, поскольку в его процессе должна быть сохранена основная функция текста, а также необходимо помнить, с какой целью и для кого осуществляется перевод¹¹⁶.

¹¹⁰ Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202.

¹¹¹ Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода: [уч. для студ. лингв. вузов и фак-в иностр. языков]. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 145.

¹¹² Zacchi R., Morini M. Manuale di traduzioni dal' inglese. – Milano: Bruno Mondadori, 2002. – P. 46.

¹¹³ Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 208.

¹¹⁴ Reiss K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. – Tübingen, 1984. – 253 s.

¹¹⁵ Багана Ж., Кривчикова Н. Л. Стилистические характеристики законодательного текста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 6 (149). – Вып. 17. – С. 51.

¹¹⁶ Morini M. La traduzione. Teorie. Strumenti. Pratiche. – Milano: Sironi Editore, 2007. – P. 90.

Поскольку преобладающим видом информации является когнитивная, или референциальная, и оперативная информация, текст обладает высокой степенью переводимости. Как отмечает И. С. Алексеева, «когнитивную информацию несут в первую очередь юридические термины»¹¹⁷. По словам В. С. Виноградова, «чем более формализован текст, тем более эквивалентен его перевод оригиналу»¹¹⁸.

Кроме того, согласно транслатологической классификации И. С. Алексеевой тексты международных соглашений будут относиться к первой группе по мере их переводимости. Согласно И. С. Алексеевой это определяется тем, что тексты подобных документов «как правило, переводятся по готовой модели, поскольку при переводе преобладают однозначные эквиваленты и однозначные трансформации»¹¹⁹.

И. С. Алексеева выделяет три варианта соответствий, которые могут использовать для передачи текста оригинала:

- однозначные эквивалентные соответствия;
- вариантные соответствия;
- трансформации¹²⁰.

К однозначным эквивалентным соответствиям относятся все случаи, когда вне зависимости от контекста имеется лишь одно соответствие. И. С. Алексеева относит к лексическим однозначным эквивалентам термины, имена собственные, наименования организаций, числительные и местоимения¹²¹.

Рассмотрим использование однозначных эквивалентных соответствий при переводе изученных нами текстов.

Значительную часть лексики данных текстов составляют юридические и научно-технические термины, которые переводятся

¹¹⁷ Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 289.

¹¹⁸ Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство РАО, 2001. – С. 23.

¹¹⁹ Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 282.

¹²⁰ Там же. С. 155.

¹²¹ Там же. С. 156.

однозначно и имеют строго определенные значения в любом языке. По В. Н. Комиссарову, термин «должен иметь свое точное значение, указанное его определением, во всех случаях его употребления в любом тексте»¹²². Это позволяет использовать при переводе полные эквивалентные соответствия. Кроме того, возможно использование транскрипции и транслитерации для передачи терминологии.

Полное эквивалентное соответствие использовалось также при переводе названий организаций, как например, *Intergovernmental Panel on Climate Change* – Межправительственная группа экспертов по изменению климата, *International Court of Justice* – Международный Суд, *International Atomic Energy Agency* – Международное агентство по атомной энергии, или названий официальных документов: *the Charter of the United Nations* – Устав Организации Объединенных Наций; *Rio Declaration on Environment and Development* – Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, *the Universal Declaration of Human Rights* – Всеобщая декларация прав человека.

Для остальной лексики производится подбор вариантных соответствий, являющихся наиболее эквивалентными. Частичное соответствие является «наиболее распространенным случаем при сопоставлении лексических единиц двух языков»¹²³. И. С. Алексеева понимает под вариантными соответствиями «лексические соответствия, зависящие от контекста»¹²⁴. Множественность вариантов свойственна в первую очередь художественным и публицистическим текстам. Однако и при переводе официальных дипломатических документов существует определенный объем лексики, которая передается с помощью вариантных соответствий. Подбор вариантных соответствий также можно назвать «простой лексической подстановкой», он состоит в выборе «одного из возможных

¹²² Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 111.

¹²³ Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – С. 76.

¹²⁴ Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – С. 157.

лексических соответствий»¹²⁵. При этом эквиваленты подыскивались «в синонимическом ряду, составленных из так называемых стилистических синонимов, под которыми обычно подразумевают слова, имеющие один и тот же денотат, но отличающиеся либо экспрессивной окраской, либо принадлежностью к разным функциональным стилям речи»¹²⁶. Так например, глагол *to promote* может переводиться на русский язык как «продвигать, способствовать, содействовать, поощрять, поддерживать, стимулировать, продвигать, раскручивать, рекламировать»¹²⁷. При переводе был выбран вариант «поощрять», наиболее подходящий контекстуально и стилистически.

Для устойчивых выражений были подобраны их эквиваленты в русском языке. Например, *in turn* – в свою очередь. Фразеологические единицы в рассматриваемых текстах не встречаются. Это связано с тем что, являясь «яркими, эмоционально насыщенными оборотами»¹²⁸, фразеологические обороты полностью отсутствуют в официально-деловом стиле. Таким образом, при переводе текстов международных соглашений отсутствует необходимость подбора соответствий фразеологическим единицам.

Безэквивалентная лексика в данном тексте отсутствует, так как данные тексты являются международными соглашениями, содержащими информацию об объективных реалиях, которые будут понятны и носителям русского языка, в особенности специалистами, которые являются основными реципиентами данных текстов. А явление безэквивалентности возникает, когда «слово оригинала обозначает чисто местное явление, которому нет соответствия в

¹²⁵ Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – М.: Академия, 2008. – С. 73.

¹²⁶ Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство РАО, 2001. – С. 84.

¹²⁷ The Oxford Russian Dictionary. – URL: <https://translate.yandex.ru/> (date of access: 01.10.2017).

¹²⁸ Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, Дубна: Феникс, 1996. – С. 12.

быту и в понятиях другого народа»¹²⁹. Соответственно при переводе не используются такой прием как описательный перевод, поскольку он применяется при переводе «культуронимов, уникальных объектов и т. п.»¹³⁰. То же самое относится к переводческому комментарию.

Это отличает тексты международных соглашений от чисто юридических текстов, которые применяются внутри какого-либо государства. Данные тексты как раз содержат безэквивалентную лексику, а именно понятия и реалии права, названия его объектов и субъектов, которые могут отсутствовать в правовой системе другого государства. Это связано с тем, что подобные юридические концепты являются «продуктом национальной правовой системы, и терминология в различных системах концептуально инконгруэнтна»¹³¹. Однако при составлении международных соглашений подобная лексика заменяется обобщающими понятиями, например, «соответствующие органы, финансовые учреждения, внутренние процедуры, национальный компетентный орган» и т. п. Соответственно перевод подобной лексики осуществляется путем подбора вариантных соответствий.

При невозможности подбора полных эквивалентных соответствий при переводе текста применяются транслатологические трансформации различного типа. То есть «при отсутствии формальных совпадений, точность достигается равноценными заменами – грамматическими, лексико-фразеологическими, стилистическими»¹³², таким образом, переводной текст достаточно адекватно репрезентирует текст оригинала.

¹²⁹ Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учебное пособие для институтов и факультетов иностр. языков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология ТРИ, 2002. – С. 152.

¹³⁰ Казакова Т. А. Практические основы перевода. English-Russian. – СПб.: Союз, 2001. – С. 49.

¹³¹ Sarcevic S. New Approach to Legal Translation / S. Sarcevic. – The Hague, London, Boston: Kluwer Law International. – P. 232.

¹³² Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. – С. 16.

*Бельцер И. С., Бельцер И. А.
Beltzer I. S., Beltzer I. A.*

***Peculiarities of official style discourse translation
(on the examples of documents of international political agreements)***

Abstract: *The paragraph analyzes the specific features of official discourse and main difficulties in lexical and grammatical spheres which inevitably occur in the process of translation. The analysis is based on comparing the texts of the official documents (Convention on Biological Diversity; Vienna Convention for the Protection of the Ozone Layer; Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Methods; Cartagena Protocol on Biosafety to the Convention on Biological Diversity; Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals; Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context; United Nations Framework Convention on Climate Change; Framework Convention for the Protection of the Marine Environment of the Caspian) in English and Russian.*

Key words: *official documents, discourse, translation, translation equivalents.*

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫКОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ВИДОВ И ЖАНРОВ

3.1. Номинативные характеристики знака в словообразовательном моделировании когнитивного дискурса

Человеком создается язык, который отражает в себе системы действительности. Поиск сходств и различий, анализ приводит к определенным находениям закономерностей, представляющих собой логические конструкторы, которые являются языковыми моделями действительности в системе когнитивного дискурса. Коммуницируя друг с другом, собеседники пользуются этими моделями.

Именованье систем действительности возникает лишь тогда, когда, по словам У. Эко, «какие-то смыслы привязываются к ка-

кому-то звуковому образу»¹³³, а значит тогда, когда некая складывающаяся в сознании человека когнитивная структура начинает обретать свою форму и ассоциации того и другого формируют знак. Обозначения как особые «опредмеченные»¹³⁴ формы языка заменяют собой в ментальной и дискурсивной деятельности сложнейшие фрагменты наших мыслей о мире и итоги его осмысления. Именно готовому слову выпадает роль ядерного элемента в цепочке возможных описаний тех или иных фрагментов мира (обозначений в окружающей нас действительности). Большинство обозначений рождается в актах словообразования: основная нагрузка при создании новых конвенциональных знаков ложится именно на словообразование с присущими ему словообразовательными моделями, дающими образец в форме нового содержания.

Процесс создания лексических единиц – новообразований – преимущественно определяется номинативной функцией¹³⁵, при этом в системно-структурном аспекте он включается в сферу вертикальных отношений (означаемое – означающее)¹³⁶. Во-первых, создание плана выражения любой номинативной единицы детерминируется семантическими суппозициями, вытекающими из примата означаемого над означающим: содержанием смыслового потока и его динамикой. В этом суть вертикального направления детерминации: *от* означаемого, создающегося в ходе коммуникативного процесса, к означающему, стремящемуся к изоморфному соответствию со своим коррелятом. Уместно опереться здесь на В. Гумбольдта: «...Нельзя никоим образом, имея в виду звук и требование внутренних целей языка, отделять друг от друга обозначающие силы и силы, создающие обозначаемое. И то и другое объединяется и охватывается общей языковой способностью»¹³⁷. Во-вторых, создание номинативной единицы обуславливается семантическими, формально-семантическими, формальными суппо-

¹³³ Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 51.

¹³⁴ Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. – М., 1978. – С. 66.

¹³⁵ Пражский лингвистический кружок: сб. статей. – М., 1967. – 560 с.

¹³⁶ Гамкрелидзе Т. В. К проблеме «произвольности» языкового знака // ВЯ. – 1972. – № 6. – С. 23–29.

¹³⁷ Гумбольдт В. Избр. тр. по языкознанию. – М., 1984. – С. 98.

зиями. Суппозиционная функция необходимо возникает в процессе порождения речи, так как говорящий опирается на предшествующие фрагменты текста для создания новых фрагментов. Нельзя не согласиться с Н. Д. Голевым, полагающим, что «наиболее регулярно и последовательно данная функция действует в сфере семантической деривации (новые означаемые во многом складываются из суппозиционных элементов семантики), но в этот поток достаточно регулярно вовлекаются выраженные семы и наборы сем (это включает в речевую деятельность механизм морфемного анализа и синтеза); при этом не исключено, что собственно формальная сторона может оказаться решающим фактором, предопределяющим выбор плана выражения производимой номинативной единицы»¹³⁸.

Процессы и структуру актов номинации принято описывать, исходя из трехчленного отношения («семантического треугольника») «реалия – понятие – имя». Каждый компонент этого универсально-логического отношения номинации в конкретно-языковом ее воплощении обогащается признаками, характерными для членения мира в данном языке. Реалия предстает как денотат имени, т. е. как совокупность свойств, вычлененных в актах номинации у всех обозначаемых данным именем реалий (класса объектов). Понятие, вбирая в себя категориально-языковые признаки, выступает как сигнификат (смысл) имени, в который могут входить и экспрессивные признаки. Имя осознается как звукоряд, расчленяемый в языковом сознании в соответствии со структурной организацией данного языкового кода. Соотношение сигнификата имени и денотата и направление этого отношения в конкретных актах номинации (в составе высказывания) от смысла имени к денотируемому объекту обозначения (реалии) создают базовую структуру номинации, универсальную для естественных языков. Акты номинации – продукт речевой деятельности, а их результаты осваиваются системой языковой, функциональными и социальными нормами языка и узусом.

В теории прямой, косвенной номинации и внутренней номинации значительное место занимает теория внутренней формы язы-

¹³⁸ Голев Н. Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи. Детерминационный аспект. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z69.html> (дата обращения: 01.10.2017).

кового знака. Эта теория была инициирована В. фон Гумбольдтом, который разграничивал внешнюю и внутреннюю форму языка и показал их диалектическую взаимосвязь: указывая на то, что «действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а с другой – совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка»¹³⁹.

А. А. Потебня, который был сторонником психологического направления в лингвистике, разрабатывая теорию внутренней формы слова, выделил три составных элемента: внешнюю форму, т. е. членораздельный звук; содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму. Автор отметил при этом определённые отличия между внутренней и внешней формой слова: «внутренняя форма каждого из слов иначе направляет мысль; почти то же выйдет, если скажем, что одно и то же новое восприятие, смотря по сочетаниям и в какие оно войдёт с накопившимися в душе запасом, вызовет то или другое представление в слове. Внешняя форма не разделима с внутреннею, меняется вместе с ней, без неё перестаёт быть сама собой, но тем не менее совершенно от неё отлична»¹⁴⁰.

«Феномен внутренней формы, – пишет О. П. Рябко, – обращён к элементам мыслительного и языкового кода. Во внутренней форме слова находит своё отражение ассоциативность человеческого мышления, образность восприятия мира, многовековой опыт познавательной деятельности человека. Внутренняя форма слова делает язык более выразительным, придавая ему национальный колорит». В зависимости от того, признают ли исследователи вербальный или невербальный подходы, акт номинации получает различную интерпретацию. При вербальном подходе номинативный акт рассматривается как результат преобразования (стяжения) некоторой синтаксической конструкции в производную номинативную единицу, как результат преобразования синтаксической структуры в номинативный знак – универб. В этом случае процесс

¹³⁹ Гумбольд В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1966. – 468 с.

¹⁴⁰ Потебня А. Н. Мысль и язык: собрание трудов. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 156.

означивания происходит под влиянием стереотипов, готовых образцов, представляющих собой ментальные репрезентации. Внутренняя форма – мост, соединяющий две стадии номинативного акта: довербальную стадию и стадию вербальной номинации»¹⁴¹.

Рассматривая в процессе словообразования взаимосвязь между формой и содержанием языка, исследователи справедливо отмечают, что «ограничение на содержание и форму знака связано с тем, что передаваемая ими информация упаковывается в мотивированный и, как правило, расчлененный передающий своё значение знак, а также знак, оптимально согласующий свои когнитивные и коммуникативные задачи»¹⁴².

Мотивационно-ономасиологическая структура производных лексических единиц складывается из ономасиологического базиса – понятия, которое кладётся в основу обозначения, и мотивационно-ономасиологического признака – понятие, которое, так или иначе, уточняет содержание обозначаемого. Как утверждает Е. С. Кубрякова, «мотивационно-ономасиологическим базисом могут являться понятия субстанции и её разновидностей. Мотивационно-ономасиологический признак – это свойство предметов, их отношение и связь»¹⁴³.

«Выбор непосредственно мотивирующего слова в акте номинации зависит от множества данных, которые поставляются нашими чувствами, и от определённых фиксированных центров восприятия, установленных человеком в акте номинации»¹⁴⁴. «Человек выбирает только какой-нибудь один кажущийся ему характерным признак, уже имеющий в данном языке наименование, и использует его для наименования нового предмета или признака»¹⁴⁵.

¹⁴¹ Рябко О. П. Когнитивное основание теории номинации и мотивации // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Академия естествознания, 2012. – № 6.

¹⁴² Bolinger D. L. The uniqueness of word // *Lingua*. – 1963. – Vol. 12. – P. 11.

¹⁴³ Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразования // Языковая номинация (виды наименований). – М.: Наука, 1977. – 265 с.

¹⁴⁴ Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 49.

¹⁴⁵ Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Языковые вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 250.

Рассматривая процесс мотивации создания нового слова, американский лингвист Д. Болинджер отмечает два подхода к интерпретации механизма мотивации. При первом подходе значение нового слова конституируется на основе извлечения значений из контекста употреблений этого слова, которое потом подвергается генеративной сборке. При втором подходе значение нового слова существует уже в готовом виде до его вербализации. «Слова создаются не для того, чтобы извлекать значения из их элементов и затем составлять их для получения нового смысла. Всё начинается именно с нового значения, а говорящий не особенно затрудняет себя, ищет лучший способ обозначения»¹⁴⁶. Для создающего новое слово его мотивация всегда ясна и прозрачна, даже в тех случаях, когда мотивирующее суждение представляет собой сложную развёрнутую конструкцию, а говорящий извлекает из неё отдельные, часто далеко не самые существенные элементы, для фиксации их в слове.

Идентифицирующей функцией обладают имена «естественных родов» – предметов и живых существ, а также артефактов – предметов, созданных человеком. Семантика таких номинаций, воплощенных в форме конкретных существительных, отображает субстанциональный чувственно осязаемый образ обозначаемого («куст», «забор», «песок», «соцветие»). К функции предикации или сообщения о свойствах субстанции приспособлены имена признаков (признаковые имена), называющие субстанциональные или отвлеченные от субстанции свойства – признаки, качества, состояния, процессы, а также имена абстрактных понятий, конструируемые человеком (*consciousness, truth, hope*). По мере отвлечения от субстанциональных свойств возрастает степень абстрактности номинации. Наибольшая отвлеченность присуща номинациям, обозначающим временные, причинно-следственные, условные и т. п. отношения, служебным и строевым средствам (*cause, in order to..., as, home* и т. п.). Признаковые имена имеют форму прилагательных, глаголов, наречий и существительных с абстрактным значением. Характерной чертой этих имен является наличие в их значении семантических валентностей, синтаксически-заполняемых в речи именами носителей признака – субъекта,

¹⁴⁶ Downing P. On the creation and use of English compound nouns // *Language*. – 1977. – Vol. 53, No 4. – P. 820.

объекта, орудия и т. п.: heavy – кто / что (лицо, предмет), whittle – кто (лицо), что (предмет), чем (орудие), hope – чья (лицо), на что (событие, желательное для субъекта) и т. п. Промежуточное положение между именами предметов и признаков занимают функциональные и реляционные имена лиц, обозначающие их по роду занятий, отношений к другим лицам или предметам (teacher, grandson, host), «общие» имена (a person, a thing) и имена результатов процессов или состояний (discovery, mess, earthquake).

Акты номинации могут протекать при непосредственном взаимодействии с прагматическими факторами. Последние оставляют свой след в сигнификате – то или иное отношение, именующих к обозначаемому эмоциональное (ср. duck и duckling, small и tiny), оценочное (godling, stingy, detest), ориентацию именующего их социальные условия речи или формы существования языка и его функционально-стилистическую дифференциацию (ср. пометы в словарях типа «прост.», «спец.», «торж.», «поэт.» и т. п.). Отображение при номинации не только элементов объективной действительности, но и прагматического и субъективного отношения создает экспрессивную окраску языковых единиц за счет особого субъективно-модального компонента значения.

Интересна точка зрения Н. Д. Голева, согласно которой «словообразовательная мотивация, обеспечивающая «представительство» мотивирующего слова в мотивированном и, следовательно, возможность обратной трансформации является частным случаем универсальной суппозиционной функции. Необходимость этой функции не исчезает в момент образования слова, которое еще долго может оставаться ее носителем, сохраняя потенциал мотива и мотиватора, хотя бы потому, что сохраняются условия его производимости: производимость означаемого, производимость более по рангу единиц, в которые органически входят мотивированные слова и т. п., что составляет непрерывный деривационно-мотивационный процесс»¹⁴⁷.

Назначение словообразовательного форманта – установление, в каких мотивированных словах с тем или иным обобщенным словообразовательным значением он обычно встречается. Значения

¹⁴⁷ Голев Н. Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи. Детерминационный аспект. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z69.html> (дата обращения: 01.10.2017).

мотивированного слова и форманта представляются в виде семантических признаков (составных частей) изучаемого деривата. Соотношение обеих этих частей является третьей величиной, формирующей значение мотивированного слова.

Однако существуют и логико-номинативные основания всякой номинации, которые имеют коммуникативно-прагматическую направленность. Недостаточно придумать наименование предмета, нужно ещё учитывать фактор адресата. Иными словами, надо, чтобы имя содержало конкретные пресуппозиции знака номинации, а номинатор при этом учитывал бы фреймовые ситуации коммуникации, которые получили системное рассмотрение в теории определённых/неопределённых дескрипций.

Словообразование рассматривается не только как система лексических, грамматических и морфологических структур, но и как система ментальных репрезентаций опыта и знаний человека, их облечение в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям. Языковая форма имеет когнитивное и коммуникативное свойство. С когнитивной точки зрения словообразование обеспечивает познавательную деятельность человека, вербализует действительность, что приводит к созданию достаточного числа словообразовательных моделей, каждая из которых как передается языковым знаком, так и отражает восприятие человеком мира. В компетенцию словообразования входит поэтому и его участие в формировании языковой картины мира, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации.

Существительные и субстантивные словосочетания обладают способностью фиксировать событийный, предметный или же фактуальный характер, заключенного в них высказывания, и реализовать значение действия. В этом отношении словообразовательные элементы у существительных работают в качестве порождающих единиц, каждая из которых способна не только к простому ее воспроизведению, но и к аналогическому повторению ее в серии единиц.

Проанализировав явления окружающей действительности и огромное количество английских существительных в словообразовательном аспекте, можно выявить ряд моделей реального мира, выраженных с помощью языковых знаков:

- модель активности агента;
- модель пассивного участника;
- модель приуменьшения;
- модель состояния и поведения;
- модель собирательности явлений.

Если к числу кардинальных концептов, характеризующих существительное, причисляют концепты лица, человека, то это утверждение может быть поддержано не только массой простых, непроемных имен с этим значением, но и существованием специальных словообразовательных форматов, создающих модель агента (*outrider, milkmaid, hammerman, motorist, Muscovite, absentee*). Эти языковые знаки (*-er, -maid, -man, -ist, -ite, -ee*) моделируют человека в различных дискурсах.

В действительности существует модель «лицо, занимающееся определенным родом деятельности или имеющее определенную профессию», которая в языке находит свой способ отражения с помощью аффиксов *-er* (*haberdasher, bookbinder, sewer, breakfaster, flyer, assayer, carver, с послелогом: comer by, come-outer, diner out, finder out, giver-up* и т. д.), *-ist* (*harpist, accordionist, violinist, manicurist, behaviorist*), *-man* (*rifleman, horseman, iceman, bridesman, gas-man, wheel-man, switch-man, patrolman, infantryman, ploughman, fogleman, watchman*), *-s* и *-man* (*seedsman, snidesman, woodsman, cracksman, locksman, brakesman, gangsmen, swordsman, helmsman*), *-maid* (*barmaid, bridesmaid, dairymaid*).

В ситуации, когда новое значение у производных слов *digger, huntsman, nobleman* возникает исключительно как следствие перемещения исходного знака в новую часть речи, то появление такого значения объясняется транспозицией. Знак в новой части речи выражает одно из категориальных значений соответствующей части речи. Так, если мы знаем, что значит *speak* (“*to talk to someone about something*”), а значение *noble* определяем как “*morally good or generous*”, то такие значения слов, как *speaker* “*someone who makes a speech*” и *nobleman* “*someone who belongs to the highest social rank*”, являются кардинальными значениями существительного как такового. В этих примерах отчетливо видно, что наследуется значение исходного знака (это подтверждается референцией ко всему знаку в дефиниции производного слова), а также приобретает категориальное значение новой части речи. Производные сло-

ва типа *tinner, shipper, columnist, guitarist, ropeman, bowman* являются монокатегориальными, однако приобретают новое реальное значение. Такие исследования дают основание усматривать в языковых единицах особые когнитивные структуры, отражающие знание об отношениях, существующих между объектом и действием, объектом и его признаком, объектом и другим объектом и т. п. А поскольку все процессы познания протекают как связанные с определенными структурами, акты наречения мира выступают как подчиненные описанию этих разных типов номинаций и, главное, их отдельных компонентов – участников деятельности (лица) характеризующих их операций.

К этой же модели относятся следующие фрагменты действительности:

– «сторонники, последователи учений, теорий, идейных течений, направлений в науке, взглядов»: *-ist (Darwinist, Marxist, Pushkinist, defeatist, revisionist, pacifist, Transcendentalist, Conversationalist, naturalist), -ite (Kiplingite, Nietzscheite, Hitlerite)*;

– «жители определенной местности»: *-er (Londoner, New Yorker, Britisher, hosteler, villager, borderer, islander, northerner, southerner), -ite (Israelite, Sydneyite, Main Streetite), -man (Chinaman, Irishman, Scotchman, Dutchman, backwoodsman, dalesman, landsman)*;

– «лицо определенного возраста»: *fifteeners and sixteeners (разг.), forty-niner (разг.), teen-ager*;

– «лицо, испытывающее душевное побуждение, имеющее постоянную привычку»: *admirer, avenger, adorer, boaster, tempter, blabber, brawler, stammerer, whisperer, hearer*.

Нельзя не отметить, что за аффиксами в принципе закрепляются значения, рассматривающиеся как когнитивно весьма существенные, в то же время предельно обобщенные и соответствующие признакам.

Особенно существенна в этом отношении языковая модель, отражающая роль *пассивного участника* в группе, общности. Ведь в принципе такие роли становятся ясными только из дискурса. Но в области словообразования такие дискурсивные характеристики становятся предметом специального обозначения – они маркируются деривационным средством *-ee*. Вследствие этого, можно полагать, что само концептуальное поле существительных этой модели предназначается в первую очередь для того, чтобы описывать

ведомую роль участников ситуации: *distrainee, divorcee, drawee, electee, endorsee, enlistee, evacuee, examinee, exemptee, expelled, expirer, bribee, pledgee, bailee, referee, donee, appellee, assignee, presentee, detainee, addressee, dedicatee, devisee, transansferee, trustee, legatee, promisee, sayee, telephonee, quizzee, selectee, amputee, separatee, devotee, refugee, absentee appellee, assignee, detainee, addressee, dedicatee, evacuee, quizzee, amputee, separatee*. Суффикс *-ee* помогает нам моделировать ситуативно роль человека в коллективе: *revenger – revengee, trainer – trainee, employer – employee*. Такие единицы отражают разную концептуализацию мира. Есть основания предполагать, что подобный выбор иконичен, т. е. что в условиях выбора действует по преимуществу принцип иконической релевантности самого выбранного обозначения: пассивность – активность.

В окружающем мире также выделяется феномен «приуменьшение», который отражен в языковой действительности. Языковые единицы отражают портрет этой действительности, образуя языковую модель. На ономаσιологическом уровне, исследуя указанную модель действительности, обнаруживаются следующие словообразовательные элементы, образующие уменьшительное значение английских существительных:

-y: fatty, eddy, dinghy, dobby, daddy, kiddy, mummy, puppy, kitty, doggy, ducky;

-let: eaglet, piglet, earlet, eyelet, flatlet, fountainlet, fruitlet, pondlet, platelet, leaflet, booklet, droplet;

-ling: duckling, dumpling, elderling, firstling, fondling, foudling, freckling, frogling, mouseling;

-ette: roomette, kitchenette, tankette, novelette, statuette, featurette, dinette.

Причем такой феномен может быть как позитивным, так и негативным. Уничижительный образ проявляется в словах *dowdy, druggy, fopling, godling, fingerling*.

Парные единицы *god – godling, frog – frogling, room – roomette* ярко свидетельствуют о неполной тождественности семантики двух существительных: первое обозначает отдельно выбранный предмет естественной величины, второе же фиксирует градуальность, а именно приуменьшение вещи. Так, *god, frog, room* фиксирует принадлежность к определенному классу людей, животных,

вещей, *froggy, roomette, godling* – к одной из категорий или подвидов людей, животных, вещей, в которых явно проявляется отношение говорящего: либо привязанность к объекту, либо отторжение. Лишь в этом аспекте становится понятным и «именной стиль» метаязыка описания, то есть возможность охарактеризовать с помощью номинализации любой концепт, любое понятие, которое, каким бы оно ни было по своему происхождению, обретает способность выделить обозначаемое в виде самостоятельного участника ситуации.

Не вызывает сомнений тот факт, что словообразовательные процессы протекают при сильнейшем влиянии на них личности говорящего и его конкретных установок, используемых знаний и опыта, реальных условий речи и т. д. Такова *языковая модель состояния, действия и поведения*, в которой подчеркивается эмоциональное и умственное состояние человека (с помощью *-ment*: *amazement, bewilderment, embitterment, estrangement, contentment, disablement, sustainment, merriment, unfrockment, dazzlement, betterment, supplement, enlightenment, worriment*; *-ness*: *sadness, tenderness, richness* и т. д.), ненормальное состояние в медицине (с помощью *-ism*: *alcoholism, deafmutism, anomalism*), признак, отвлеченный от предмета (с помощью *-ity*: *normality, similarity, readability, clarity, convertibility, avidity, density, humidity, falsity, flexuosity, nebulosity, illogicality* и т. д.), специфическое качество, поведение с пренебрежительным оттенком (с помощью *-y*: *treachery, foolery, Jesuitry, wizardry, tomfoolery, charlatanry, puffery, parrotry, bawdry, drudgery, buffoonery*), акт, условия, процесс и результат действия (с помощью *-tion*: *botheration, gasification, tention, devotion, purification, germanization, backwardation, denazification, fruition, twitteration*; *-ment*: *annointment, bombardment, conferment, debarkment, displacement, reinforcement, shipment*; *-age*: *porterage, telferage, problemage, stowage, steerage, corkage, pipage, flowerage, breakage, wastage*).

В этих примерах признаки, выраженные основой прилагательного, мыслятся как отнесенные к объектам. Лишь в условиях номинализации непредметных сущностей достигается возможность сфокусировать внимание на признаке, сделав именно его предметом особого рассмотрения. По словам Н. Д. Арутюновой, здесь «в процессе деривации осуществляется перенос синтаксического центра в

семантически подчиненный, зависимый элемент с целью его выделения»¹⁴⁸. Эти и наиболее детальные толкования номинализаций, даваемые ею, дают основания предположить, что вне обращения к контексту, к дискурсу уловить нюансы значения в параллельных конструкциях достаточно сложно. Между тем учет контекста, напротив, помогает понять, чем мотивировано использование языковых единиц типа *wildness, soreness, rawness, darkness, familiarity, modernity, neutrality, bravery, gallantry*.

С появлением «реификации» (*reify*) глагола и прилагательного, по терминологии Р. Лангакера, с помощью языкового знака человек получает возможность манипулировать некими псевдо-объектами в любых типах деятельности, а также характеризовать их¹⁴⁹. Как представляется, именно Р. Лангакер правильно подчеркивает, что за двумя языковыми формами (*to justify* и *justification, to moralize* и *moralization, to arrive* и *arrivage* или *arrival, to encourage* и *encouragement, changeable* и *changeability, naughty* и *naughtiness*) «стоят разные образы, каждый из которых связан к тому же с образом соответствующей части речи»¹⁵⁰.

Абстрактный образ совершенно недостаточен для того, чтобы охарактеризовать реальное отличие глагола и прилагательного от существительного. Немногим больше разъясняет разобранный пример с противопоставлением прилагательного соответствующему ему имени: прилагательные типа *red* и *white* передают ощущения от их восприятия, *redness* и *whiteness* же называют районы концентрации этих же цветов или поверхностей того объекта, который их демонстрирует. Интуитивно кажется, однако, что обозначения цвета всегда каким-то образом связаны с восприятием поверхностей предметов (ср. *red face* и *redness of the painting, white man* и *whiteness of the stone*) и что различие признаков слов и их номинализация – именно в факте их опредмечивания. «Реифици-

¹⁴⁸ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – М.: Наука, 2003. – С. 131.

¹⁴⁹ Langacker R. W. Concept, image, and symbol. The cognitive basis of grammar. – Berlin, 1991. – P. 78.

¹⁵⁰ Ibid. P. 97–98.

ровано, – отмечает Дж. Тейлор, – значит, представлено в виде вещи, т. е. как если бы мы имели дело с физическим объектом»¹⁵¹.

В ходе словообразовательного моделирования с помощью преобразования единиц номинации достигаются и чисто дискурсивные цели: двумя главными задачами считаются требования выразить как можно больше необходимой информации за счет наименьшего количества усилий и средств. Это явно подчеркивается во фрагменте действительности, описывающем собирательный образ объектов.

Представляется, что взаимодействие в реальном мире явлений действительности и знаков «как когнитивный феномен ярче отражает способность человека устанавливать простые причинно-следственные отношения в этом мире»¹⁵². Мотивированные знаки при этом способны отсылать нас к *собирательному феномену действительности*, например к некому миру совокупности вещей, явлений и общности взглядов. В рамках словообразования таковыми являются словообразовательные элементы *-dom (peerdom)*, *-hood (beggarhood)*, подчеркивающие соотношенность собирательного явления со словообразовательной моделью. Образы общественного положения, звания четко проявляются в словах *negrodom, rebeldom, thralldom, martyrdom, dukedom, bishopdom, sheriffdom, officialdom, priesthood, waitresshood, serfhood, monkhood, squirehood, burgherhood*, территориальная обобщенность в – *kingdom, dukedom, earldom, tsardom, bishopdom, popedom*, ловкость, мастерство и умение в *horsemanship, ropemanship, seamanship, marksmanship*, общность интересов определенного круга людей – *turfdom, athleticdom, golfdom, footballdom, moviedom, screendom, newspaperdom, ringdom, fandom, Forsytedom, grocerdom, fairdom, taxidom, yankeedom, snobdom, ruffiandom, butlerdom, beddardom, artistdom*, коллектива – *carpentry, yeomanry, Jewry, banditry, casuistry, dowry, Danishry, masonry, press-agentry, punditry* и предметов – *coopery, confectionery, toggery, blazery, chandlery, ironmongery, lacery, legendry, spicery*.

¹⁵¹ Taylor R. “Subjective” and “objective” readings of possessor nominals // *Cognitive Linguistics*. – 1994. – Vol. 5, No 5. – P. 214–215.

¹⁵² Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 204.

Путь от сознания к ономаσιологической структуре и к реализации явления действительности в рамках определенной словообразовательной модели отнюдь не случаен. Средства словообразования выделяют и фиксируют, таким образом, новые структуры знания, закрепляют и объективируют некие концептуальные объединения, рождаемые в актах познания и оценки мира. С другой стороны, способ представления этих структур знания в мотивированных знаках языка связывает словообразование не только с объективно существующим миром, но и с миром языка. Свойство двойной референции знака – отсылать к действительности и к языку – осмыслено нами с когнитивной точки зрения как способность человека характеризовать новое знание через уже имеющееся, комбинировать готовые и отработанные структуры знания в целях выражения нового, использовать знание словообразовательных моделей как готовых форм представления знания о мире.

*Логачева В. Г.
Logacheva V. G.*

Nominative sign characteristics in the wordbuilding modeling

Abstract: The naming word of a real act is a means of learning the real fact. The nominative process is influenced by stereotypes, fixed patterns which present mental status. Any naming word includes the presuppositions of nominative sign. The nominator reflects a framing situation. The connection between the purport and the sign form is introduced in the information kept in a sign with its motivative, cognitive and communicative characteristics.

Key words: nomination, sign, motivation, word building, modeling.

3.2. Мифологизмы в политическом дискурсе

На современном этапе развития общества политическая коммуникация приобретает все большую важность, а вопросы, касающиеся власти, открыто обсуждаются не только на политической арене, но и в сфере науки и публицистике. Понятия дискурса вообще и политического дискурса в частности являются сегодня предметом множества научных дискуссий, а базовые концепты политического дискурса, его системообразующие признаки, функции и особенности требуют особого освещения. Политический

дискурс, безусловно, отражает процессы изменения словаря любого языка.

С другой стороны, не меньший интерес в научных кругах вызывает исследование мифологизации современного политического сознания. Миф в политике может сознательно культивироваться в качестве эффективного иррационального средства решения рациональных политических задач. В этой связи возрождаются ранее развенчанные мифы, которые приобретают новые формы, но не исчезают. Важно также отметить тот факт, что в наше время происходит усиление мифологизации политического сознания.

Актуальность исследования также обусловлена современной потребностью расширения межнациональных отношений, необходимостью всестороннего изучения европейских вообще и английского языка в частности взаимосвязью с культурной составляющей носителей этих языков. В эпоху глобализации большое значение имеет политическая деятельность, представляющая собой наиболее эффективный способ влияния на реальный и виртуальный мир человека. Исходя из сложившейся за последнее время социальной и политической ситуации, несомненный интерес вызывает международный диалог.

В ходе исследования были изучены и проанализированы научные труды Ю. Хабермаса, Т. ван Дейка, М. Фуко и М. Хайдеггера. Некоторые аспекты политического дискурса находят свое отражение и в работах отечественных ученых, среди которых следует отметить П. Кузьмина, М. Ильина, Е. Шейгал, А. Михалева, Е. Переверзева, Е. Кожемякина, Г. Почепцова, В. Павлуцкого, М. Гаврилову, Дж. Сейдел и М. Гейси.

Комплексное рассмотрение специфики функционирования мифологизмов в сопоставительном аспекте в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе показало, что

- многозначность понятия «дискурс» обусловлена историей его становления и неопределенностью места дискурса в системе существующих категорий и модусов проявления языка;

- границы определения термина «дискурс» является достаточно размытыми. Данное понятие не имеет однозначной и конкретной трактовки, поскольку используется различными научными дисциплинами и имеет сложную и многоаспектную природу;

- политика, в отличие от иных областей человеческой жизни, носит преимущественно дискурсивный характер: большинство политических действий является речевыми по своей природе;
- одной из важнейших функций политического дискурса, выделяющих его из общего языкового контекста, лингвисты считают функцию убеждения;
- мифы связаны с языком, который одновременно берет в них свое начало и является средой их распространения;
- политические мифологизмы реализуются по определенному, искусственно созданному, управляемому сценарию с наличием действующих лиц, хронологических и пространственных декораций и определенным регламентом действий;
- англоязычный политический дискурс имеет больше источников пополнения мифологизмов (превосходит русскоязычный политический дискурс по этому параметру почти в два раза);
- в англоязычном политическом дискурсе не отмечается столь выраженного персонифицирующего характера мифологизмов, как это наблюдается в русскоязычном, где обнаруживается больше мифологических сравнений и метафор в отношении российских политиков.

Теоретические основы исследования политического дискурса возникли в Британской (кембриджской и оксфордской) философских школах в 50-е гг. XX в. в связи с анализом лингвистического контекста общественного мнения. К классическим работам по данной проблематике принадлежат труды Т. ван Дейка, Ю. Хабермаса, Р. Барта, Н. Фэркло, П. Серию, а также исследования отечественных авторов А. Баранова, О. Шейгал, Г. Почепцова и др. Теме дискурса посвящено много исследований, авторы которых трактуют его настолько широко, что сам термин «дискурс» стал шире термина «речь».

Многозначность понятия «дискурс» обусловлена историей его становления и неопределенностью места дискурса в системе существующих категорий и модусов проявления языка¹⁵³. Данное понятие происходит от латинского слова *discursus*, что буквально означает «блуждать». Со временем термин приобретает различные

¹⁵³ Сорокин О. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия. – М., 1997. – С. 57.

значения. В переводе с английского *discourse* означает «язык, беседа, выступление, диалогическая речь», во французском языке *discours* – «речь»; прилагательное «дискурсивный» одновременно приобретает стойкое значение – «логический, мыслительный, опосредованный». В словаре Якоба и Вильгельма Гримма дискурс имеет два значения: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция¹⁵⁴.

Своим появлением термин «дискурс» обязан С. Харрису, который внедрил дистрибутивный метод и на его основе рассматривал дискурс как высказывание, сверхфразовое единство в контексте других единиц и связанной с ними ситуацией. В научной литературе 70-х годов слово «дискурс» преимущественно употребляется, как синоним слова «текст». Два термина – дискурс и текст – отождествлялись, что объяснялось отсутствием в некоторых европейских языках слова, соответствующего франко-английскому «дискурсу», которое заменялось термином «текст», причем под текстом понимают не только определенный продукт речевой деятельности, но и любое явление действительности, имеющее знаковую природу и определенным образом структурированное, например митинги, дебаты. С тех пор термин «дискурс» получает широкое применение в современной лингвистике. В конце XX в. большое количество лингвистов исследует различные стороны дискурса. Термин получает всевозможные определения и толкования.

Политика носит преимущественно дискурсивный характер: большинство политических действий является речевыми по своей природе. Речь политика, политическая коммуникация, политический дискурс – термины, которые во многом взаимосвязаны. Нередко отождествляются термины «политический дискурс» и «политическая коммуникация», а язык рассматривается как структурированная совокупность знаков, образующих семиотичный характер политического дискурса.

Дискурс, в т. ч. политический, выражен в тексте, возникая и выявляясь в тексте посредством текста, но не ограничиваясь им и не сводясь к какому-либо одному тексту. Дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процес-

¹⁵⁴ Ансокова Д. В. Англоязычный политический дискурс: функциональная характеристика // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – С. 58–61.

сы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. Дискурс – это текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, он выходит за пределы текста и включает в себя различные условия его реализации¹⁵⁵.

Политический дискурс в лингвистике относится прежде всего к сфере языковой деятельности. Современные научные представления о политическом дискурсе разнородны, противоположны друг другу. Крайние точки зрения в определении политического дискурса связаны с «ментальными картами ученых» так трактуются особенности индивидуальных подходов и методов в разных отраслях научного знания. Дискурс всегда идеологически окрашен и поэтому предстает как единство суммы компонентов: предмет обсуждения, социальная ситуация и идеология.

Исследуя связь мифа и культуры, необходимо рассматривать сущность мифологии и ее роль в политическом пространстве, а также причины возникновения мифов и связанных с ними политических мифологизмов, которые имеют свое устройство и цели.

Понятие мифа как междисциплинарная категория, используемая в философии, социологии, этнологии, культурологии и других науках, в течение последнего века меняло свою парадигму¹⁵⁶. Ведь если раньше оно применялось только к первобытной эпохе и употреблялось в контексте исследования мифического мировоззрения первобытного общества, то уже сейчас исследователи (К. Леви-Стросс, Э. Кассирер, Дж. Кэмпбелл, Е. М. Мелетинский, Р. Барт) соглашались с тем, что это понятие присутствует и в современном обществе, а мифическое сознание присуще человеку как концепт, помогает индивиду в его адаптации к окружающим условиям и способствует социализации и процессам идентификации.

На первых стадиях развития общества своего рода матрицей, характеризующий определенный тип идеальной детерминации политических отношений, и одновременно принципом организации политического сознания и общественного сознания вообще был миф. Как универсальная форма мировосприятия, которая сложилась до появления политики, как таковой, миф использовал фанта-

¹⁵⁵ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

¹⁵⁶ Садуов Р. Т. Мифология в политическом дискурсе: анализ речей Тони Блэра // Политическая лингвистика. – 2008. – № 26. – С. 95–101.

стических богов, героев или демонических существ, которые не только идеализировали будущее, но и содержали в себе дихотомическое противостояние в настоящем¹⁵⁷. За счет такого «наивного олицетворения» действительности фантастические образы не столько объясняли реальность, сколько транслировали воспринимаемого как настоящую реальность коллективные переживания (в том числе политические) и впечатления.

Причину особого внимания к мифологическим и фольклорным темам можно объяснить вечным стремлением человека к познанию духовного мира и единства с ним. Ограниченные возможности мифотворчества не предусматривали особых логических операций для обоснования картины мира. Главными механизмами символизации были вера, традиции, обычаи, а также героизация примеров из жизни видных людей. В связи с этим, как отмечает А. И. Соловьев, «производство символических образов было неразрывно связано с нуминозным (т. е. связанным с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего божественного присутствия) характером событий и личностей, которые подпитывались разного рода рассказами и легендами»¹⁵⁸.

Миф претендует на абсолютное значение, поскольку в центре его внимания являются отношения человека с миром в целом, универсумом. По утверждению Е. Мелетинского, мифологический подход не оставляет места для сомнений, противоречий, для методологического хаоса¹⁵⁹. Миф дает такое объяснение мира, что универсальная гармония остается незыблемой. Создаваемая мифом система политических отношений была откровенно культовой. Оценка событий производилась за счет догм и моральных принципов, вне пределов которых реальные события теряли свой смысл и воспринимались в качестве элементов, которые не заслуживали оправдания и поэтому находились как бы на грани бытия.

Миф является имманентной константой человеческого сознания и не соотносится с конкретными историческими или социаль-

¹⁵⁷ Кравченко И. И. Политическая мифология: вечность и современность / И. И. Кравченко // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 3–17.

¹⁵⁸ Соловьев А. И. Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестник Московского университета. Серия 12. – 1995. – № 2. – С. 31–41.

¹⁵⁹ Мелетинский Е. М. Мифологическое мышление. Категории мифов // Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. – М.: РГТУ, 2000. – С. 30.

ными реалиями; поэтому миф является выразителем вневременных вечных истин. Миф можно оценить как универсальный способ человеческого мироощущения¹⁶⁰. Восприятие и понимание человеком окружающего мира часто выходит за рамки логического объяснения, поэтому обращение к архаическому помогает раскрыть непознанное. Исследование мифа предполагает парадигматический подход, ведь миф ориентирован на прецеденты, примеры, прототипы поведения. Поэтому в мифах наблюдаем постоянное повторение сакральных событий, имевших место в начале существования человечества, и резкое противопоставление мифического и современного (оппозиция сакрального и профанного). События сакрального измерения рассматриваются как прецедент, который является примером для подражания. Поэтому в мифах категория времени объединяет два аспекта: настоящее (синхронный срез) и прошлое (диахронный срез). Это подтверждает положение по теории Клода Леви-Стросса о мифе как элементе диахронического (исторический рассказ о прошлом) и синхронического среза (средство объяснения настоящего и будущего бытия).

Изучая специфику функционирования мифологизмов в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе, мы рассматриваем их количественные и качественные характеристики, словообразование, деривацию, а также этнокультурную специфику мифологизмов.

Исследование проводилось на материалах выборки примеров англоязычного политического дискурса на основе корпусов текстов Hansard Corpus (British Parliament). Источником мифологизмов русскоязычного политического дискурса послужили конкордансы корпуса «Национальный корпус русского языка», содержащий лексику современного русского языка общим объемом более 600 млн слов.

Непосредственно для выборки примеров был задействован «Газетный корпус (корпус современных СМИ)», который был открыт в 2010 г. и охватывает статьи из средств массовой информации 2000-х годов. Значительные объемы текстов СМИ, доступные в электронном виде и предоставляющие большой интерес для изу-

¹⁶⁰ Горюнов С. В. О соотношении мифологии и онтологии (в свете идей В. И. Вернадского) // Ноосфера и художественное творчество / отв. ред. В. В. Иванов. – М., 2009. – С. 88–100.

чения языковых изменений в режиме реального времени, не могут быть полностью включены в основной корпус, поскольку нарушили бы его репрезентативность, как тематическую, так и хронологическую. Для отдельного газетного корпуса такого ограничения нет; по объему он сопоставим с основным.

Корпус газетных текстов включает примерно равные объемы текстов семи СМИ – как печатных газет («Известия», «Комсомольская правда»), так и электронных агентств (РИА «Новости», РБК, «Новый регион»). Предполагается постоянное пополнение корпуса; каждый год выпуска должен быть представлен одинаковым объемом текстов в несколько десятков миллионов словоупотреблений.

В ходе исследования нами было обнаружено более 100 мифологизмов. Согласно данным корпуса Hansard Corpus (British Parliament) (<http://www.hansard-corpus.org>), содержащего 7,6 млн речей, 1,6 млрд слов и охватывающего период с 1803 по 2015 гг., под интересующей нас рубрикой *Mythical creature/object* обнаруживается 57 наименований мифических существ или объектов.

Основным отличием мифологизмов русскоязычного и англоязычного политического дискурса, по данным исследованного фактического материала, является большее разнообразие последнего. Так, русскоязычные мифологизмы по источнику происхождения можно поделить только на пять групп (греческие, славянские, скандинавские, библейские, относящиеся к общемировой мифологии), в то время как англоязычные делятся на 9 групп (мифологизмы Древней Греции, мифологизмы из Библии, мифологизмы Скандинавии, мифологизмы, пришедшие из фольклора и легенд, мифологизмы, пришедшие из литературы, германские мифологизмы, французские мифологизмы, славянские мифологизмы, арабские мифологизмы).

Еще одной отличительной чертой является наличие в англоязычном политическом дискурсе довольно большого числа по сравнению с русскоязычным дискурсом параллельных форм (*Valkyrie* и *Valkyr*) и синонимов (*Yeti* и *Snowman*) среди мифологизмов.

К основным сходствам можно отнести частотно представленные общие источники мифологизмов русскоязычного и англоязычного

зычного политического дискурса (греческая мифология, Библия, общемировая мифология).

В количественном плане совпадают частотные мифологизмы (дракон и Dragon). Вместе с тем английское слово Dragon имеет длинный синонимический и деривативный ряд в отличие от русского слова дракон, ср.: Draconian, Dragon, Draconic, Wyvern, Drake.

С другой стороны, в англоязычном политическом дискурсе не было отмечено столь выраженного персонифицирующего характера мифологизмов, как это наблюдается в русскоязычном, где обнаруживается больше мифологических сравнений и метафор в отношении российских политиков.

На словообразовательно-деривационном уровне англоязычный политический дискурс представлен существительными и прилагательными, русскоязычный – только существительными.

В обоих политических дискурсах присутствуют этнокультурно-специфичные мифологизмы, т. е. связанные только с культурой данного этноса, например, Баба-яга, Кикимора, Кощей в русском политическом дискурсе и Wyvern, Boojum, Kraken – в англоязычном.

В количественном и качественном плане трудно судить о том, в каком из политических дискурсов больше и разнообразнее представлены мифологизмы. Англоязычный политический дискурс имеет больше источников пополнения мифологизмов (превосходит русскоязычный политический дискурс по этому параметру почти в два раза). Напомним также, что как русскоязычный, так и англоязычный политический дискурс характеризуется наличием мифологизмов, источником которых могут являться мифологии различных цивилизаций и этносов, Священное Писание, фольклор и даже художественные произведения.

Макарова О. А.
Makarova O. A.

Mythologisms in political discourse

***Abstract:** The research focuses on political communication in the modern world. It studies the functioning of mythologisms in English-speaking and Russian-speaking political discourse that belongs to the specific sphere of language activity.*

Key words: discourse, political discourse, political communication, myth, mythologism, text, context.

3.3. Политическая корректность и эвфемизмы в системе политического дискурса

По мнению русского филолога и культуролога Ю. В. Рождественского, политическая корректность представляет собой конфликт культурного характера¹⁶¹. Культурные конфликты являются неотъемлемой частью современного общества, но в интересах благополучного общественного развития их необходимо изучать. Кроме того, конфликты, в независимости от того, носят они культурный или какой-либо другой характер, нужно разрешать. В настоящее время не существует достаточного количества исследований на эту тему, так как политическая корректность как явление существует относительно недавно.

Политическая корректность (также политкорректность; от английского *politically correct* – «соответствующий установленным правилам») – практика прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определённых социальных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п. Термин усвоен русским языком из английского в 1990-е и приобрёл в реальном применении весьма отличное от оригинального значения.

По некоторым данным термин «политическая корректность» появился в середине 1960-х годов и связан с деятельностью комиссий, которые рассматривали конфликты между субъектами кинематографической индустрии и различными группами населения. Речь идет прежде всего о Соединенных Штатах и Голливуде. Природа этих конфликтов зачастую была одинакова: все отрицательные персонажи по национальности были мексиканцами, афроамериканцами или индейцами. После выхода фильма на широкий экран обязательно появлялись недовольные представители этих этнических групп. Зачастую они подавали в суд на производите-

¹⁶¹ Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение. – М.: Добросвет, 2000. – 288 с.

лей, и начиналась длинная судебная тяжба. В итоге, кинорежиссеры решили создать организацию, которая следила бы за этими проблемами ещё в ходе съемки¹⁶². Однако эта группа не являлась официальной организацией. Если фильм (или иная продукция) проходил такую экспертизу, про него говорили, что он политически корректен, так как не содержит диффамации¹⁶³ (распространение порочащих сведений) по отношению к какой-либо группе. К началу 1980-х политкорректность в США превратилась в полноценный социальный институт, который распространил свое влияние не только на кинематограф, но и практически на все сферы жизни. Схожий процесс прошел и в других западных странах, например Германии.

По другим данным самым первым упоминанием о политкорректности считается резюме Верховного суда в Джорджии 1793 года, где говорилось «не корректен политически» (*not politically correct*). Однако в то время это означало просто, что заявление не правильно с литературной точки зрения, и это не затрагивает политические нормы Соединенных Штатов¹⁶⁴.

Согласно другим источникам термин «политическая корректность» (*political correctness*) был впервые предложен Карен де Кроу – президентом Американской национальной организации в защиту прав женщин (*National Organization for Women*)¹⁶⁵ в 1980 году.

¹⁶² Галецкий В. Скромное обаяние политкорректности // Дружба народов. – 2006. – № 9. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/9> (дата обращения: 09.10.2017).

¹⁶³ Диффамация – распространение порочащих сведений, которые могут не носить клеветнического характера, или опозорение в печати, известна уголовному законодательству как преступление, близкое к клевете, но отличающееся от неё двумя признаками: 1) диффамация есть оглашение каких-либо позорящих фактов в печати, тогда как клевета может быть совершена как в печати, так и на словах (публично) или в письме; 2) в диффамации преступный момент заключается в самом оглашении в печати позорящих сведений, независимо от их правильности.

¹⁶⁴ Политкорректность. – URL: <http://www.etiquettebook.ru/polit.htm> (дата обращения: 15.09.2017).

¹⁶⁵ The National Organization for Women (NOW) – самая большая феминистская организация в США. Была основана в 1966 году.

Последние же считают, что политкорректность была выработана как система постулатов в тридцатых годах двадцатого века Франкфуртской школой в Германии. Уже к семидесятым годам этот термин приобрел ироническую окраску в политике, которая описывала чужие взгляды, как сухую приверженность доктрине. Близко к нему подошло и понятие «идеологическое звучание», которое впервые было упомянуто в сатирическом произведении, а уж потом вошло в массы.

Термин «политическая культура» был впервые введен в 1956 г. Г. Алмондом, который полагает, что это – «особый тип ориентации людей на политическое действие, отражающий специфику той или иной политической системы. С одной стороны, политическая культура является частью общей культуры общества. Однако, с другой стороны, она связана с определенной политической системой, которая господствует в данном обществе»¹⁶⁶.

Некоторые авторы (А. А. Галкин, В. Д. Ольшанский) склоняются к факту существования двух понятий политической культуры: 1) некий накопленный поколениями людей национальный и социальный опыт, 2) определенная форма поведения¹⁶⁷. При этом акцентируется внимание на «межпоколенческой передаче» политической культуры, которая представляется как «процесс закрепления в сознании граждан определенной системы ориентаций на ценности, нормы и образцы политического поведения».

Как пишет С. Г. Тер-Минасова, культурно-поведенческая и языковая тенденция, получившая название политической корректности (*political correctness*), родилась более четверти века назад в связи с «восстанием» африканцев, возмущенных «расизмом английского языка»¹⁶⁸. Началось это движение с африканских пользователей английским языком, возмущившихся негативными коннотациями метафоры слова *black* (черный). Оно немедленно и очень активно было подхвачено феминистскими движениями, борющимися за права женщин в современном обществе. Иными

¹⁶⁶ Almond G. *Comparative Political Systems* // *Journal of Politics*. – 1956. – Vol. 18, No 3. – P. 393.

¹⁶⁷ Ольшанский Д. В. *Политико-психологический словарь*. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 567 с.

¹⁶⁸ Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие*. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

словами, политическая корректность требует убрать из языка все те языковые единицы, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, а точнее – найти для них нейтральные и положительные эвфемизмы.

Можно отметить, что политическая корректность сформирована не социальными слоями общества, не этническими или иными группами, но лишь теми их представителями, которые не принимают культурную традицию, считая себя ее жертвами, и объединяются в группы по этому признаку. Они протестуют, по сути, не против социальных стереотипов, а против культурных – моральных, научных, образовательных – стереотипов. И именно на этой почве объединяются афроамериканцы и коренные жители Америки с феминистками, гомосексуалистами и лесбиянками, с больными СПИДом и т. д., происходящими из различных слоев общества.

Ю. В. Рождественский подчеркивает, что не только культура социальных групп, но и культура поколения занимает особое место в культуре общества. «Люди, вступающие в общественную жизнь, не владеют ни духовной, ни материальной культурой. Им доступна только физическая культура. Но новые поколения стремятся овладеть духовной и материальной культурой. Это порождает конфликт поколений. Чаще всего молодые претендуют на овладение материальной культурой. Но для этого надо овладеть духовной культурой. Когда это не удается или удается не вполне, создаются новые семиотические произведения, претендующие на новую духовную культуру. Так образуется новый стиль»¹⁶⁹.

Говоря о развитии языка за счет изменения социальной среды, хотелось бы привести мнение австро-английского философа XX века Людвиг Витгенштейна. Он считал, что значение слова может меняться в процессе изменения социальной среды. Он ввел понятие языковой игры, чтобы показать, что значение слов возникает из контекста их применения. Изменение контекстов меняет значения слов. Значение конкретного слова возникает в ходе «игры» из сочетания и соотнесения нескольких контекстуальных значений. В более широком смысле под языковой игрой Л. Витгенштейн понимал «жизненную форму», то есть сочетание некоторых правил

¹⁶⁹ Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики / Ю. В. Рождественский. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1999. – 123 с.

установления значений с социально-исторической практикой, элементом которой они, эти правила, являются.

Уильям С. Линд¹⁷⁰ в своей статье (The Origin of Political Correctness от 5 февраля 2000 года) предполагает, что политкорректность это не что иное, как марксизм в своем культурном проявлении (“It is Marxism translated from economic into cultural terms”). Он проводит некоторые параллели между марксизмом и политической корректностью.

Среди общих черт У. С. Линд выделяет, во-первых, тоталитарную идеологию, целью которой является контроль всех общественных сторон жизни человека. По его мнению, политическая корректность пришла к нам из американских кампусов, где у студентов, или преподавателей, которые предвзято относились к феминисткам, борцам за права афроамериканцев и так далее, сразу же появлялись проблемы с законом.

Во-вторых, общей чертой является объяснение истории человечества. Согласно марксистской теории, история регулируется условием наличия средств производства. В то время как согласно «культурному марксизму» или политической корректности (что для У. С. Линда является тождественными понятиями) история предопределяется властью групп, характеризующихся расовой, сексуальной или другой принадлежностью.

В-третьих, общим является классическое деление на группы. В первом случае это экономическое деление: работники и крестьяне – важные группы, в то время как буржуазию и капиталистов образно можно назвать «злом», в то время как феминистки, афроамериканцы, представители других этнических групп автоматически приравниваются к «жертвам». Белые мужчины автоматически являются злом и приравниваются к буржуа.

Ну и, в-четвертых, по мнению У. С. Линда, экономический и культурный марксизм основывается на лишении человека собст-

¹⁷⁰ Уильям С. Линд (William S. Lind) – директор центра «За культурный консерватизм» образованной в 1978 г. при Free Congress Foundation. Выпускник Dartmouth College, научную степень получил в Princeton University, где продолжает преподавать в настоящее время. Сделал военную карьеру (морская пехота), политическая карьера началась в конце 70-х на посту помощника сенатора Р. Тафта (Огайо), а позже – советника сенатора Г. Харта (Колорадо) по военным вопросам.

венности. В первом случае собственности, имеющей экономическую значимость, во втором же случае это подразумевает деконструкцию¹⁷¹ – подмену понятий в тексте на желаемые. Например, следуя стереотипам относительно превосходства мужчин над женщинами, мы можем интерпретировать тексты В. Шекспира как желание подавить женщин.

По мнению У. С. Линда, эти параллели не случайны. В своей статье он выдвигает собственную теорию относительно появления политкорректности. Конечно, нельзя точно утверждать, что политическая корректность является неким продолжением марксистской теории, тем не менее отчетливо видны параллели в их основных принципах и общей идеологии.

Обнаруживая марксистские корни политкорректности, сторонники этой версии указывают на то, что классический марксизм в начале двадцатого века столкнулся с трудной интерпретативной проблемой: как объяснить то, что пролетариат Европы не поднимается на революцию и не создает новый, марксистский порядок? Целый ряд неомарксистских теоретиков, среди которых особенно выделяются Антонио Грамши, Дьерд Лукач, Теодор Адорно, Герберт Маркузе и другие авторы нашли ответ на этот вопрос. Они считали, что пассивность пролетариата связана с западной культурой, которая «ослепляет рабочих», делая их членами общества потребления, не замечающими, что потребность в очередной покупке цементирует капиталистический способ производства. На новом витке развития капитализма эксплуатация осуществляется более изощренными методами через рекламу, моду, средства массовой информации, PR, престижное потребление и т. п. Основным призывом неомарксистов сводился к призыву уничтожения западной культуры, неразрывно связанный с уничтожением ее культурных кодов. Таким образом, политическая корректность, по мнению У. С. Лин-

¹⁷¹ Деконструкция – освобождение слов и текстов, а также любых продуктов культуры от несомых ими смыслов, связанных с отражениями властных отношений; способ восприятия культуры в контексте «понимающей критики»; термин предложил Ж. Деррида // Lind W. S. PC Marxist Roots Unearthed. – URL: http://www.blueagle.com/editorials/Lind_982.htm (date of access: 19.06. 2016).

да, – это «ни меньше ни больше как марксизм, переведенный из экономической плоскости на культурную терминологию»¹⁷².

Необходимо признать, что в советской идеологии и пропаганде действительно присутствовали достаточно политкорректные положения об интернационализме и борьбе с расизмом, а также некоторые другие постулаты. Однако считать политкорректность исключительным порождением неомарксистской идеологии – это явное преувеличение. На наш взгляд, политическую корректность следует рассматривать как проявление идеологии либерализма в условиях мультикультурного и разнородного общества. Об этом же пишет Марио Корти – директор Русской службы радио «Свобода – Свободная Европа», который также обращает внимание на секулярный характер этой концепции¹⁷³. Очевидно, что идеологическим основанием политической корректности является не марксизм, а либерализм, который последовательно отстаивает права личности и гражданина.

Кроме либеральной идеологии, теория и практика политической корректности в значительной мере основывается на так называемой лингвистической гипотезе Сепира – Уорфа¹⁷⁴. Авторы концепции, американские лингвисты Э. Сепир и Б. Л. Уорф, доказывали, что восприятие окружающего мира и поведение людей зависят от того языка, на котором они общаются. Э. Сепир полагал, что язык, культура и личность сливаются в единое целое; язык – это «символический ключ к поведению», потому что опыт в значительной степени интерпретируется через призму конкретного языка и наиболее явно проявляется во взаимосвязи языка и мышления. Под влиянием лекций и работ Э. Сепира Б. Л. Уорф сфор-

¹⁷² Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. – Л., 1988. – 78 с.

¹⁷³ Кипрская Е. В. Национально-специфические особенности политкорректной лексики (на примере русского и английского языков). – URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/167.pdf> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁷⁴ Гипотеза Сепира – Уорфа (Sapir-Whorf hypothesis), гипотеза лингвистической относительности – концепция, разработанная в 30-х годах XX века, согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности. Предполагается, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир и по-разному мыслят. В частности, отношение к таким фундаментальным категориям, как пространство и время, зависит в первую очередь от родного языка индивида; из языковых характеристик европейских языков.

мулировал гипотезу лингвистической относительности, которая впоследствии была названа гипотезой Сепира – Уорфа. Несомненно, что идеологи современной политической коммуникации в демократических странах не могли пройти мимо такой концепции, позволяющей, теоретически, влиять на исправление тяжелых последствий исторической несправедливости. Речь прежде всего шла о расовой дискриминации. Но затем внимание переключилось и на другие формы дискриминации или пренебрежительного отношения к меньшинствам.

Итак, первый пласт лексики, которую затронули эти изменения, слова, обозначающие расовую принадлежность. Примером политкорректности по отношению к национальным и этническим меньшинствам является состоявшееся в США общественное признание недопустимости называния чернокожих американцев «неграми» (*Negroes*). Одной из причин является близость этого слова к ругательному «ниггер». В последнее время по отношению к гражданам США даже термин «чёрные» (*black*) используется всё реже, заменяясь на «афроамериканцы» (*African Americans*), хотя в Африке живут не только негры. Изменения также замечены и в словах, касающихся описания людей с теми или иными физическими или умственными особенностями. Например, в современном обществе не прилично говорить *bald* (лысый), а принято говорить *follicularly challenged* (тот, у кого проблемы с волосным покровом). Вместо слова *ugly* (безобразный) лучше употребить *under-attractive* (недостаточно красивый).

Как пишет В. В. Панин, особенно последовательно идеи политической корректности проявляются в сфере образования¹⁷⁵. Из-за многообразного этнического состава учащихся в учебных заведениях США вводятся новые стандарты образования, которые основаны на принципах «культурного многообразия» (*cultural diversity*) или «мультикультурализма» (*multiculturalism*). Сторонники мультикультурализма призывают учитывать при обучении такие факторы, как расовая и этническая принадлежность, пол, общественное положение, язык, религия, возраст и другие. На основе культурного многообразия ведутся попытки создать инклюзивный

¹⁷⁵ Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – С. 7.

(inclusive) учебный план, включающий достижения разных культур и одновременно отказаться от признания канонов западноевропейской культуры в качестве образцов для подражания. Выдвигаются, в частности, предложения о необходимости изучения студентами в первую очередь достижений культуры той нации или расы, к которой они относятся.

Особенно сильно политкорректность затронула вопросы, касающиеся вероисповедания. В настоящее время существует политически корректное издание Библии. Например, в ней, вместо традиционного использования слова *men* мы встретим слово *people*. Местоимения *he* и *him* либо опускаются, либо заменены на политически корректный вариант *brother or sister*, который подразумевает не только лиц мужского пола, но и женщин¹⁷⁶.

Центральным понятием политической лингвистики является политический дискурс, который представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом.

Одним из наиболее заметных исследований политического дискурса последних лет является работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса», с точки зрения которой политический дискурс, как и другие виды дискурса, имеет два измерения: реальное и виртуальное. Под реальным измерением исследователь понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов.

Виртуальное измерение дискурса, по мнению Е. И. Шейгал, – это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир

¹⁷⁶ Корти М. Столкновение культур и политическая корректность // Независимая газета. – 2003. – 24 марта.

политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере¹⁷⁷.

Несомненно, политический дискурс нашел в себе отражение проявления политической корректности. Анализируя речи политиков и публичных людей нашего времени, мы можем видеть, как меняет их речь, если быть точнее, то какие происходят изменения в той лексике, которую они используют.

Одни ученые пользуются этим термином как данным априори и не требующим комментария, например А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич: «Политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений...»¹⁷⁸. Необходимо отметить, что многие ученые подвергают сомнению само существование феномена политического языка. Б. П. Паршин считает «совершенно очевидным, что чисто языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь просто поддаются идентификации. То, что обычно имеется в виду под «языком политики», в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков...» и приходит к выводу о том, что под политическим языком подразумевается вовсе не язык, или, по крайней мере, не совсем и не только язык. Похожее мнение существует и в работе Д. Грейбер: «Политическим язык делает не наличие какого-то специфического вокабуляра или специфических грамматических форм. Скорее это содержание передаваемой информации и выполняемые функции»¹⁷⁹. Многие, не отрицая факт его существования, пытаются определить, в чем заключается его своеобразие. Сторонники данной точки зрения считают, что языку политики свойственно специфическое содержание, а не форма. В

¹⁷⁷ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2002. – 367 с.

¹⁷⁸ Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации: Советский политический язык (от ритуала к метафоре). – М.: Знание, 1991. – 64 с.

¹⁷⁹ Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. – Beverly Hills, L.: Sage Publications, 1981. – P. 198.

формальном отношении язык политики отличается лишь небольшим числом канонизированных выражений и клише.

Важнейший для политической лингвистики термин «дискурс» не имеет до настоящего времени единого определения. Политическая «жизнь», определяющая восприятие текста, максимально многообразна. Поэтому в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять не порождение и восприятие речи. К числу таких компонентов относятся другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представление автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст.

Как пишет А. П. Чудинов¹⁸⁰, важным элементом дискурса является соотношение данного текста с множеством других текстов, ориентированных на описание одних и тех же событий.

С точки зрения лингвистики, политически корректные высказывания очень сильно напоминают эвфемизмы, которые, «будучи эмоционально нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными». Так, например, вместо слова «соврать» большинство людей предпочитает говорить «уклониться от истины», вместо «струсить» – «проявить осторожность» и т. п. Если противоположным вариантом эвфемизмов являются дисфемизмы, то в области политической корректности – это умышленное использование некорректных выражений по отношению к различным группам граждан.

Тем не менее существует несколько отличий политкорректности от обычных эвфемизмов. С семантической точки зрения политкорректность значительно шире обычных эвфемистических конструкций, так как она «задействует не только лексикологический, но и синтаксический, морфологический, словообразовательный уровни»¹⁸¹.

Во-вторых, политическая корректность направлена на решение конкретных политических проблем. Обычная человеческая вежли-

¹⁸⁰ Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М.: Наука, 2006. – С. 16.

¹⁸¹ Олышанский Д. В. Политическая психология. – СПб.: Питер, 2002.

вость связана с желанием наладить доброжелательные отношения с конкретным человеком, в то время, как политически корректное выражение – это выражение, введенное с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения.

Рассмотрим понятие эвфемизации речи подробнее. Эвфемизм (греч. «благоречие») – нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений («в интересном положении» вместо «беременная», «сходить по-пудрить нос» вместо «сходить в туалет» и тому подобное). В политике эвфемизмы часто используются для смягчения некоторых слов и выражений с целью введения общественности в заблуждение и фальсификации действительности.

В основе явления эвфемизма лежат глубоко архаичные пережитки языковых табу (запретов произносить прямые наименования таких опасных предметов и явлений, как, например, богов, болезней или мертвецов, поскольку акт называния, по дологическому мышлению первобытного человека, может вызвать само явление) – таковы эвфемизмы типа: «нечистый» вместо «черт», «покойный», «почивший» вместо «мертвец»; в некоторых случаях подобный эвфемизм полностью замещает в языке табуированное слово.

В отличие от обычной лексики, эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений как «приличных» и «неприличных». С этим связана историческая изменчивость статуса эвфемизма: то, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению, в следующих поколениях может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены.

Хотелось бы отметить несколько целей эвфемизации речи:

1. Основная цель, которая преследуется говорящим при использовании эвфемизмов, – стремление избегать коммуникативных конфликтов, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта. В эвфемизмах, преследующих эту цель, в более «мягкой» по сравнению с иными способами номинации форме называется объект, действие, свойство.

2. Вуалирование, камуфляж существа дела – еще одна цель, с которой создаются и употребляются эвфемизмы.

3. Эвфемизмы могут употребляться с целью скрыть от окружающих то, что говорящий хочет сообщить только конкретному адресату. Разумеется, такого рода «зашифрованность» сообщения относительна, и очень скоро она становится мнимой, в особенности, если подобные сообщения содержатся не в частной переписке, а публикуются и тем самым делаются доступными для интерпретации каждому читающему и слушающему.

Политическая корректность – это скорее стратегия, эвфемизмы же – тактика, тактические уловки, с помощью которых либо соблюдается, либо нарушается баланс взаимодействия между отдельными лицами, группами, сообществами. Кроме того, политическая корректность – не только или не столько языковое, сколько культурное явление. И это неудивительно, так как все изменения в собственно культурной сфере отражаются в языке, а языковые изменения, в свою очередь, активно участвуют в культурных процессах и влияют на них. Язык является главной знаковой реалией культуры, а языковая картина мира отображает мировоззрение носителей языка.

Российские ученые, занимающиеся проблемой политической корректности (Ю. Л. Гуманова, А. В. Остроух), полагают, что по своим функциям политически корректные слова и выражения однотипны с эвфемизмами¹⁸². Как известно, эвфемизмы, будучи «эмоционально нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными». В повседневной жизни мы очень часто употребляем эвфемизмы. Например, вместо «старый человек» мы скажем «пожилой человек», вместо слова «соврать» предпочтем употребить выражение «уклониться от истины», а начальника самодура в присутствии третьих лиц большинство из нас охарактеризует как «человека со сложным характером».

Согласно А. М. Кацеву, «эвфемизмы есть способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного,

¹⁸² Остроух А. В. Политическая корректность в США: культурологический аспект проблемы: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 179 с.

постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами»¹⁸³.

«Эвфемизм, – пишет В. И. Заботкина, – возникает по ряду прагматических причин (вежливость, деликатность, щепетильности, благопристойность, стремление завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности)»¹⁸⁴.

Рассмотрим наиболее распространенные группы эвфемизмов современного английского языка. В целом можно выделить четыре больших группы эвфемизмов.

В первую большую группу входят эвфемизмы, смягчающие различные виды дискриминации.

Вторая большая группа эвфемистической лексики основана на принципе табуирования и направлена на уменьшение суеверного страха перед какими-либо явлениями (болезнь, смерть и т. д.).

К третьей группе относятся эвфемизмы, поднимающие престиж отдельных профессий.

Четвертая группа эвфемистической лексики – это эвфемизмы, отвлекающие внимание от негативных явлений действительности.

Итак, проанализировав данную классификацию можно отметить, что основная цель процесса эвфемизации – избежать коммуникативных конфликтов. Кроме того, эвфемизмы в различных сферах жизни человека и общества преследуют различные цели. В целом, можно отметить, что употребление эвфемизмов направлено на формирование более уважительного отношения к людям с какими-либо недостатками. Тем самым целью использования политически корректных слов и выражений является завуалирование или намеренное искажение информации о реальных событиях или фактах, выражение чего-либо неприятного более деликатным способом.

Подводя итог исследования можно установить, что языковое явление политической корректности направлено на устранение из языка слов и выражений, имеющих негативную коннотацию. Основываясь на этих фактах, можно сделать вывод, что политическая корректность – это особый сдерживающий фактор, предотвращающий открытое выражение мыслей в обществе, способ избег-

¹⁸³ Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. – Л., 1988. – 78 с.

¹⁸⁴ Заботкина В. И. Новая лексика английского языка. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 47.

нуть вербальной агрессии, которая может послужить толчком к различного рода конфликтам.

*Степанова К. А.
Stepanova K. A.*

*Political correctness and euphemisms
in the system of political discourse*

Abstract: Political correctness for our country is a new phenomenon, developing and, as a result, little studied. Initially, political correctness emerged as a kind of social phenomenon associated with changes occurring in society. As we know, any social phenomenon is reflected in the language (the name of a new phenomenon appears and a new word appears in the language). In this article the author will trace the development of language means of expressing political correctness in connection with the emergence of this phenomenon in a modern English-speaking society, as well as will try to systematize the vocabulary, which at the moment is politically correct.

Key words: political correctness, discourse, political discourse, euphemisms, euphemism of speech, defamation, language norm, the hypothesis of linguistic relativity.

**3.4. Структурно-семантическая характеристика заглавий
художественных произведений английских писателей
XVI–XX веков**

Заглавие в течение последних десятилетий привлекает большое внимание исследователей. Особый интерес к нему объясняется и уникальным положением заглавия в тексте, и его семантической сложностью, и многообразием его функций. Заглавие является самым кратким литературно-языковым документом своего времени. Оно сохраняет жизнь произведению, благодаря смысловой емкости, так как конденсирует в себе текст, хранит его художественную информацию.

К основным задачам заглавия художественного произведения относятся: привлечение внимания читателя, установка контакта с ним, направление его ожидания.

Историческая эволюция оформления заглавия основывается прежде всего «на его способности в разные века и эпохи задавать читателю определенный горизонт ожиданий»¹⁸⁵.

В настоящее время заглавие понимается как постоянное обозначение произведения, сборника, издания, его собственное имя¹⁸⁶. Именно оно формирует у читателей предпонимание текста, становится индексом в маршруте его интерпретации. В содержательной структуре произведения заголовку также принадлежит существенная роль: он передает в концентрированной форме основную его тему и идею. «Заглавие... – как писал У. Эко в «Заметках на полях к «Имени Розы», – это ключ к интерпретации. Восприятие задается словами «Красное и черное», «Война и мир». Но как бы ни было выразительно само по себе заглавие, в полной мере понять его смысл, оценить, насколько оно удачно, можно лишь по прочтении произведения, соотнося его с уже усвоенным содержанием»¹⁸⁷.

Также при изучении заглавия необходимо затронуть вопрос обозначения его функций. Многие лингвисты, такие как Г. О. Винокур и В. Г. Костомаров, выделяют следующие функции заглавий: обозначающая, указательная и рекламная. Рекламная функция является доминантной по отношению к другим, так как привлечение читателя к тому или иному произведению, развитие его интереса с первых слов – одна из самых главных целей заглавия¹⁸⁸.

В. П. Вомперский предлагает такие функции, как коммуникативная, апеллятивная (или воздействующая) и экспрессивная. Заглавие несет в себе сообщение о предмете, в этом и отражается его коммуникативная функция. Апеллятивная или воздействующая функция проявляется в обращении к читателю, воздействуя на него и вырабатывая определенное отношение к содержанию. Загла-

¹⁸⁵ Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология. Функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1988. – С. 180.

¹⁸⁶ Стам И. С. Экспрессивный газетный заголовок и его взаимодействие текстом: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – С. 15.

¹⁸⁷ Эко У. Заметки на полях «Имени розы». – URL: <http://www.libros.am/book/read/id/92190/slug/zametki-na-polyakh-imeni-rozy> (дата обращения: 27.09.2017).

¹⁸⁸ Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – С. 98.

вие также дает характеристику личности автора, в чем прослеживается экспрессивная функция¹⁸⁹.

Л. А. Ноздрина поясняет наличие тех или иных функций у заглавия его собой ролью в тексте: «особая роль заглавия заключается в том, что оно является первым элементом текста, с которым сталкивается читатель, так называемым «выдвинутым элементом», кроме того, оно – смысловая доминанта текста. Это обуславливает те функции, которые заглавие выполняет в тексте. Среди них можно отметить номинативную, информативную, экспрессивную, апеллятивную, рекламную, функцию убеждения, конспективную, разделительную, или делимитирующую, и другие. Выдвижение на первый план той или иной функции зависит, как известно, от функционального стиля и жанра текста»¹⁹⁰.

Она считает, что в заглавии важна особенность каждого функционального стиля. «Так, если в деловых бумагах, в официальном стиле заглавие выполняет главным образом номинативную функцию и может быть просто именем текста (например, «Объявление», «Инструкция», «Резолюция»), то в художественной литературе заглавие – больше, чем имя текста, его роль значительнее, чем роль элемента, репрезентирующего текст. Оно – часть самого текста. Это подтверждается тем сложным комплексом функций и смысловых заданий, которое выполняет заглавие любого художественного произведения, теми «многоканальными» связями, которые существуют между заглавием и другими частями текста»¹⁹¹.

По мнению И. А. Кожинной, функции заглавия следует подразделять на две группы: внешние и внутренние, первые из которых отвечают за позицию автора, вторые – за позицию читателя¹⁹². Несмотря на то, что внешние функции обладают отличительной чер-

¹⁸⁹ Вомперский В. А. Искусство публицистики (проблемы теории и мастерства) // Тез. докл. на республ. науч. конф.-семинаре. – Алма-Ата, 1966. – С. 82.

¹⁹⁰ Ноздрина Л. А. Заглавие текста // Грамматика и смысловые категории текста: сб. науч. тр. им. М. Тореца. – М., 1982. – Вып. 189. – С. 185.

¹⁹¹ Там же. С. 187.

¹⁹² Кожина Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных произведений // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-н/Дону, 1987. – С. 113.

той – коммуникативным характером, они все же находятся в полном взаимодействии с внутренними функциями.

К внешним функциям относятся репрезентативная, соединительная и функция организации читательского восприятия. Репрезентативная функция обращена к читателю. Писатель, называя книгу, ставит перед читателем некоторую задачу, загадывает ему загадку. Помогает расшифровать этот замысел дальнейшее чтение книги. Соединительная функция связана с тем, что заглавие устанавливает определенную связь читателя и автора, произведения и читателя. Что касается функции организации читательского восприятия, то с ее помощью читатель настраивается на тематику, чувства и настроения, которые описываются в произведении. Функция организации читательского восприятия действует на трех уровнях организации текста и включает в себя подфункции: а) функцию организации смысла – выделения смысловой доминанты и иерархии художественных акцентов; б) функцию композиционной организации; в) функцию стилистической и жанровой организации¹⁹³.

Внутренние функции делятся на назывную (номинативную), функции изоляции и завершения и текстообразующую. Все эти функции коррелируют друг с другом¹⁹⁴. Назывная функция осуществляется автором произведения в соответствии с внутренней заданностью текста. При первом знакомстве с текстом заглавие лишь имплицитно предстает как его репрезентант. По мере чтения текста и знакомства с его содержанием познается основание номинации произведения. Функция номинации постепенно трансформируется в функцию предикации, так как происходит наращивание смысла заглавия.

Одновременно заглавие выделяет и отделяет свой текст от других текстов и тем самым обеспечивает ему необходимые условия существования и функционирования как самостоятельной единицы коммуникации: завершенность и целостность. Читатель расшифровывает значение заглавия произведения и замысел автора, тем самым и текстовая ткань произведения обретает границы сво-

¹⁹³ Кожина Н. А. Заглавие художественного текста произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. – М., 1988. – С 170–172.

¹⁹⁴ Там же. С. 180.

его развертывания. Замыкание текста заглавием обеспечивает единство и связанность ранее разрозненных смыслов. Заглавие, таким образом, становится формой образования и существования художественного текста как целостной единицы, становится формой, осуществляющей по отношению к тексту как содержанию функцию изоляции и завершения¹⁹⁵.

Что касается текстообразующей функции, то ее описание на уровне законченного текста становится возможным лишь через функцию организации читательского восприятия.

Разные функции по-разному представлены в каждом конкретном заглавии: каждое заглавие имеет собственное перераспределение функций. Происходит взаимодействие и конкуренция между внешними и внутренними функциями и между функциями каждого вида в отдельности. Окончательный вариант зависит от того, какие тенденции в формировании заглавия избирает автор как преобладающие.

В зависимости от доминирования внешних или внутренних функций выделяются внешне направленные, т. е. обращенные к читателю и воздействующие на его эмоциональную сферу, и внутренне направленные заглавия, которые ориентированы на текст и «активизируют комбинаторно-парадигматические возможности языка и работают на семантическом и композиционном уровнях организации текста»¹⁹⁶.

В ходе исследования нами было проанализировано 200 заглавий художественных произведений английских авторов XXVI–XXI веков.

В зависимости от времени написания заглавия английских произведений претерпевали изменения в своем развитии в зависимости от появления новых тенденций в литературе и в обществе в целом. Каждый век отличается своими особенностями использования заглавий.

¹⁹⁵ Кожина Н. А. Заглавие художественного текста произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. – М., 1988. – С. 181.

¹⁹⁶ Кожина Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных произведений // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-н/Дону, 1987. – С. 175.

Показателем специфики заглавий XVI века являются произведения У. Шекспира. Историческим пьесам он давал названия по именам героев-монархов “King Henry VI”, “King Richard III”. Трагедии озаглавливаются именами главных действующих лиц: “Hamlet”, “Othello”, “Romeo and Juliet” и т. д.

Заглавия, выраженные подчинительным словосочетанием, являются безусловным показателем XVII–XVIII веков. В состав таких заглавий входит существительное и его атрибут, выраженный прилагательным, местоимением, существительным с предлогом *of* и т. д. Подобные заглавия предоставляют информацию о герое произведения, о его качествах, часто и о его социальном статусе.

Для заглавий XVII–XVIII веков характерна схожая грамматическая структура или схема:

существительное + предлог of + имя собственное,

например:

“The Adventures of Roderick Random” (T. Smollet);

“The Expedition of Humphry Clinker” (T. Smollet);

“The Life of Mr. Jonathan Wild the Great” (H. Fielding);

“History of Tom Jones, a Foundling” (H. Fielding);

“A Sentimental Journey through France and Italy by Mr Yorick” (L. Sterne);

“The Life, Adventures and Piracies of the Famous Captain Singleton” (D. Defoe).

Эпитеты, характеризующие героя, в заглавии не отличаются разнообразием, и так как в основном романы представляют собой чаще всего какие-то необычные события в жизни героев во время путешествий или подробные жизнеописания, то и набор существительных также достаточно ограничен (*life, history, adventures, journey, expedition*).

Такой тип заглавий очень типичен для произведений XVIII века, однако он также типичен и для представления именно жизнеописаний и приключений, романов путешествий, и прочно ассоциируется именно с этой эпохой, поэтому У. Теккерей, представитель британской литературы XIX века, применил данный образец построения заглавия для своего исторического романа – “The History of Henry of Esmond, Esquire, Colonel in the Service of Her Majesty Queen Anne, Written by Himself”. Данное произведение представлено в виде дневника героя, и начиная от развернуто-

го названия и завершая формой романа, писатель воссоздает атмосферу той эпохи.

Использование имени собственного в виде заглавия произведения в XVII–XVIII веках становится менее популярным, и обычно персонажами произведений, чье имя вынесено в заглавие, преимущественно являются женщины – “Amelia” (H. Fielding); “Roxana” (D. Defoe). Иногда для более точного донесения авторского замысла до читателя, используются пояснения, стоящие после имени героини, часто они носят морализаторский характер: “Pamela, or Virtue Rewarded” (S. Richardson). Ричардсон использует подобный прием и для названия другого произведения “Clarissa, or the History of a Young Lady”. Его романы приобрели огромную популярность в свое время и назывались лишь по имени героини. В названиях часто упоминались и профессиональные и социально-статусные характеристики персонажа, так как подобные заглавия являются более информативными, нежели простое упоминание имени: “Colonel Jacque” (D. Defoe) и “Sir Charles Grandison” (S. Richardson).

В XIX веке, если произведение называлось именем героини, то редко упоминалась ее фамилия, так как общая тенденция в этих романах – happy end в виде свадьбы, после которой героиня меняет свою фамилию на фамилию мужа. В фокусе внимания оказывается жизнь женщины, а через ее судьбу отражается эпоха и ее нравы. К подобным художественным произведениям относятся: “Emma” (J. Austen), “Vilette” (Ch. Bronte), “Romola” (G. Elliot).

Если имя женщины в заглавии произведения сопровождается фамилией, то автор стремится подчеркнуть индивидуальность героини, не независимостью, самостоятельностью в принятии решений, как например, в романе Шарлотты Бронте “Jane Eyre” (Ch. Bronte). Фамилия же героини в романе Томаса Харди “Tess of the d’Urbervilles” (T. Hardy) вынесена в название романа, так как сыграла в ее судьбе роковую роль. Она попадает в положение межстатусного пространства, женщины, которая не может примкнуть к аристократии из-за недостатка средств и стоящей выше по происхождению, чем простолюдины, добрая и душевная женщина, опозоренная из-за соблазнения и вызывающая презрение и брезгливость у среднего класса.

Герои мужчины обычно представлены в заглавиях и именем и фамилией. Среди произведений Ч. Диккенса немало таких заглавий: “Oliver Twist”, “Nicholas Nickleby”, “Martin Chuzzlewit”, “David Copperfield”, “Adam Bede”, “Silas Marner”. Встречаются подобные названия и у других авторов – “Daniel Deronda” (G. Elliot), “David Balfour” (R. L. Stevenson). Данные художественные произведения описывают с реалистической точки зрения жизни героев в современную для них эпоху.

В данном веке появляются названия произведений, выраженные именами нарицательными. Некоторые из них нейтральны, другие апеллируют к чувствам и эмоциям. Например, название романа Р. Стивенсона “The Kidnapped”, выраженное субстантивированным причастием страдательного залога, интригует читателя, вводя в запутанную систему отношений главного героя с окружающим миром и вызывая целый спектр чувств.

Абстрактное имя существительное, вынесенное в заглавие обычно указывает на его тему – “Persuasion” (J. Austen). Загадочный талисман, влекущий к себе крестоносцев всех европейских стран, стал центром романа Вальтера Скотта и помещен в его заглавие – “The Talisman”.

Заглавия с подчинительной связью также являются распространенным типом заглавия, однако структурная схема, популярная в предыдущие века, а именно *существительное + предлог of + имя собственное*, практически не встречается. В этот период набирают популярность следующие структуры:

- 1) *прилагательное + существительное*,
- 2) *существительное + предлог of + существительное*.

Примерами таких заглавий в XIX веке могут служить “Bleak House”, “Hard Times” (Ch. Dickens), “Old Morality” (W. Scott), “The Happy Prince”, “The Selfish Giant”, “The Devoted Friend” (O. Wilde). Название “The Ideal Husband” (O. Wilde) имеет позитивную форму характеристики героя, однако, оно противоречит с фоновыми знаниями читателей и после прочтения произведения осознается как ироничное, так как идеальность на поверхности оборачивается совсем не идеальностью внутренней и духовной.

Интересно название произведения Оскара Уальда – “A Woman of No Importance”, включающее в качестве атрибута *of*-фразу с отрицанием, которое характеризует женщину – героиню пьесы с не-

лицеприятной стороны. Игру слов содержит еще одно название пьесы О. Уальда “The Importance of Being Earnest”: одновременное использование двух омофонов – имени собственного (Ernest) и прилагательного “earnest” (серьезный) – создает комический эффект.

В заглавиях часто встречаются другие предлоги, выражая пространственные отношения или отношения принадлежности: “The Mill on the Floss” (G. Elliot), “Two on a Tower” (T. Hardy).

Иногда в заглавиях XIX–XX веков встречаются заглавия с использованием притяжательного падежа (“The French Lieutenant’s Woman” (J. Fowles)), если притяжательный падеж используется с неодушевленным существительным, то заглавие метафоризируется (“The Razor’s Edge” (W. S. Maugham)).

В XIX веке становятся распространенными и заглавия, выраженные сочинительными словосочетаниями, строящиеся по схеме: *существительное + предлог and + существительное*.

Соединительный союз, помимо осуществления грамматической функции связности, также становится знаком взаимоотношений героев, взаимосвязи событий или тем произведения. Часто союз and служит средством отображения основного конфликта, антагонистического противопоставления. Это ярко проявляется в философских сказках О. Уайльда “The Nightingale and The Rose”, “The Fisherman and His Soul”.

В романе Джейн Остин “Pride and Prejudice” личная гордость и социальные предубеждения являются противоборствующими силами, препятствующими счастью героев, а также они выступают и в качестве двигателя сюжета.

Чувства и разум борются в душе героев другого романа писательницы “Sense and Sensibility”, который также в названии содержит данные номинативные единицы, соединенные союзом and.

В XIX веке появляются заглавия, представленные синтаксическими конструкциями, содержащими другие предлоги и наречия, выражающие пространственные отношения, например “Under the Greenwood Tree”, “Far from the Madding Crowd”. Оба романа принадлежат перу Томаса Харди, который рисует образ патриархальной сельской и провинциальной Англии и подчеркивает противоречия между городом и деревней.

Среди произведений XX века заглавия, выраженные подчинительными словосочетаниями, являются наиболее распространенными (53 %) и отличаются богатой образностью и разнообразием грамматической структуры.

Доминирует грамматическая схема:

прилагательное (или причастие) + существительное.

Эпитеты, выраженные прилагательными или причастиями, что любопытно, в XX веке обычно несут негативные коннотации: “Vile Bodies”, “Black Mischief” (E. Waugh), “The Dark Flower” (J. Galsworthy), “The Lost Girl” (D. H. Lawrence), “A Severed Head” (I. Murdoch).

Темный цветок в романе “The Dark Flower” (J. Galsworthy) становится символом темной страсти. Образ темно-красной гвоздики появляется во всех трех частях романа как своего рода знак страстного характера героинь по контрасту с белыми цветами, являющихся атрибутом героя и указателем на его более спокойный характер и сдержанность чувств.

Заглавия, содержащие эпитеты с позитивной коннотацией, чаще всего переосмысляются либо в ироничном, либо в саркастическом плане. Примером может послужить заглавие романа Олдоса Хаксли “Brave New World”, который содержит пессимистические размышления автора о техногенном мире, который полностью дегуманизируется, лишается индивидуальности и человеческих чувств.

В XX веке появляется тенденция использовать схему:

существительное + существительное,

в которой первое становится атрибутом последнего: “The Wonder Hero”, “The Image Man” (J. B. Priestley), “The Swan Song” (J. Galsworthy), “A Word Child” (I. Murdoch).

Заглавия, выраженные подчинительными словосочетаниями с предлогами, достаточно разнообразны, здесь можно встретить предлоги at, on, in, among, etc. Например: “Festival at Fairbridge”, “Daylight on Saturday” (J. B. Priestley), “Women in Love” (D. H. Lawrence), “Eyeless in Gaza” (A. Huxley), “The Time of the Angels” (I. Murdoch). В последнем романе времена событий предстают как время темных ангелов, время жестокости и бездуховности, что особенно ярко характеризуется через слова его главного героя:

“Now when the God is dead, angels have come to power, and they are terrible”¹⁹⁷.

В XX веке встречаются названия, представленные сочинительными словосочетаниями, и опять популярностью пользуется схема: *существительное + союз and + существительное*.

И чаще всего существительные, соединенные союзом, антонимизируются. Например, в романе Ивлина Во “Officers and Gentlemen” война делит мир на непримиримые части: фронт и тыл, военные и гражданское население, герои и предатели.

Имена собственные реже встречаются в качестве заглавий в XX веке, однако появляется тенденция шире использовать не антропонимы, как это было в предыдущие века, а топонимы, причем часто дополненные атрибутами. Например “Angel Pavement” (J. B. Priestley), “Brideshead Revisited” (E. Waugh), “Crome Yellow” (A. Huxley). Подобные названия играют чисто информативную роль и не добавляют авторских объективных или субъективных характеристик роману.

Заглавия абстрактного характера становятся все более популярными “The Alteration” (K. Amis), “The Enigma” (J. Fowles).

Часто конкретные слова, вынесенные в заголовок, приобретают символическое значение: дождь в романе “Rain” (W. S. Maugham) – символ трагических событий; старый и новый колокол в романе “The Bell” (I. Murdoch) – символ духовного конфликта; песочный замок в романе “The Sandcastle” (I. Murdoch) – символ любви и мечты, покоящихся на непрочных основаниях, как замок из песка. Такие названия превращаются в назывные односоставные предложения и несут огромный потенциал в интерпретации символического смысла.

В корпусе исследуемых примеров в XX веке встречаются заглавия, выраженные предложениями, и они составляют 9 % от общего числа. Чаще всего это простые двусоставные предложения:

“They Walk in the City”, “It’s an Old Country” (J. B. Priestley);

“I like it Here”, “I Want it Now” (K. Amis);

“Time Must Have a Stop” (A. Huxley).

Полное предложение может содержать цитату, источник которой должен хорошо быть знакомым читателю, то есть являться

¹⁹⁷ Murdoch I. The Time of the Angels. – L.: Penguin Books, 1987. – P. 159.

прецедентным, как в случае названия “After Many a Summer Dies the Swan” (A. Huxley).

В данном случае название цитирует стихотворение «Тифон» Альфреда Теннисона:

The woods decay, the woods decay and fall,
The vapours weep their burthen to the ground,
Man comes and tills the field and lies beneath,
And after many a summer dies the swan¹⁹⁸.

Название намекает на мифологический сюжет и раскрывает темы нарциссизма, искусственности, помешательства на молодости, мистицизма, жадности и нравственности.

Кроме повествовательного предложения в заглавии могут встречаться императивные предложения (“Put Out More Flags” (E. Waugh), “Take a Girl Like You” (K. Amis) или придаточные предложения (“When the Going Was Good” (E. Waugh).

Таким образом, можно утверждать, что заглавия, выраженные подчинительным словосочетанием, являются самыми распространенным типом заглавий в английской художественной литературе (57 % от общего числа), на втором месте использование имени собственного. В XIX веке обнаруживаются примеры использования нарицательных имен существительных в качестве заглавия. Появление предложений в качестве заглавий характерно для XX века.

*Вохрышева Е. В., Ермола Т. М.
Vokhrysheva E. V., Ermola T. M.*

Structural and semantic characteristics of the titles of the XVI–XX centuries English writers’ novels

Abstract: *The paragraph deals with the analysis of titles of the novels written in XVI–XX centuries and presents their structural and semantic characteristics according to diachronic criterion. The tendency of title giving sliding through centuries from anthroponyms towards symbolic abstract common nouns and from word combinations towards sentence structures is revealed.*

Key words: *title, English writers’ novels of the XVI–XX centuries, structural and semantic characteristics.*

¹⁹⁸ Tithonus – Poem by Alfred, Lord Tennyson. – URL: <https://www.poemhunter.com/poem/tithonus/> (date of access: 11.09.2017).

3.5. Функции эллиптических конструкций в художественном дискурсе (на примере романа Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls”)

Проблема изучения эллиптических конструкций является одной из самых сложных и спорных в отечественной и зарубежной лингвистике. Эллиптическим предложениям посвящено довольно большое количество работ, однако на сегодняшний день понятие эллипсиса считается недостаточно изученным. В частности отсутствует общепринятое определение эллиптических предложений, не выделен четкий перечень характерных черт этих предложений, отсутствует единый подход к типологии эллиптических предложений на фоне достаточного числа структурных и семантических классификаций. По образному выражению Р. Ле Бидуа, «эллиптические конструкции стали своего рода болезнью века, поскольку в языке всегда существуют такие синтаксические конструкции которые характеризуются структурной неполнотой»¹⁹⁹.

По определению, которое дается в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, эллипсис – это «пропуск элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации»²⁰⁰.

В определении, данном П. А. Лекантом, эллипсис представляется как «сокращение глагольного словосочетания в предложении, устранение глагольного компонента (без возмещения его в контексте)»²⁰¹. Эллипсис присущ сравнительно небольшому количеству часто употребляемых групп словосочетаний, где формы подчиненных слов характеризуются единообразием, а главное слово относится к какой-либо определенной семантической группе глаголов (например, глаголам движения и т. д.).

Эллипсис в структуре предложений – это естественный процесс в лингвистическом развитии, который присутствует во многих языках. Традиционная грамматика вкладывает в термин «эллиптические предложения» предложения, в которых опущено подлежа-

¹⁹⁹ Le Bidois G., Le Bidois R. *Syntaxe du français modern.* – P., 1971. – V. II. – 779 p.

²⁰⁰ Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов.* – М., 2016. – 576 с.

²⁰¹ Лекант П. А. *Синтаксис простого предложения в современном русском языке.* – М., Высшая школа, 2004. – 247 с.

щее или сказуемое. В некоторых грамматиках в это понятие включены предложения, где опущены второстепенные члены предложения²⁰².

Ш. Балли за основу определения эллипсиса брал семантический критерий отсутствия любого речевого факта, который первоначально способствовал пониманию смысла²⁰³. Соответственно он к эллипсису относил не только опущение одного или нескольких слов, но и случаи выпадения слогов из слова, одного или нескольких слов из словосочетаний и предложений семантически связанной группы предложений, которая получила название «фраза». По мнению Ш. Балли, эллипсис – это отсутствие в связанном отрезке текста знака, восполняющегося контекстом или ситуацией, без которого смысл высказывания становится искаженным или абсурдным. Из концепции следует, что: 1) эллипсис – это имплицитный знак; 2) он обнаруживается в речи, хотя условия его реализации заложены в языковой системе; 3) эллипсис – это факультативное отсутствие какого-то элемента высказывания, который всегда может быть воспринят за счет контекста или ситуации²⁰⁴.

Смысловый критерий в описании эллипсиса П. Жиро позволяет автору считать эллиптическими такие предложения, в которых нарушена норма языка²⁰⁵. Причем под этим имеется в виду невозможность точного понимания смысла сказанного или написанного без восстановления опущенных членов.

По мнению И. В. Арнольд, эллипсис позволяет выделить еще один дифференциальный признак – однозначность / неоднозначность восстановления. Однозначность восстановления при эллипсисе обуславливает отсутствие приращения логико-предметной информации, но при этом может иметь место информация второго рода, поскольку имеется стилистическая маркированность, эмфаза,

²⁰² Rayevska N. M. *Modern English Grammar*. – Kiev: Vyšča skola publishers, 1976. – 304 p.

²⁰³ Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. – М., 1955. – С. 68.

²⁰⁴ Там же. С. 176.

²⁰⁵ Guiraud P. *La stylistique*. – Paris: PUF, 1970. – P. 34.

окаzionaliальные стилистические функции при речевых характеристиках²⁰⁶.

Семантический критерий смыслового восполнения рассматривается некоторыми исследователями как недостаточный для определения сущности такого сложного явления как эллипсис. В связи с этим исследователи обращаются к формально-грамматическим критериям, которые, на их взгляд, позволяют достигнуть большей точности в исследовании явления эллипсиса. Так возникает методика позиционного анализа предложений. Согласно этой методике предложение рассматривается как некая модель, в которой за всеми членами закреплены определенные позиции. Позиции в этой модели могут отсутствовать, они могут быть представлены отрицательно. Т. П. Ломтев представляет неполное предложение в виде позиционной модели с несколькими отрицательно выраженными членами²⁰⁷.

А. А. Чувакин уточняет характер синтаксической связи между позициями модели, используя понятие «сигнализация» применительно к неполному предложению. «Сигнализация» предполагает, что словесно представленная позиция сигнализирует о том, что отсутствует в вербальной форме высказывания. Классификация основана на присутствующих членах, однако установление синтаксических связей между позициями в позиционной модели позволяет предугадать отсутствующие члены предложения²⁰⁸.

А. М. Мухин при определении эллипсиса использует разработанную им теорию синтаксических связей внутри структуры предложения. Взяв за основу понятие предложения как синтаксической единицы, включающей ассоциативно-предикативную или нулевую предикативную связь, А. М. Мухин дает расширенное определение

²⁰⁶ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – М.: Флинта, 2016. – С. 84.

²⁰⁷ Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958. – С. 9.

²⁰⁸ Чувакин А. А. О структурной классификации неполных предложений // Научные доклады высшей школы. – Филологические науки. – 1974. – № 5. – С. 105.

эллипсиса, считая неполным любое предложение, даже если в нем опущен неядерный компонент²⁰⁹.

Широкое использование в лингвистике методики трансформационного анализа побудило Л. С. Бархударова прибегнуть к этой методике в целях установления системных связей эллиптических предложений, т. е. рассматривать эллипсис в парадигматическом плане. Л. С. Бархударов прибегает к понятию нулевых синтаксических элементов как к показателю эллипсиса в моделях неполных предложений и определяет эллиптическое предложение как такое, в котором по крайней мере одно слово представлено нулевым вариантом. Л. С. Бархударов вводит методику трансформационного анализа для выявления трансформационных связей предложения в парадигматике²¹⁰.

Методика трансформационного анализа получила дальнейшее развитие в работе О. И. Реуновой, которая утверждает, что поверхностные структуры полного и эллиптического предложений представляют собой трансформы глубинных структур полного и эллиптического предложений, восходящих к одному и тому же конструктивному показателю²¹¹. А. С. Дари определяет эллипсис как трансформацию, результатом применения которой является повторение эксплицитно-выраженного элемента глубинной структуры в его нулевой форме на уровне поверхностной структуры. Это делает второе предложение семантически зависимым от первого²¹².

М. М. Давыдова, изучая диалогическую речь в составе художественных текстов, применяет когнитивно-дискурсивный подход при исследовании прагматических характеристик эллипсисов. Он предполагает описание любой речевой формы с позиций ее соотношения с лингвистической и экстралингвистической информации-

²⁰⁹ Мухин А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка / АН СССР. Ин-т языкознания. – Л., 1980. – С. 146.

²¹⁰ Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1976. – С. 105.

²¹¹ Реунова О. И. Эллипс как лингвистическое явление: [на материале английского языка]. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000. – С. 185.

²¹² Дари А. С. Импликация, эллипсис и другие смежные явления (на материале современного французского языка). – Кишинев: Штиинца, 1986. – 62 с.

ей, присутствующей как в самом тексте, так и за его пределами, а также с позиций адекватной дешифровки смысла, в ней представленного. Эффективность и обоснованность использования любого речевого элемента, в том числе и эллипсиса, определяется фактором контекста, предписывающим этому элементу соответствующую функциональную целенаправленность. Признавая этот факт, автор ставит знак равенства между эллипсисом и полным предложением. По ее мнению, «и то, и другое – обобщенные, абстрагированные единицы, если они не функционируют в определенном контексте, где приобретают признаки коммуникативной полноценности. Поэтому в нашем исследовании мы определяем статус эллипсиса как высказывания, а не предложения»²¹³. Контекст выступает как основной фактор для формирования семантики эллипсисов, а при изолированном, внеконтекстовом рассмотрении эллипсисы теряют всякий смысл и коммуникативную функцию.

Эллиптические предложения характерны не только для разговорной речи, но встречаются в художественных текстах, текстах публицистического стиля, рекламе, научно-технической литературе. В художественных произведениях авторы используют его сознательно для отражения естественных опущений слов, присущих устной разговорной речи. Кроме того, эллипсис встречается во вступительных замечаниях автора, комментирующих речь героев произведений. Сжатые предложения в прозе похожи на ремарки в драме. В них аккумулируется только самая важная информация без участия и так понятных из ситуации сведений. Эллипсис помогает создать имитацию устных разговорных норм для достижения естественности фиктивного диалога в художественном тексте.

Основная функция эллипсиса – это функция экономии речевых усилий на уровне поверхностной структуры высказывания. Однако необходимо прояснить вопрос о том, какие же еще функции может выполнять эллипсис в системе художественного произведения? Для прояснения этого вопроса перейдем непосредственно к анализу функций, которые эллиптические конструкции выполняют в романе Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls”. В процессе анализа эллиптических конструкций, которые были обнаружены в

²¹³ Давыдова М. М. Прагматические характеристики эллипсисов (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Курск, 2012. – С. 10.

романе, было выявлено, что эллиптические конструкции выполняют одну общую функцию – экономии речи. Во всех примерах можно наблюдать опущение каких-либо элементов речи с целью понимания адресатом сказанного. Внутри этой функции мы выделяем еще три: информативную, интеррогативную, экспрессивно-оценочную. Проанализируем эллиптические конструкции в соответствии с каждой из функций.

Информативная функция

Эллиптические конструкции, несмотря на компрессию информации, практически всегда несут в себе новую информацию, которая является наиболее важной в данном отрезке текста. В ходе анализа была выявлена одна из наиболее важных функций, которую выполняют эллиптические конструкции, – информативная. В произведении Э. Хемингуэя было найдено 72 конструкции, выполняющие данную функцию. Каждая конструкция несет в себе какую-либо новую информацию, выраженную в различных формах:

- в форме констатации факта;
- в форме ответа на вопрос с уточняющей информацией;
- в форме ответа на вопрос или констатации факта с неопределенной информацией;
- в форме отрицательного ответа.

На основе различных форм выражения информации эллиптическими конструкциями, мы можем выделить 4 функции, которые они выполняют внутри информативной функции:

- собственно информативная функция;
- информативно-уточняющая функция;
- неопределенно-модальная функция;
- функция отрицания.

Говоря о **собственно информативной функции**, нужно отметить, что эллиптические конструкции, выполняющие данную функцию, представляют собой обыкновенные повествовательные предложения с опущенными членами, которые несут какую-либо информацию, не давая никакой оценки ситуации. Опущенные члены предложения могут быть выражены различными частями речи, такие как существительное, глагол, наречие. Данные конструкции можно охарактеризовать нейтральными с точки зрения экспрессивности, но с точки зрения стилистики, они представляют собой

средства выразительности, обладающие чертами, характерными для разговорного стиля. Таких конструкций было выявлено 37. Например,

“What have you in the packs?” “*Dynamite*” (ch. 1, p. 42)²¹⁴.

В данном примере герой ограничивается достаточно кратким ответом, не распространяя предложения и не предоставляя дополнительной информации. На вопрос о том, что у него в сумках, он отвечает просто: «Динамит».

Во многих примерах были опущены подлежащее и сказуемое, но чаще всего в ответах на специальные вопросы с вопросительными словами *who*, *what* и *where*, например:

“Avila. What are you going to do with dynamite?” “*Blow up a bridge*” (p. 43).

Здесь автор опускает подлежащее и сказуемое *I'm going to*, и оставляет только дополнение, которое и является ответом на запрос информации и несет новую информацию.

“And who is Sordo?” The other asked deprecatingly.

“*The leader of one of the best bands in the mountains*” (p. 407).

“Where do you plan to sleep?”

“*Outside. I have a sleeping robe*” (p. 99).

В данных примерах автор предоставляет новую информацию, без повторения уже сказанного, и благодаря этому реплики легче воспринимаются читателем.

Информативно-уточняющая функция

Эллиптические конструкции могут не только нести информацию, но и уточнять то, что было сказано в предыдущих репликах. В романе “*For Whom the Bell Tolls*” было выявлено 5 таких конструкций. Среди них можно выделить несколько конструкций, которые выражают согласие и затем уточняют информацию. Например,

“You have done trains, too?” “*Yes. Three trains.*”

“*Here?*”

“*In Estremadura,*” he said. “I was in Estremadura before I came here” (p. 56).

²¹⁴ Hemingway E. *For Whom the Bell Tolls*. Роман: на англ. яз. – М.: Прогресс, 1981 – P. 42.

Здесь герой, отвечая на вопрос, взрывал ли он поезда, выражает согласие посредством слова *yes* и затем уточняет, что он взрывал три поезда. И на вопрос о том, здесь ли он взрывал их, он не говорит «нет», а он сразу уточняет, где их он взрывал: *в Эстремадуре*. Здесь присутствует уточнение локативного элемента высказывания и для читателя становится ясным, что взрывал он три поезда не там, где они находятся. К тому же вопрос *here* выполняет иницилирующую функцию.

“If this of today we will be together, will we not?” “*After the start. Yes*” (p. 412).

Данный пример интересен тем, что на содержательном уровне уточняющую информацию несет первая часть реплики: *After the start*, а затем только идет согласие: *yes*. Но по форме уточняющую роль здесь играет слово *yes*, так как оно является второй частью реплики. И автор, используя такую конструкцию, вызывает у читателя ощущения ожидания, ведь для Марии, которая задает этот вопрос своему возлюбленному Роберту, его ответ очень важен.

“To me, now, the most important is that we be not disturbed here,” Pablo said.

“To me, now, my duty is to those who are with me and to myself.”

“*Thyself. Yes,*” Anselmo said. “*Thyself now since a long time. Thyself and thy horses*” (p. 48).

В данном примере герой несколько раз уточняет информацию в одной реплике. Сначала Ансельмо уточняет что, Пабло ответственен только за себя. Для того чтобы читатель это смог понять, автор использует эллиптическую конструкцию *Thyself*, и затем согласие, выраженное словом *yes*. И опять уточняющую функцию играет слово *yes*. Затем Ансельмо уточняет, с какого времени он ответствен за себя: *Thyself now since a long time*; а затем говорит о том, что он еще и в ответе за своих лошадей: *Thyself and thy horses*. Таким образом, в одной реплике обнаружено три уточняющих эллиптических конструкции, которые делают речь героя выразительной и обеспечивают читателю легкое восприятие текста. К тому же в последней реплике автор использует иронию, что делает эту эллиптическую конструкцию более экспрессивной.

В следующих примерах мы видим, что эллиптическая конструкция несет в себе дополнительную уточняющую информацию:

“And I have a good guide.” “*The old man*” (p. 56).

В данном примере герой не соглашается и не отрицает тот факт, что у его собеседника действительно хороший проводник, а просто уточняет, что он старик.

“And I am not afraid off oxes.”

Pablo said nothing but picked up the pack.

“*Nor of wolves either,*” Anselmo said, picking up the other pack. “If thou art a wolf” (p. 48).

Здесь мы так же видим, что Ансельмо в своей реплике добавляет к уже сказанному, что и волков он тоже не боится. Автор использует отрицательную конструкцию с *either*, которая типична для разговорной речи при отрицательном ответе с дополнительной информацией. Так же в этой эллиптической конструкции использована метафора, где человек косвенно сравнивается с волком. Таким образом, Ансельмо дает понять, что он не боится и людей, в том числе Пабло.

Неопределенно-модальная функция

В ходе рассмотрения эллиптических конструкций в романе Э. Хемингуэя “*For Whom the Bell Tolls*” были обнаружены такие конструкции, которые несут информацию, но она неточная и неконкретная, и выражают неопределенное отношение героев к ситуации. Такую функцию эллиптических конструкций мы называем неопределенно-модальной. Данные конструкции достаточно кратки по составу, часто содержат одно слово. Было найдено 22 конструкции, выполняющие данную функцию. Например:

“...He would be in the shadow at the end we do not see.” “*Probably.* Where is the next post?”

“Below the bridge” (p. 34).

В данном случае слово *probably* замещает всю ситуацию, и никакой определенной информации не несет, но добавляет оттенок возможности данной ситуации, что и позволяет говорить о модальной функции.

“Everyone knows that,” Anselmo said with contempt. “*Perhaps*” (p. 59).

В данном примере вероятность выражается посредством слова *perhaps*. Герой не уверен в том, что действительно существует такое положение вещей, так как обо всех вообще сложно судить.

В примерах можно наблюдать, что модальные слова выражают субъективное отношение героев ситуации, а в данных случаях –

ситуативную вероятность. Эти конструкции состоят из одной языковой единицы, и указывают на разговорный стиль диалога.

Также эллиптические конструкции, выполняющие неопределенно-модальную функцию, могут содержать неопределенные местоимения, такие как *several*, *something*, которые и несут этот оттенок неопределенности. Например,

“Have you killed many civil guards?” Robert Jordan asked. “*Several*,” Pablo said (p. 46).

В данном случае коммуникант реализует количественную неопределенность, указывая не точное число убитых им патрульных, а просто говорит, что убил несколько. В данном случае неопределенность выражается неопределенным местоимением *several*.

“What was the stuff?”

“*Something about fascists fighting among themselves*” (p. 388).

Здесь герой по неопределенным причинам не говорит о том, что произошло на самом деле, а предоставляет ту информацию, которая ему известна, но не полностью, а частично. И именно неопределенное местоимение *something* добавляет оттенок неопределенности.

Значение неопределенности также может выражаться посредством наречий степени, таких как *quite*. Например:

“Where is it?”

“*Quite close.*”

“All the better.” the major of Pablo said (p. 63).

Среди эллиптических конструкций, выполняющих неопределенно-модальную функцию, можно выделить конструкции, выполняющие неопределенно обобщающую функцию, где обобщение выражается различными частями речи, такими как существительные широкой семантики, местоимения неопределенной множественности, также количественные местоимения. Например,

“But what did you do?”

“*All things.*” The woman said (p. 117).

В данном случае герой говорит, что он делал все, но не уточняет, что конкретно, и выходит, что, его действия остаются неизвестными в рамках данного примера. И именно обобщающее местоимение *all* выражает неопределенность.

“How many rounds have you for it?”

“*An infinity*” (p. 58).

Здесь существительное широкой семантики *infinity* указывает на огромное количество патронов в пулемете, но точное число не указывается.

“What do you carry?” Pablo said.

“*My things*,” Robert Jordan said (p. 81).

В данном примере значение неопределенности выражает существительное широкой семантики *things*, опять же герой отвечает на вопрос и указывает какую-то информацию, но она неточна.

Следует отметить, что обобщение происходит не только на морфологическом уровне, например, через употребление обобщающего местоимения, но и на уровне лексическом, при наличии существительного, выражающего обобщенное значение. Также выявлен один пример, содержащий прилагательное *various*, которое несет обобщающее значение:

“But things were done to me.”

“By whom?”

“*By various*” (p. 103).

В данном случае было опущено дополнение, выраженное существительным.

Ниже представлена эллиптическая конструкция, которая содержит один элемент отрицания – частица *not*, которая и делает все предложение неопределенным по содержанию.

“And will it be long?”

“*Not before the bridge*. Maria, listen. Dost thou?” (p. 104).

В этой группе эллиптических конструкций были выявлены такие, которые, несмотря на то, что они выражают неопределенную информацию, уточняют информацию. Например:

“You have killed?”

“*Yes. Several times. But not with pleasure*” (p. 73).

В одной реплике содержится два эллиптических предложения, которые дополняют друг друга. Сначала герой подтверждает факт того, что он убивал при помощи слова *yes*, а затем он говорит, что убивал он несколько раз и в данном случае это предложение выполняет уточняющую функцию, но сама по себе информация, которую несет данное, предложение является неопределенной.

Рассмотрим еще один пример предложения с неопределенно уточняющей функцией:

“What do you make?” Robert Jordan sat down by the gypsy. The gypsy showed him. It was a figure for trap and he was whittling the crossbar for it.

“*For foxes,*” he said (p. 51).

Этот пример уникален тем, что информация восстанавливается из ближайшего контекста, а не из предыдущей реплики. Здесь герой не говорит о том, что такое он делает, а указывает только на назначение данного предмета. Предложение не содержит языковых единиц, выражающих неопределенное значение, но сама конструкция и опущение подлежащего говорит о неопределенности. Данные примеры можно обозначить как неопределенно-уточняющие.

Функция отрицания

Информативные эллиптические конструкции могут не просто нести информацию в утвердительной форме, но и в отрицательной. Мы выявили 8 конструкций, выполняющих данную функцию. Данные конструкции можно разделить на две группы:

- конструкции с категорическим отрицанием;
- конструкции со смягченным отрицанием.

Конструкции с категорическим отрицанием представляют собой более экспрессивные выражения по сравнению с предложениями со смягченным отрицанием. Для большей экспрессивности автор использует наречие *never*, например:

“Do you blush much?” “*Never.*” (p. 57)

“Hast thou loved others?”

“*Never*” (p. 103).

“What sort of uniform am I supposed to wear?” Robert Jordan asked.

“*None*” (p. 40).

В последнем примере используется отрицательное местоимение *none*, чтобы выразить категорическое отрицание.

В следующих примерах можно увидеть, что отрицательное слово *neither* также несет на себе оттенок категорического отрицания.

“What did she say?”

“She would not tell me.”

“*I neither*” (p. 120).

“Well, than, of Rafael. I have seen Rafael.” “*Of Rafael neither*” (p. 56).

“You do not want to be shot at carrying that stuff”

“*Not even in a joke*” (p. 35).

Здесь для выражения отрицания использована отрицательная частица *not*, а также автор использует иронию, что придает еще больше экспрессивности данной конструкции.

При анализе была обнаружена только одна конструкция, выражающая отрицание со смягченным оттенком.

“You know it well?”

“*No, not really well*” (p. 56).

В данном примере смягчение выражается через наречие *really*.

Интеррогативная функция

Нельзя не отметить, что в диалогах героев эллиптические конструкции можно встретить не только в репликах ответов, но и в вопросах. В ходе анализа была выявлена еще одна функция эллиптических конструкций – интеррогативная. В романе было выявлено 54 конструкции, которые реализуют данную функцию. Каждое эллиптическое предложение представляет собой речевое действие, коммуникативно-направленное на запрос информации. Следует отметить, что данные конструкции выполняют иницирующую функцию в системе диалога и побуждают героев к действию. Они представляют собой краткие вопросы, которые не содержат в себе лишней информации и могут быть представлены не более тремя языковыми единицами, которые могут быть выражены вопросительным, указательным местоимением, предлогом, существительным и прилагательным. Половина эллиптических конструкций, выполняющих интеррогативную функцию, содержат вопросительное местоимение в сочетании с существительным или предлогом. Например:

“There are many men now here in the hills.”

“*How many?*” (p. 34)

В данном примере вопрос состоит только из вопросительного сочетания *how many*, что делает данную конструкцию более экспрессивной.

“*Blow up the bridge.*”

“*What bridge?*” (p. 43)

Здесь мы видим, что вопрос состоит из вопросительного слова *what* и существительного *bridge*.

Другая половина данных конструкций отличается тем, что в вопросе не содержится вопросительных местоимений, таких как *what*, *whom*, а в основном присутствуют существительные, предлоги и союз *and*. Нужно отметить, что в некоторых примерах вопрос содержит дополнительную информацию, что делает эллипсис уникальным средством, который сжимает информацию, одновременно добавляя новую. Например,

“And you have this same faith?”

“*In the Republic?*” (p. 122)

Именно в данном примере в вопросе содержится дополнительная уточняющая информация: вера в республику. Вопрос состоит из предлога и существительного. Следующие примеры построены на таком же принципе.

“Thanks,” Robert Jordan said. “I’ll be sleeping outside.” “*In the snow?*” (p. 210)

“Is this meeting? Haven’t you any sentries out?”

“*In this storm?*” (p. 235)

Среди данных эллиптических конструкций можно найти фразы, типичные для разговорной речи, такие как *Why not*.

Например:

“*Sure,*” said Robert Jordan. “*Why not?*”

“Is there wine?” Robert Jordan asked, sitting down again by the gypsy. “*Wine? Why not? A whole skinful. Half a skinful. Half a skinful, anyway?*” (p. 51).

Такие клишированные фразы, характерные для разговорного стиля, делают речь героев более экспрессивной и близкой для читателя.

Таким образом, проанализировав эллиптические конструкции, которые выполняют интеррогативную функцию, было выявлено, что, вопросительные предложения прежде всего являются средством запроса неизвестной информации и функция запроса информации выражается в среднем тремя языковыми единицами, которые могут быть выражены вопросительным, указательным местоимением, предлогом, существительным и прилагательным. Одна часть эллиптических конструкций выражают запрос информации как при помощи одного вопросительного слова, так и в сочетании с дополнением, выраженным существительным. Также

среди этих эллиптических конструкций были найдены фразы-клише, характерные для разговорного стиля.

Экспрессивно-оценочная функция

В диалогах героев встречаются эллиптические конструкции, которые выражают эмоциональное отношение героев к ситуации. Поэтому целесообразно выделить еще одну функцию, которую выполняют эллиптические конструкции, экспрессивно-оценочную. В романе Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls” таких конструкций было выявлено 39. Рассмотрев данные конструкции, мы обнаружили, что они могут выражать целый спектр эмоциональных состояний, и согласно этим состояниям мы также делим их на шесть групп: выражение удивления, одобрения, сочувствия, иронично-насмешливого отношения к ситуации и героям, негативное отношение и недовольство.

Слова одобрения, похвалы в романе оценивают созидательные усилия, героев и побуждают к действиям.

“That's a good job.”

“*The best,*” the gypsy said (p. 52).

В данном примере герой не просто соглашается с высказыванием собеседника, но и уточняет, что работа была произведена наилучшим образом, выражая это с помощью прилагательного *good* в форме превосходной степени сравнения. И именно при помощи эллиптической конструкции похвала становится ярче выраженной в данном отрезке текста.

“How does it look to you?”

“*Very good,*” Robert Jordan said. “*Very, very good*” (p. 70).

В данном случае *very good* несет оценочный характер, но с положительным значением, а следующая за ней конструкция усиливает положительную оценку при помощи повтора наречия *very*.

“*My heroes,*” Maria said. “*My saviors*” (p. 165).

Здесь *My heroes*, *My saviors* несет характер одобрения и похвалы. Героиня благодарна Хоакин и Пабло за то, что они несли ее во время перестрелки.

“Where is it?”

“Quite close.”

“*All the better.*” the mujer of Pablo said (p. 63).

В данном примере одобрение ситуации выражается при помощи формы сравнительной степени прилагательного *good – better*.

В ходе анализа было обнаружено, что эллиптические конструкции могут выражать удивление героев по отношению к ситуации. Удивление выражается посредством вопросительной формы эллиптической конструкции.

“We can get a tank,” he said to gypsy. “It is not too difficult.”

“*With this?*” (p. 51)

Здесь удивление передано посредством вопроса, который состоит из, предлога *with* и указательного местоимения *this*, которое и передает само удивление.

“I have no time for any woman. That is true.”

“*Not fifteen minutes?*” the gypsy asked teasingly. “*Not a quarter of an hour?*” (p. 57)

В данном случае удивление передается эллиптическими конструкциями с отрицательной частицей *not* и выражениями, определяющими время. Автор подчеркивает, что удивление носит еще и характер насмешки, используя наречие *teasingly* и синтаксический повтор и синонимический перифраз, что к тому же усиливает экспрессивность данного высказывания. Также можно сказать, что в этом выражении присутствует и оттенок интереса, цыгану любопытно узнать об отношении Роберта к женщинам. Следует добавить, что эти реплики носят и провоцирующий характер.

“Since the planes today they will see it more,” Robert Jordan said. “But I should think you could operate very well from the Gredos.”

“*What?*” El Sordo said and looked at him with his eyes very flat. There was no friendliness in the way he asked the question (p. 177).

В данном примере удивление выражается посредством вопроса, состоящего из одного вопросительного слова *what*. Здесь наблюдается удивление негативного характера, герою совсем не нравится такое положение вещей. И далее автор в тексте указывает на это в ближайшем контексте.

Как видно из примеров, удивление передается вопросительными эллиптическими конструкциями.

В романе были обнаружены несколько примеров, выражающих сочувствие к герою.

He must have been jumpy even then, Robert Jordan thought. *Poor old Kashkin. Poor old Kashkin* (p. 53).

Здесь для выражения сочувствия герой использует прилагательное *poor*, которое является типичным для английского языка

средством для выражения поддержки и сочувствия собеседнику. И в данном примере автор повторяет эту конструкцию, что усиливает степень экспрессивности данного высказывания.

Необходимо отметить, что в романе так же были выявлены эллиптические конструкции, которые выражают иронично-насмешливое отношение одного героя к другому.

“She treats me as a time waster.”

“*What injustice.*” Anselmo taunted (p. 59).

В данном случае герой насмехается над тем, что Пилар, жена Пабло, считает его бездельником. Насмешка здесь выражена с помощью вопросительного местоимения *what* и существительного *injustice*. Следует сказать, что это выражение носит также иронический характер.

“She is against gypsies.”

“*What an error*” (p. 59).

Данный пример по конструкции похож на предыдущий: вопросительное слово *what* + существительное *error*. Экспрессия дополняется здесь еще и иронией. Герой, который говорит о том, что Пилар не любит цыган, является цыганом.

В романе были обнаружены конструкции, выражающие не только положительное эмоциональное отношение героев к ситуации, но и негативное отношение, злость и недовольство ситуацией или героем. Например,

“How is she, the mujer of Pablo?”

“*Something barbarous,*” the gypsy grinned. “*Something very barbarous*” (p. 57).

В данном случае недовольство выражается с помощью прилагательного *barbarous*, повторения конструкции и добавления во второй наречия *very* для интенсификации смысла. Нужно сказать, что данная конструкция выражает негативную оценку говорящего к предмету высказывания.

“You know not,” Agustin said. “*What a barbarity!*” (p. 81)

В этом примере недовольство выражено посредством существительного *barbarity* и вопросительного местоимения *what*, что усиливает эмоциональность высказывания.

“Yes, I understand.”

“*Absolutely nothing*” (p. 37).

Усилительное наречие степени *absolutely*, которое часто используется для выражения эмоционального отношения говорящего к высказыванию, и отрицательное местоимение *nothing* придают категоричный характер данной конструкции.

“What bridges?” asked Fernando cheerfully.

“*Stupid*,” the woman said to him (p. 114).

В данном случае грубое *stupid* выражает критическое отношение героини к высказыванию Фернандо, и недовольство героини по поводу того, что он не знает, что происходит. Здесь между двумя репликами наблюдается не прямая связь, мы восстанавливаем недостающие элементы из контекста.

“What did you say?” Pablo spoke to the old man.

“*Nothing for thee*. I did not speak to thee,” Anselmo told him (p. 84).

В данном примере недовольство выражается при помощи отрицательного местоимения *nothing*. Оно так же выражает пренебрежение Ансельмо к Пабло.

“*Thy mother*,” Agustin shouted at him. “Stop talking like this or get out. Those were fascists you killed” (p. 238).

В данном случае злость выражается при помощи ругательства *thy mother*, что делает данное эллиптическое выражение эмоционально выразительным.

Таким образом, очевидно, что функции эллиптических конструкций в системе художественного текста достаточно разнообразны, и последние используются в целях информирования, характеристики героев и ситуации, а также для повышения градуса эмоционально оценочного компонента коммуникации.

Вохрышева Е. В.
Vokhrysheva E. V.

Functions of elliptical constructions in the literary discourse (on the example of E. Hemingway’s novel “For Whom the Bell Tolls”)

Abstract: *The paragraph reveals the functions of the elliptical constructions in the context of E. Hemingway’s novel “For whom the Bell Tolls”. Such functions as economy of speech, informative, interrogative and expressive-evaluative are depicted within their subtypes and in details of their language realisation. The means of expression of these functions are also represented.*

Key words: elliptical constructions, informative function, interrogative function, expressive-evaluative function.

3.6. Речевые характеристики поведения женщины в англоязычном художественном дискурсе

В наше время технологического прогресса и третьей волны феминизма современное общество претерпевает переосмысление роли и статуса женщины и института семьи целиком. Традиционное представление жены, как хранительницы очага и матери, считается консервативным и не всегда соответствует реальности. Целью данного исследования является выявление отличительных речевых характеристик женщины, для составления впоследствии цельного образа современной британской женщины. Изменения общества неизменно находят свое отражение в культуре, и материалом данного исследования является художественный текст, который способен раскрывать характер и настроение не отдельно взятого человека, а народа или даже нации. «Литература есть выражение общества, так же как слово есть выражение человека», – писал французский философ Луи Бональд²¹⁵.

Представляется важным рассмотреть речевые характеристики женщины, состоящей в браке и исполняющей роль жены. Поскольку одной из понятийных особенностей женщины в качестве жены (wife) является принадлежность представителя к женскому роду, то важнейшими речевыми признаками являются особенности речи, присущие женщинам. Согласно британскому эксперту в области гендерных различий речевого поведения, Эндрю Уайту, приведем следующие особенности речевого поведения у женщин, в таких аспектах, как фонетика, лексика, грамматика, речевой стиль и основная тематика разговоров²¹⁶.

²¹⁵ Bonald L.-G.-A. Recherches Philosophiques Sue Les Premiers Objects Des Connaissances Morales: Demonstration Philosophique Du Principe Constitutif De La Societe / Tires De L'evangile (French Edition). – Charleston, 2011. – P. 511.

²¹⁶ White A. Race, Bias and Power in Child Welfare, Child Welfare Watch // Center for Urban Future and the N.Y. Forum. Special Issue. – Spring/Summer. 1998. – No. 3. – P. 1–5.

Фонетические особенности женской речи в английском языке:

1. Женщины имеют тенденцию к более правильному произношению звуков, в плане интонации женщинам свойственно восходящая интонация в общих вопросах:

– *When do you want to go to the store?*

– *Oh... about four-thirty?*²¹⁷

Очевидно, в данном примере жена ответила мужу с восходящей интонацией, так он охарактеризовал ее реакцию как неуверенную:

Her answer contained hesitation and inquiry.

Что касается тона, то Мери Кей, посвятившая многие работы особенностям женской речи, замечает, что переменчивый тон женщин в американской и британской культурах выражает высокую эмоциональность и речь может звучать нежнее и подчеркнуто вежливо²¹⁸.

Husband: When will dinner be ready?

Wife: of...around six o'clock?

*The rising tone of her speech, expressing her gentleness, sounded like if she forgot yesterday evening*²¹⁹.

Как видно из примеров, женская речь характеризуется правильным произношением звуков, и нестандартным интонированием предложений, что выражает тенденцию женщин показывать свою неуверенность, слабость или вежливое расположение к собеседнику.

Из лексических особенностей Эндрю Уайт выделяет следующие:

1. Широкое использование слов, придающих эмоциональную окраску, таких как *much, quite, vastly, awfully, pretty, terribly, vastly*. Далее идет предложение, где одна жена описывает состояние другой, нарочито повторяя слово *poor*.

²¹⁷ Galbraith R. *The Silkworm* (Cormoran Strike Book 2). – L.: Kindle Edition, Mulholland Books, 2012. – P. 25.

²¹⁸ Key M.R. *Linguistic Behavior of Male and Female // Linguistics*. – 1972. – Vol. 8. – P. 6.

²¹⁹ Fielding H. *Bridget Jones's Diary: A Novel*. – L.: Kindle Edition, Penguin Books, 1999. – 324 p.

*His poor, poor wife... she's absolutely devastated ...*²²⁰

В следующем примере для усиления сочувствия женщина употребляет частицы *how* и *so*.

I just heard – I had to come – Shirley, how awful, I'm so sorry.

“Ruth, dear,” said Shirley, getting up, and allowing herself to be embraced. “That's so kind. So kind.”

*“Very sad,” said Pat, rocking a little on his toes in front of his mantelpiece. “Very sad indeed”*²²¹.

2. Частое использование наречий и прилагательных в превосходной степени также характерно для женщин. Как заметил выдающийся филолог в области речевого поведения О. Есперсон, женщины, «в своей любви к чрезмерному использованию усилительных наречий пренебрегают первоначальным значением слова»²²².

3. Женщины в британской культуре склонны к вежливости, что выражается не только в интонации и грамматических формах, но в использовании эвфемизмов вместо бранной лексики или ругательств. Например, одна из героинь романа Хелен Филдинг “*Bridget Jones's Diary*”, рассказывая подруге о начале менструального цикла, заменяет медицинский термин эвфемизмом:

*My grandmother has come to stay*²²³.

Вместо привычного устойчивого выражения *I don't give a fuck* девушка в следующей реплике интерпретирует его по-своему:

*“I don't give a monkey's,” said Robin into a handful of paper napkins and Strike laughed*²²⁴.

Далее приводится еще один пример использования эвфемизма:

*“He's a right one, isn't he?” commented Leonora Quine as she sat down in the chair facing Strike's desk*²²⁵.

²²⁰ Galbraith R. *The Cuckoo's Calling* (Cormoran Strike Book 1). – L.: Kindle Edition, Mulholland Books, 2013. – P. 52.

²²¹ Rowling J. K. *The Casual Vacancy*. – L.: Kindle Edition, Mulholland Books, 2012. – P. 42.

²²² Jespersen O. *Language: Its Nature, Development and Origin*. – L.: Allen and Unwin, 1922. – P. 123.

²²³ Fielding H. *Bridget Jones's Diary: A Novel*. – L.: Kindle Edition, Penguin Books, 1999. – P. 13.

²²⁴ Galbraith R. *The Cuckoo's Calling* (Cormoran Strike Book 1). – L.: Kindle Edition, Mulholland Books, 2013. – P. 140.

Однако касательно пункта вежливой речи у женщин нужно учитывать последние исследования в области современной теории культуры речи. Как замечает З. Е. Фомина, «в наши дни речь имеет тенденцию к огрублению, как у мужчин, так и у женщин»²²⁶. Беря во внимание данный факт, вполне очевидным является реакция жен на происходящие неприятные ситуации в их жизни, выраженная обценной лексикой.

“Oh yeah,” she said, “there’s funny stuff happening since he left.”

“What kind of funny stuff?”

“Shit,” said Leonora Quine matter-of-factly, “through our letter box”²²⁷.

В следующей строке та же женщина пересказывает слова своего мужа, используя те же выражения:

“I’m not telling you, that’s the whole bloody point, getting away from the wife and kids”²²⁸.

Также, исходя из теории о повышенной эмоциональности речи женщин, в произведениях были не раз встречены такие глаголы в прямой речи, как *exclaim*, *break into tears*, *sob* и т. д. В следующих предложениях можно наглядно убедиться в частом использовании глаголов выражающих эмоциональную напряженность в косвенной речи:

Mary screamed – and kept screaming.

“Barry Fairbrother’s dead,” panted Ruth Price.

“No, no, no, no,” Mary had moaned,

“Andrew!” wailed Ruth. “You haven’t been – ?”

“But we said,” whimpered Jane, “we said, with his exams coming –”²²⁹.

²²⁵ Galbraith R. The Cuckoo's Calling (Cormoran Strike Book 1). – L.: Kindle Edition, Mulholland Books, 2013. – P. 63.

²²⁶ Фомина З. Е. Эмоционально-оценочная лексика в русском и немецком языках // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике (лексика и синтаксис). – Воронеж, 1995. – С. 5–28.

²²⁷ Galbraith R. The Silkworm (Cormoran Strike Book 2). – L.: Kindle Edition, Mulholland Books, 2012. – P. 63.

²²⁸ Ibid.

²²⁹ Rowling J. K. The Casual Vacancy. – L.: Kindle Edition, Mulholland Books, 2012. – P. 450.

Грамматические нюансы речи женщин:

1. Частое использование разделительных вопросов, что выражает нежелание женщин убедить собеседника в правильности своего мнения, дает почву для дальнейшей дискуссии и передает степень неуверенности.

*The way prices are rising is horrendous, isn't it?*²³⁰

2. Использование специфических конструкций для уклонения прямых ответов на вопросы, к таким конструкциям можно отнести: “kind of”, “sort of”, “you know”, “I think”, “I suppose”.

3. Использование особых грамматических форм при выражении просьб, что выражает желание женщин быть как можно вежливей:

*On your way back, could you please bring that here?*²³¹

4. Гиперкорректная грамматика является особенностью женской речи, наряду с намеренно правильным произношением звуков, как отмечалось ранее. В проанализированных произведениях процент использования сокращений глагольных форм в разговоре у женщин намного ниже, чем у персонажей-мужчин.

В стиле речи и в выборе тем для разговора к женскому речевому поведению можно отнести такие особенности:

1. Типичная черта построения текста, свойственная женщинам – включение в ход разговора тематики, которую порождает обстановка речи, действия, которые производят говорящие. При описании различных жизненных ситуаций женщинам свойственно обращать внимание на чувства участников происходящего, а не факты. Также женщины чаще ссылаются на личный жизненный опыт и приводят примеры конкретных случаев из опыта ближайшего окружения. Женщинам свойственно избегать таких тем, как политика, смерть, война.

2. Для женщин характерна тактика сотрудничества в процессе коммуникации, что выражается в стремлении проявить участие к собеседнику и большему количеству вопросов. Также, женщинам свойственно выслушивать собеседника до конца, а не перебивать, и заканчивать разговор позже мужчин, что с одной стороны, гово-

²³⁰ Fielding H. Bridget Jones: The Edge of Reason: A Novel (Bridget Jones series Book 2). – L.: Kindle Edition, Penguin Books, 2001. – P. 205.

²³¹ Fielding H. Bridget Jones's Diary: A Novel. – L.: Kindle Edition, Penguin Books, 1999.

рит о женской болтливости, а с другой – подчеркивает стремление к сотрудничеству.

Подведя итог общих речевых женских характеристик, можно сделать вывод, что женщины в английской культуре при общении стараются быть вежливыми, показывать слабость и неуверенность, большое внимание уделяют эмоциям и чувствам, выказывают уровень своего воспитания и образованности, что выражается в верном произношении звуков и корректной грамматике.

Проанализировав материал исследования, можно сказать, что жены, помимо общих женских речевых особенностей, обладают особыми речевыми характеристиками, что проявляется преимущественно в диалогах с мужьями. Как было сказано выше, женщины в речи тяготеют к употреблению большого количества вопросов, чтобы показать неуверенность и нежелание давить на собеседника, однако в общении с супругами, жены часто используют императивные конструкции, что может свидетельствовать о близких, интимных отношениях. Например:

Shirley, who detected a personal reproof in all of this, said coldly, "I've told you, I've taken care of it, Howard. Let me do it."

"Come back to the office and bring my bag then."

"Geoffrey," hissed Una. "Go-and-see-to-the-barbecue"²³².

Широкое использование императивных конструкций со стороны жен может свидетельствовать и о попытках командовать и манипулировать мужьями, пользуясь их расположением, добрым и нерешительным характером, любовью.

Таким образом, для составления образа жены в английском языке было изучено речевое поведение как любых представительниц женского пола, так и непосредственно тех, кто связан узами брака. Примечательным являются те характеристики, которые отличают жен от незамужних женщин, а значит, являются ключевыми для составления образа жены в современной британской литературе. Итак, речевыми признаками жены, помимо общих феминных качеств, являются особые формы общения с мужьями: ласковые обращения и повелительные конструкции. Данные формы являются противоречивыми, что указывает на двойственную натуру женского характера.

²³² Galbraith R. *The Cuckoo's Calling* (Cormoran Strike Book 1). – L.: Kindle Edition, Mulholland Books, 2013.

Вакунова Е. А.
Vakunova E. A.

Female speech characteristics in the literary text in English

***Abstract:** The research focuses on some phonetic, lexical, grammatical and pragmatic characteristics of women's speech on the basis of literary texts of the British authors. It is stated that there are some specific features of linguistic usage differentiating the status of women as a wife and an unmarried female.*

***Key words:** literary text, female speech characteristics, speech of wives.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова, Н. А. Политическая культура Китая. Традиции и современность / Н. А. Абрамова. – М.: Муравей, 2001. – 320 с.
2. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 352 с.
3. Анисимова, О. А. Поэтика «Хроник Эмбера» Роджера Желязны: дисс. ... канд. филол. наук / О. А. Анисимова. – СПб., 2010. – 179 с.
4. Аносова, К. М. Когнитивное моделирование актов номинативной деривации: дисс. ... канд. филол. наук / К. М. Аносова. – Кемерово, 2009. – 222 с.
5. Ансокова, Д. В. Англоязычный политический дискурс: функциональная характеристика / Д. В. Ансокова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – С. 58–61.
6. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Флинта, 2016. – 295 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Номинация, референция, значение / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация. Языковые вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 188–206.
8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 2003. – 384 с.
9. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 2016. – 576 с.
10. Багана, Ж. Стилистические характеристики законодательного текста / Ж. Багана, Н. Л. Кривчикова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 6 (149). – Вып. 17. – С. 49–53.
11. Базылев, В. Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика / В. Н. Базылев. – Екатеринбург, 2005. – № 5. – С. 5–32.
12. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – 295 с.
13. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации: Советский политический язык (от ритуала к метафоре) / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.

14. Бархударов, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1976. – 200 с.
15. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
16. Бережной, С. Электрический экспериментатор Хьюго Гернсбек на пути к Amazing Stories / С. Бережной. – Режим доступа: <http://barros.rusf.ru/article029.html>. – Загл. с экрана.
17. Биография Вероники Рот. – Режим доступа: <https://eksmo.ru/authors/rot-veronika-ITD19068/>. – Загл. с экрана.
18. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики: учебник / М. Я. Блох. – М.: Высш. школа, 2004. – 160 с.
19. Большой немецко-русский словарь. В 3 т. Ок. 180 000 лексических единиц. Т. 2 / сост. Е. И. Лепинг [и др.]; под общ. рук. О. И. Москальской. – М.: Русский язык, 1997. – 680 с.
20. Быков, Ф. С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае / Ф. С. Быков. – М., 1996. – С. 95–103.
21. Бэкон, Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 240 с.
22. Валева, Н. Г. В Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты: монография / Н. Г. Валева. – М.: РУДН, 2010. – 245 с.
23. Васильев, Л. С. История Востока: учебник. – В 2 т. Т. 2. По спец. «История». – М.: Высш. шк., 1998. – 495 с.
24. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев – М., 1970. – 488 с.
25. Васильев, Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество) / Л. С. Васильев. – М.: Высш. шк., 1983. – 368 с.
26. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М.: Издательство РАО, 2001. – 224 с.
27. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
28. Вомперский, В. А. Искусство публицистики (проблемы теории и мастерства) / В. А. Вомперский // Тез. докл. на республ. науч. конф.-семинаре. – Алма-Ата, 1966. – С. 82–85.
29. Выгодский, М. Я. Справочник по элементарной математике / М. Я. Выгодский. – М.: Наука, 1974. – 416 с.

30. Галецкий, В. Скромное обаяние политкорректности / В. Галецкий // Дружба народов. – 2006. – № 9. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/9>. – Загл. с экрана.
31. Гамкрелидзе, Т. В. К проблеме «произвольности» языкового знака / Т. В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. – 1972. – № 6. – С. 33–40.
32. Ганшина, К. А. Французско-русский словарь: 51 000 слов / К. А. Ганшина. – М.: Русский язык, 1979. – 912 с.
33. Голев, Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. – Томск: Изд-во Томского университета, 1989. – 252 с.
34. Голев, Н. Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи. Детерминационный аспект / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z69.html>. – Загл. с экрана.
35. Горбунов, А. Г. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма / А. Г. Горбунов. – Ижевск, 2013. – 56 с.
36. Горюнов, С. В. О соотношении мифологии и онтологии (в свете идей В. И. Вернадского) / С. В. Горюнов // Ноосфера и художественное творчество / отв. ред. В. В. Иванов. – М., 2009. – С. 88–100.
37. Гумбольдт, В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. фон Гумбольдт // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1966. – 468 с.
38. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
39. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях / сост. В. А. Звегинцев. – Ч. I. – М.: Просвещение, 1964. – С. 85–104.
40. Давыдова, М. М. Прагматические характеристики эллипсисов (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. М. Давыдова. – Курск, 2012. – 22 с.
41. Дари, А. С. Импликация, эллипсис и другие смежные явления (на материале современного французского языка) / А. С. Дари. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 62 с.
42. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М.: Книжный дом Либроком, 2013. – 344 с.
43. Желязны, Р. Фэнтези и научная фантастика. Взгляд писателя / Р. Желязны. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/work51934>. – Загл. с экрана.

44. Заботкина, В. И. Новая лексика английского языка / В. И. Заботкина. – М.: Высш. шк., 1989. – 56 с.
45. Иняшкин, С. Г. К проблеме определения субжанров научно-фантастического дискурса / С. Г. Иняшкин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2012. – № 2 (10). – С. 95–100.
46. Иняшкин, С. Г. Роль дискурсивного анализа для определения жанра англоязычной фантастической / С. Г. Иняшкин // Преподаватель XXI век. Серия «Языкознание». – 2016. – № 1, ч. 2. – С. 399–405.
47. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. English-Russian / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 320 с.
48. Карапетьянц, А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики / А. М. Карапетьянц. – М., 1982. – С. 11–37.
49. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л., 1988. – 78 с.
50. Кибрик, А. А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
51. Кипрская, Е. В. Национально-специфические особенности политкорректной лексики (на примере русского и английского языков) / Е. В. Кипрская. – Режим доступа: <http://www.lingvomaster.ru/files/167.pdf>. – Загл. с экрана.
52. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
53. Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, типологии / Н. А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1988. – С. 167–183.
54. Кожина, Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных произведений / Н. А. Кожина // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-н/Дону, 1987. – С. 111–116.
55. Колшанский, Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации / Г. В. Колшанский // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 99–146.
56. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 176 с.
57. Конрад, Н. И. Избранные труды / Н. И. Конрад – М., 1997. – 511 с.

58. Коробка, П. Л. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема: дисс. ... канд. филол. наук / П. Л. Коробка. – М., 1999. – 156 с.
59. Корги, М. Столкновение культур и политическая корректность / М. Корги // Независимая газета. – 2003. – 24 марта.
60. Кравченко, И. И. Политическая мифология: вечность и современность / И. И. Кравченко // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 3–17.
61. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
62. Левицкая, Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. – 125 с.
63. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П. А. Лекант. – М.: Высшая школа, 2004. – 247 с.
64. Логачева, В. Г. Англоязычная специфика моделирования английских субстантивных языковых единиц (лингвосомиотический аспект) / В. Г. Логачева, А. В. Олянич. – Самара-Москва: Изд-во МГПУ, 2009. – 184 с.
65. Ломтев, Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т. П. Ломтев. – М., 1958. – 168 с.
66. Лотман, Ю. М. Литература и миф. Мифы народов мира. Т. 2 / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский (под ред. С. А. Токарева). – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 58–65.
67. Маковский, М. М. Английская этимология / М. М. Маковский. – М., 2006. – 135 с.
68. Маркина, Н. В. Художественный мир Рэя Бредбери: традиции и новаторство: дисс. ... канд. филол. наук / Н. В. Маркина. – Самара, 2006. – 222 с.
69. Мартынов, А. С. Чжу Си и официальная идеология императорского Китая // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики / А. С. Мартынов. – М., 1982. – С. 11–25.
70. Мелетинский, Е. М. Мифологическое мышление. Категории мифов / Е. М. Мелетинский // Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. – М.: РГГУ, 2000. – С. 24–31.
71. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 2006. – 407 с.

72. Мразеулов, К. Фантастика. Общий курс / К. Мразеулов. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/mzareulov_konstantin/fantastika_obschiy_kurs/read/. – Загл. с экрана.

73. Мухин, А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка / А. М. Мухин / АН СССР. Ин-т языкознания. – Л., 1980. – 302 с.

74. Ноздрина, Л. А. Заглавие текста / Л. А. Ноздрина // Грамматика и смысловые категории текста: сб. науч. тр. им. М. Горького. – М., 1982. – Вып. 189. – С. 183–200.

75. Нудельман, Р. И. Фантастика / Р. И. Нудельман // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1972. – Т. 7. – С. 887–895.

76. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.

77. Ольшанский, Д. В. Политико-психологический словарь / Д. В. Ольшанский. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 567 с.

78. Ольшанский, Д. В. Политическая психология / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 567 с.

79. Осипов, А. Н. Фантастика от «А» до «Я»: Основные понятия и термины: краткий энциклопедический справочник / А. Н. Осипов. – М.: Дограф, 1999. – 351 с.

80. Остроух, А. В. Политическая корректность в США: культурологический аспект проблемы: дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Остроух. – М., 1998. – 179 с.

81. Панарин, И. Н. Информационная война и мир / И. Н. Панарин, Л. Г. Панарина. – М., 2003. – 384 с.

82. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В. В. Панин. – Тюмень, 2004. – 19 с.

83. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс; пер. с англ. Н. Л. Поляковой // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 94–122.

84. Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М.: Наука, 1984. – 340 с.

85. Потенция, А. Н. Мысль и язык: собрание трудов / А. Н. Потенция. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

86. Пражский лингвистический кружок: сб. статей. – М.: Прогресс, 1967. – 560 с.

87. Радуль-Затуловский, Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии / Я. Б. Радуль-Затуловский. – М.-Л., 1947. – 456 с.

88. Райс, К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202–228.

89. Ревзина, О. Г. Язык и дискурс / О. Г. Ревзина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 25–33.

90. Реунова, О. И. Эллипс как лингвистическое явление: [на материале английского языка] / О. И. Реунова. – Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2000. – 229 с.

91. Рецкер, Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – М., 1981. – 84 с.

92. Рождественский, Ю. В. Введение в культуроведение / Ю. В. Рождественский. – М.: Добросвет, 2000. – 288 с.

93. Рождественский, Ю. В. Принципы современной риторики / Ю. В. Рождественский – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1999. – 123 с.

94. Рот, В. Дивергент: роман / В. Рот; [пер.с англ. А. С. Килановой]. – М.: Э, 2016. – 416 с.

95. Русакова, О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций / О. Ф. Русакова // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология») – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – 177 с.

96. Рымарь, Н. Т. Порог и язык порога / Н. Т. Рымарь // Граница и опыт границы в художественном языке / Рурский университет, Самарская гуманитарная академия, Самарский государственный университет. – Вып. 4: Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2006. – С. 108–124.

97. Рябко, О. П. Когнитивное основание теории номинации и мотивации / О. П. Рябко // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Академия естествознания, 2012. – № 6. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7666>. – Загл. с экрана.

98. Садуов, Р. Т. Мифология в политическом дискурсе: анализ речей Тони Блэра / Р. Т. Садуов // Политическая лингвистика. – 2008. – № 26. – С. 95–101.

99. Сапогова, Л. И. Переводческое преобразование текста: учеб. пособие / Л. И. Сапогова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 320 с.

100. Сдобников, В. В. Теория перевода: [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков] / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.

101. Семенов, А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности: учеб. пособие для студ. лингв. кузов и фак. / А. Л. Семенов. – М.: Академия, 2008. – 160 с.
102. Семкин, М. А. Дискурс политического комментария в технологии ведения информационных войн / М. А. Семкин // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 167–175.
103. Синоло, Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа (Ветхого Завета) / Г. В. Синоло. – Мн.: Экономпресс, 1998. – 471 с.
104. Советский энциклопедический словарь / научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (пред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
105. Соловьев, А. И. Политическая культура: проблемное поле метатеории / А. И. Соловьев // Вестник Московского университета. Серия 12. – 1995. – № 2. – С. 31–41.
106. Сорокин, О. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия / Ю. А. Сорокин. – М., 1997. – 336 с.
107. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; редакция Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
108. Стам, И. С. Экспрессивный газетный заголовок и его взаимодействие текстом: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И. С. Стам. – М., 1982. – 18 с.
109. Степанянц, М. Т. Восточная философия / М. Т. Степанянц. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1997. – 503 с.
110. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
111. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров; пер. с фр. Б. Нарумов. – М.: Дом интеллект. кн., 1999. – 143 с.
112. Тюленев, С. В. Теория перевода: учебное пособие / С. В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
113. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учебное пособие для институтов и факультетов иностр. языков / А. В. Федоров. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология ТРИ, 2002. – 416 с.
114. Фомина, З. Е. Эмоционально-оценочная лексика в русском и немецком языках / З. Е. Фомина // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике (лексика и синтаксис). – Воронеж, 1995. – С. 5–28.

115. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
116. Чернышёва, Т. А. Природа фантастики / Т. А. Чернышёва. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 331 с.
117. Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. – Рязань, 2002. – С. 230–232.
118. Чжунго жусюэ цыдянь (словарь по китайскому конфуцианству) / Чжао Цзи Хуэй. – Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1989. – 919 с.
119. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М.: Наука, 2006. – 254 с.
120. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2002. – 367 с.
121. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
122. Шестеркина, Н. В. Мифологический концепт как единица лингвокультурологии / Н. В. Шестеркина // Концепт и культура. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. – С. 102–109.
123. Шилин, К. И. Экософия постконфуцианства // Информационные материалы. Серия Г: Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: развитие традиций и поиск путей модернизации. Вып. 2. III Всероссийская конференция. Редколлегия: Титаренко, Фектистов, Ломанов. 27–28 мая 1997 г. – М., 1997. – С. 99–105.
124. Штекли, А. Э. Кошмары Города Солнца: тирания общности или всевластие науки? Культура Возрождения и власть / А. Э. Штекли. – М.: Наука, 1999. – С. 84–94.
125. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы». – Режим доступа: <http://www.libros.am/book/read/id/92190/slug/zametki-na-polyakh-imeni-rozu>. – Загл. с экрана.
126. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
127. Юнг, К. Г. Комментарий к немецкому переводу даосских трактатов «Секрет золотого цветка» и «Книга Прозрения и Судьбы» / К. Г. Юнг // Восхождение к Дао / сост. В. В. Малявин. – М., 1997. – 297 с.
128. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 5–11.

129. Abramson, E. A. *Bernard Malamud Revisited* / E. A. Abramson. – New York: Twayne Publishers, 1993. – 163 p.
130. Almond, G. *Comparative Political Systems* / G. Almond // *Journal of Politics*. – 1956. – Vol. 18. – No 3. – P. 391–409.
131. Asimov, A. *Asimov on Science-fiction* / A. Asimov. – Garden City: Doubleday, 1981. – 334 p.
132. Austin, J. *How to do things with words* / J. Austin. – London: Oxford University Press, 1962. – 179 p.
133. Bales, R. F. *Faculty of Arts and Sciences – Memorial Minute* / R. F. Bales // *Harvard University Gazette*. – 2005. – November 22.
134. Bales, R. *Interaction process analysis: A Method for the Study of Small Groups* / R. Bales. – Cambridge: Addison-Wesley Press, 1949. – 203 p.
135. Bellack, A. *The Language of the Classroom* / A. Bellack, H. Kleibard, R. Hyman, F. Smith. – New York: Columbia University Press, 1966.
136. Bidois, G. *Le Syntaxe du francais modern* / G. Le Bidois, R. Le Bidois. – P., 1971. – V. I–II. – 779 p.
137. Bolinger, D. L. *The uniqueness of word* / D. L. Bolinger // *Lingua*. – 1963. – Vol.12. – P. 113–136.
138. Bonald, L.-G.-A. *Recherches Philosophiques Sue Les Premiers Objects Des Connaissances Morales: Demonstration Philosophique Du Principe Constitutif De La Societe; / Tires De L'evangile (French Edition)* / L.-G.-A. Bonald. – Charleston, 2011. – 586 c.
139. Bühler, K. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion des Sprache* / K. Bühler. – Jena: G. Fischer, 1934. – 450 s.
140. Clute, J. *Pardon this intrusion: fantastika in the world storm* / J. Clute. – Harold Wood. – Essex: Becon Publications, 2011. – 369 p.
141. Dijk, T. A. van. *Editor's Introduction: The Study of Discourse* / T. A. van Dijk. – London: Sage, 2007. – Vol. 1 of 5 vols. – P. 1-18.
142. Dijk, T. A. van. *What is Political Discourse Analysis?* / T. A. van Dijk // *Political Linguistics*. – Amsterdam, 1998. – Mode of access: http://semiotics.nured.uowm.gr/pdfs/Critical_discourse_analysis_TEUN_A_VAN_DIJK.pdf. – Title from screen.
143. Downing, P. *On the creation and use of English compound nouns* / P. Downing // *Language*. – 1977. – Vol. 53, No 4. – P. 810–842.
144. Faye, J. P. *Le Cercle de Prague. Thèses de 1929* / J. P. Faye, L. Robel. – Paris: Ed. du Seuil, 1969. – P. 23–41.

145. Feldman, O. *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere* / O. Feldman, C. De Landtsheer. – London and Westport, Conn., Praeger, 1998. – 368 p.
146. Fielding H., *Bridget Jones's Baby: The Diaries* / H. Fielding. – London: Kindle Edition, Penguin Books, 2016. – 242 p.
147. Fielding H., *Bridget Jones's Diary: A Novel* / H. Fielding. – London: Kindle Edition, Penguin Books, 1999. – 324 p.
148. Fielding, H. *Bridget Jones: The Edge of Reason: A Novel (Bridget Jones series Book 2) Reprint Edition* / H. Fielding. – London: Kindle Edition, Penguin Books, 2001. – 328 p.
149. Fiorito, L. *Speech Acts and Languages for Special Purposes. A Speech Act approach to ESP* / L. Fiorito // *Metalogicon*. – Rome, 2005. – Vol. XVIII, 1. – P. 43–60.
150. Flanders, N. *Teacher Influence, Pupil Attitudes and Achievement: Studies in Interaction Analysis* / N. Flanders. – Minneapolis: University of Minnesota, 1960.
151. Freedman, C. *Conversations with Isaac Asimov* / C. Freedman. – Oxford: University Press of Mississippi, 2005. – 170 p.
152. Galbraith, R. *The Cuckoo's Calling (Cormoran Strike Book 1)* / R. Galbraith. – London: Kindle Edition, Mulholland Books, 2013. – 561 p.
153. Galbraith, R. *The Silkworm (Cormoran Strike Book 2)* / R. Galbraith. – London: Kindle Edition, Mulholland Books, 2012. – 462 p.
154. Graber D. *Political Languages* / D. Graber // *Handbook of Political Communication*. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – P. 195–224.
155. Graesser, A. *Introduction to the Handbook of discourse processes* / Arthur C. Graesser, Morton Ann Gernsbacher, Susan Goldman // *Handbook of discourse processes*. – Mahwah, New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers. – P. 1–24.
156. Guiraud, P. *La stylistique* / P. Guiraud. – Paris: PUF, 1970. – 273 p.
157. *Handbook of discourse processes* / Edited by Arthur C. Graesser, Morton Ann Gernsbacher, Susan Goldman. – Mahwah, New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers. – 558 p.
158. Harris, Z. S. *Discourse analysis* // *Language*. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.
159. Heinlein, R. A. *On the Writing of Speculative Fiction in Of Worlds Beyond: The Science of Science-Fiction Writing* / R. A. Heinlein; ed. by L. A. Eshbach. – Reading: Fantasy Press, 1947. – P. 9–17.

160. Hemingway, E. For Whom the Bell Tolls: роман; на англ. яз. / E. Hemingway. – М.: Пророщец, 1981. – 560 p.
161. Jespersen, O. Language: Its Nature, Development and Origin. – London: Allen and Unwin, 1922. – 448 p.
162. Key, M. R. Linguistic Behavior of Male and Female / M. R. Key // Linguistics. – 1972. – Vol. 8. – P. 6–16.
163. Kyle, D. A. Pictural History of Science fiction / D. Kyle. – London: Hamlyn, 1977. – 173 p.
164. Lakoff, R. Language and women's Place / R. Lakoff // Language in Society. – 1973. – No 2. – P. 45–79.
165. Langacker, R. W. Concept, image, and symbol. The cognitive basis of grammar / R. W. Langacker. – Berlin, 1991. – 395 p.
166. Ley, Ph. Communication in an outpatient setting / Ph. Ley, M. Spelman // British Journal of Social and Clinical Psychology. – 1965. – Vol. 4. – P. 115–116.
167. Lind, W. S. PC Marxist Roots Unearthed / W.S. Lind. – Mode of access: http://www.blueagle.com/editorials/Lind_982.html. – Title from screen.
168. Malamud, B. The Fixer / B. Malamud. – New York: Farrar, Strauss and Geraux, 1966. – 301 p.
169. Malamud, B. The Talking Horse / B. Malamud. – New York Farrar, Strauss and Geraux, 1996. – 200 p.
170. Mittenecker, E. Eine quantitative Methode in der Sprachanalyse und ihre Anwendung bei Schizophrenen / E. Mittenecker // Monatschrift fur Psychiatrie und Neurologie. – Basel: Verlag Karger, 1951. – Bd. 121, Nr 6. – S. 364–375.
171. Morini, M. La traduzione. Teorie. Strumenti. Pratiche / M. Morini. – Milano: Sironi Editore, 2007. – 271 p.
172. Murdoch, I. The Time of the Angels / I. Murdoch. – L.: Penguin Books, 1987. – 370 p.
173. Parpalea, M. Diskursforschung in Deutschland / M. Parpalea // Synergy. – 2009. – Vol. 5, No 2. – S. 255–263.
174. Rayevska, N. M. Modern English Grammar / N. M. Rayevska. – Kiev: Vyšča škola publishers, 1976. – 304 p.
175. Reduction of postoperative pain by encouragement and instruction of patients / L. Egbert, G. Battit, C. Welch, M. Bartlett // New England Journal of Medicine. – Boston, 1964. – Vol. 270. – P. 825–827.
176. Reiss, K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / K. Reiss, H. J. Vermeer. – Tubingen, 1984. – 253 s.

177. Robinson, F. M. *Science fiction of the XX-th Century: an ill. history* / F. M. Robinson. – Portland: Collectors press, 1999. – 265 p.
178. Roger Zelazny Interview. – Mode of access: <http://lib.ru/ZELQZNY/zelinter.txt>. – Title from screen.
179. Roth, V. *Divergent*. – London: Harper Collins Publishers, 2013. – 489 p.
180. Rowling, J. K. *The Casual Vacancy* / J. K. Rowling. – London: Kindle Edition, Mulholland Books, 2012. – 494 p.
181. Sarcevic, S. *New Approach to Legal Translation* / S. Sarcevic. – The Hague, London, Boston: Kluwer Law International. – 305 p.
182. Saussure, F. de. *Cours de linguistique generale* / F. de Saussure; publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. – Paris: Payot, 1997. – 520 p.
183. Schefflen, A. *Communication and regulation in psychotherapy* / A. Schefflen // *Psychiatry*. – New York, 1963. – Vol. 26. – P. 126–136.
184. Searle, J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language* / J. Searle. – London: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
185. Shannon, C. *A Mathematical Theory of Communication* / C. Shannon // *The Bell System Technical Journal*. – July, October, 1948. – Vol. 27 (4). – P. 379–423, 623–656.
186. Shannon, C. *The Mathematical Theory of Communication* / C. Shannon, W. Weaver. – Urbana: University of Illinois Press, 1949.
187. Skipper, J. *Communication and the hospitalized patient* / J. Skipper // Skipper, J. K. & Leonard, R. C. *Social Interaction and Patient Care*. – Philadelphia/Toronto: J. B. Lippincott Company, 1965. – P. 61–82.
188. Taylor, R. “Subjective” and “objective” readings of possessor nominals / R. Taylor // *Cognitive Linguistics*. – 1994. – Vol. 5, No 5. – P. 214–215.
189. *The Encyclopedia of SF* / ed. by John Clute and Peter Nicholls. – L.: Orbit, 1999. – 1983 p.
190. *Tithonus* – Poem by Alfred, Lord Tennyson. – Mode of access: <https://www.poemhunter.com/poem/tithonus/>. – Title from screen.
191. Tynn, M. B. *Contributions to the study of SF and Fantasy* / M. B. Tynn. – N. Y., 1986. – 247 p.
192. Vermeer, H. J. *A Skopos Theory of Translation (Some Arguments For and Against)* / H. J. Vermeer. – Heidelberg: Text Context, 1996. – 369 p.
193. Vilela, I. *Hypothèses de résolution de quelques contradictions saussuriennes: Thèse de doctorat de Sciences du langage* / I. Vilela. – Lyon, 2014. – 253 p.

194. Wells, H. G. Appendix: Wells's prefaces to the 1941 Penguin edition. *The War in the Air*. – L.: Penguin Books Limited, 2006. – P. 297.
195. White, A. Race, Bias and Power in Child Welfare, *Child Welfare Watch* / A. White // Center for Urban Future and the N. Y. Forum. Special Issue. – Spring/Summer 1998. – No. 3. – P. 1–5.
196. Wilson, J. Political discourse / J. Wilson // *The Handbook of Discourse Analysis* / eds. D. Shiffrin, D. Tannen. – Hamilton: Blakwell Publishers, 2001. – P. 398–416.
197. Zacchi, R. Manuale di traduzioni dal' inglese / R. Zacchi, M. Morini. – Milano: Bruno Mondadori, 2002. – 309 p.
198. Zimmer, M. Science fantasy / M. Zimmer. – Mode of access: http://sf-encyclopedia.com/entry/science_fantasy/. – Title from screen.

СПИСОК АВТОРОВ

Вохрышева Е. В. – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Бельцер И. А. – кандидат филологических наук, доцент, PhD, преподаватель Открытого университета Израиля.

Бельцер И. С. – старший преподаватель кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Вакунова Е. А. – ассистент кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Варакина М. И. – кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Ермола Т. М. – магистрант кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Ефимова М. Н. – магистрант кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Заложных В. В. – аспирант кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Логачева В. Г. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Макарова О. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Пачколин В. А. – аспирант кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Степанова К. А. – ассистент, аспирант кафедры английской филологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Научное издание

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ ФЕНОМЕНОВ
В СИСТЕМЕ ДИСКУРСА**

Коллективная монография

Под общ. ред.
Е. В. Вохрышевой

Самарский филиал ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
443041, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Подписано в печать 06.11.17. Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офисная.
Гарнитура Times New Roman. Печать оперативная. Усл. печ. л. 11,25.
Тираж 100 экз. Заказ 2911. Отпечатано в «Рекламно-производственной
группе «Дейли», ООО «АДВИТЕК».
117312, г. Москва, ул. Вавилова, 17. (499)755-61-44, info@lets-work.ru.